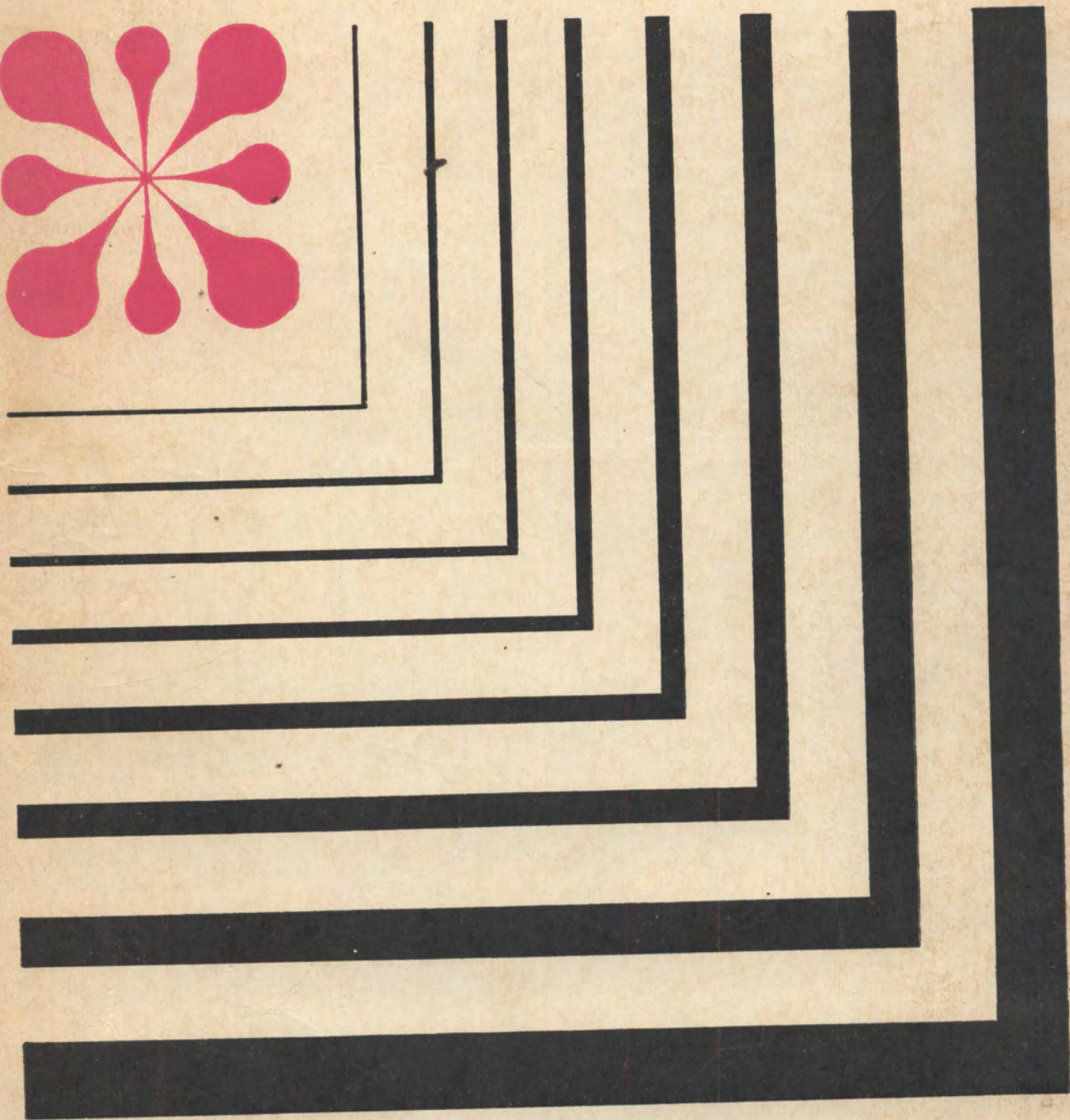
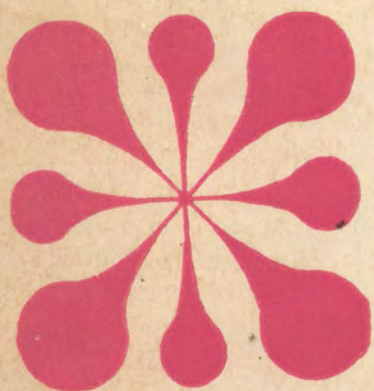

ДЕНЬ ПОЭЗИИ-68

ЛЕНИНГРАД

ДЕНЬ ПОЭЗИИ - 68

ЛЕНИНГРАД

« С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ »

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР *ВЛАДИМИР ТОРОПЫГИН*

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ: *НИКОЛАЙ БРАУН, МИХАИЛ ДУДИН, АЛЕКСАНДР КУШНЕР, АЛЕКСЕЙ ПАВЛОВСКИЙ, НАДЕЖДА ПОЛЯКОВА, АЛЕКСАНДР РЕШЕТОВ, ЛЕОНИД ХАУСТОВ, ВАДИМ ШЕФНЕР*

СОСТАВИТЕЛИ: *СЕМЕН БОТВИННИК И ПЕТР ОИФА,*

ХУДОЖНИК *ВАЛЕРИЯ ШУЛЬГА*

К ЧИТАТЕЛЮ

Добрый наш друг!

Это — десятый выпуск ежегодника «День поэзии». Издание сборника приурочено к десятому традиционному ленинградскому празднику поэзии.

У Дня поэзии нет определенной даты. Так случилось, что несколько лет подряд он проходит осенью. Но он бы мог быть и весной, и зимой, и летом — в любой день, потому что жизнь наша — дни труда и открытий, а поэзия как раз и занимается тем, что говорит о каждодневных наших свершениях.

Совсем недавно мы отметили славную дату — полвека Советского государства. В этом году исполнилось 50 лет героической Советской Армии, торжественно проходит 50-летний юбилей комсомола. Мы — накануне праздника 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Редколлегия сборника «День поэзии — 68» надеется, что стихи ленинградских поэтов, представленные в книге, отражают черты нашего времени.

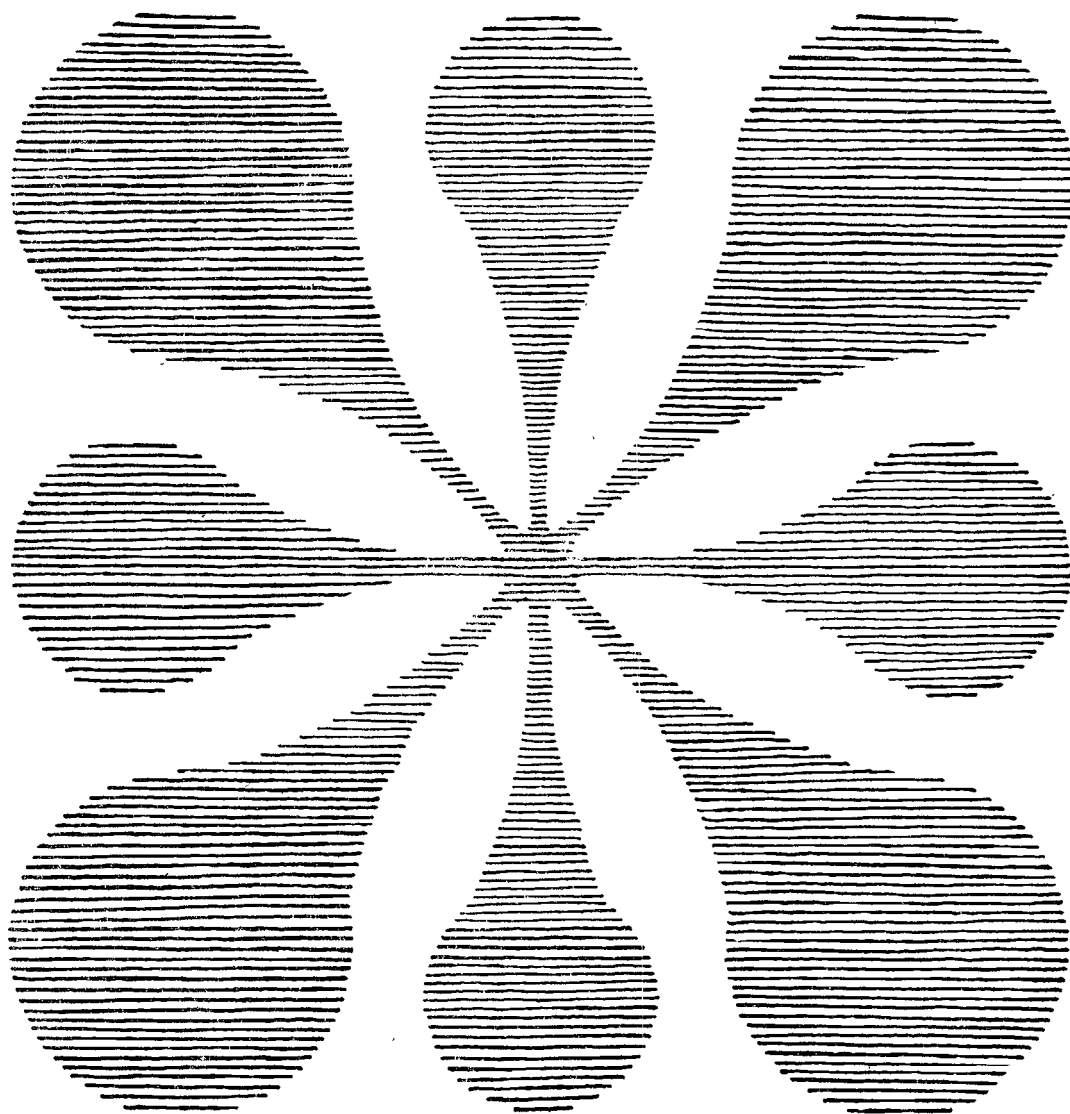
Кое-кто недоумевает: почему Дни поэзии собирают такое большое число слушателей, почему сборники стихов расходятся так широко, почему внимание к поэзии не только не затухает, а разгорается все больше и больше. А ответ прост: наш народ строит новое общество, и поэзия, показывая красоту мира и борясь с грубостью чувств, тоже строит — и наши души, и наше будущее. Как же могут не дружить строители!

С Днем поэзии, дорогой друг!

HOBOE

ИЛЬЯ АВРАМЕНКО

* * *

От первых дней, Отчизна, я — с тобой.
Я рано встал под красные знамена
и всех твоих героев поименно
назвать могу, меня водивших в бой.
От первых дней, Отчизна, я — с тобой.
Через года, тревоги и пространства —
пристрастия твои и постоянства,
признательный, я нес, само собой.
От первых дней, Отчизна, я — с тобой.
И — до конца, до собственного края,
покуда сердце, в пламени сгорая,
не даст с последним выдохом отбой.

* * *

А что же я оставлю по себе
на этой облюбованной планете, —
в холсте,
в металле,
в слове ли,
в резьбе
как оживут года мои вот эти?
Какие зерна в память заронил,
что скажут обо мне на горькой тризне:

ПОИСКИ И УДАЧИ

Леонид Агеев, *Мой человек. Лениздат, 1968.*

И дым большого боя
над полем лет мох. . .

Этими строками о себе, о вечном непокое своей души и своего времени говорит поэт Леонид Агеев в третьей книге стихов «Мой человек». «И дым большого боя» — образ мог родиться только в сознании человека, пережившего войну. Пережившего все равно кем, солдатом или мальчишкой. Точнее — так: в войну — мальчишкой, потом, после войны — солдатом. Потому так волнует

поэта все, что связано с войной в нашей, такой уже отдалившейся от сорок первого года, жизни:

Полсотни юных женщин в доме
Живет на светлых этажах.
Им незнакомо платье вдовье,
Фугаски вой и камня прах. . .

Книгу поэта Агеева населяют люди трех поколений — и счет поколениям ведется от лет войны. «Война, кончаясь, песни не кончала» — поэт запомнил эти песни навек, «на случай — на солдатскую тоску, на случай — на предсмертную любовь». Это первое поколение. За ним идет второе — поколение тридцатилетних, от имени

достойно ли пахал
и боронил —
мне б так хотелось знать еще при жизни!
Пусть с выводом потомок не спешит,
для вывода и время не пришло,
и кровь моя
еще не откипела,
и мысль еще
мгновеньем дорожит.

ИЗ БИОГРАФИИ

Посвящается Ленинграду

...В почтовом ли, в «пятьсотвеселом» —
не помню: давние года —
к тебе с путевкой губкомола
я ехал мальчиком сюда
из-за далекого Урала,
из той сибирской стороны,
и сладко сердце замирало,
что скоро явью станут сны.

От детства напрочь отлученный,
не знавший дальше ничего,
растерянный и восхищенный,
я встал у входа твоего —
в худом пальтишке грубоватом,
пошитом наспех, без затей.
А было это в двадцать пятом,
в начале юности моей.

которого говорит поэт. Наверное, всегда наша па-
мять будет возвращать нас к тем дням:

Я в мир былой и в мир земли иной
Могу перенести себя мгновенно,
А то пройду дорогою военной
И выйду — опаленный и седой... —

пишет Агеев. И, наконец, третье поколение — все
те, кто после нас, кого не коснулось дыхание
войны.

Доброта к людям, добро как великая опора
всего живущего — основа мироощущения Агеева.

А я еще улыбке верю,
И слову верю, и словам...

Еще я верю даже зверю,
К моим припавшему ногам.
Гляжу на лес — а лес надежен,
Ему неведомо конца... —

такова своеобразно агеевская декларация добро-
ты. Тревога за людей, за их судьбы постоянно при-
сутствует в его стихах.

Александр Городницкий, *Атланты. Л., «Совет-
ский писатель», 1967.*

У Александра Городницкого, геофизика, авто-
ра популярных среди молодежи лирических и по-

И в том начале тихой, скромной
любви, похожей на испуг,
сперва — затмивший все — огромный
возник над площадью битюг,
тяжелый и не экспансивный
под тумбой, — проще говоря:
под венценосной и массивной
чугунной задницей царя.

И с этой площади Восстанья,
еще далекий, не родной,
в холодном утреннем тумане
ты открывался предо мной.
Заря еще не пламенелась,
усталость ночи не сошла,
а сквозь туман уже виднелась
Адмиралтейская игла.

И голос мне твердил всегдашний:
«Не затеряйся, новичок...»

Я опустил к ногам домашний
свой деревянный сундучок,
где — на обратной стенке крышки
портрет наклеен Ильича,
где — с детства читанные книжки,
стихи в тетрадах и свеча,
где — валенки и рукавицы,
чтоб вьюга часом не сожгла,
где — шаньги черствые в тряпице,
что мать в дорогу напекла.

О город, знавший вьюги Блока,
красногвардейские посты!

ходных песен, вышла первая книга стихов — «Атланты». В этом сборнике соединились как бы две книги. Одна — проникнутая романтикой антиутопа, героикой дальних походов. Другая — мудрое, подчас нелегкое осознание истинных ценностей жизни.

Первая адресована к очень юным читателям, жаждущим трудностей во имя трудностей, во имя самого процесса их преодоления, подвига — во имя подвига. Герой этой книги мужествен прежде всего, можно даже сказать — мужествен во что бы то ни стало. Он готов отречься от всего, что может помешать ему в его вечном романтизированном походе, в его нелегкой бродячей судьбе. Возникает целая замкнутая система походного мужества:

За кормой ревун кричит во мгле.
Смотрит вахта в сумрачную темень.
Мне бы жизнь прожить на корабле,
В деревянной замкнутой системе.
Чтоб не пачкать строчками тетрадь...

Постойте, как же так — не пачкать строчками тетрадь? То есть отречься от самого себя во имя этой пресловутой упрощенной мужественности? И хотя стихотворение кончается легкой усмешкой над собой:

И горит огнем со всех сторон
Мир без суши, золотом залитый.
И ночами мой спокойный сон
Берегут врачи и замполиты —

Его швыряло в берега,
его стругало на порогах.
Весной —
от устья до истоков, —
рожая,
корчится река. . .
Наточен плотницкий топор,
зубаста звонкая ножовка,
растет изба,
встает забор,
а в клубе — перепланировка. . .
С утра движки заведены
на лесопильной
пыльной раме. . .
И вот,
пронзенное баграми,
восходит древо из воды. . .
На службу — да!
На пользу — да!
Но как непросто примириться,
что не цвести,
что не ветвиться,
не сеять семя никогда!
В рассветном небе не качать
зеленокудрой головою. . .
Ку-
ку-
шке летнею порою
о вечной жизни не кричать. . .

* * *

Высокое небо молчало,
дышала в затылок земля.
Ромашка ромашке устало
кивала,
пыльцою пыля.
Клубились неясные думы
в полднейной моей вышине,
как будто кудлатые дымы
костров, разведенных на дне.
Взлетая,
граненые искры
подолгу светились сквозь дым,
не тая,
и пахло смолисто
под этим салютом простым.
И облако дивного роста
твердело в моей вышине,
и было впервые мне
просто
со временем наедине. . .
Сгущалось молчанье меж нами,
и, стрелами солнца лучась,
хронометр напрягшийся замер. . .
И не было равно у нас:
у времени звука такого,
чтоб камнем ударить мне в грудь,
в согретой груди моей — слова,
чтоб это молчанье вспугнуть. . .

ВСЕВОЛОД АЗАРОВ

БЕЛАЯ АКАЦИЯ

Девочка южная, Летнее платьице. . .	Кони процокали Кавалерийские.
Белая, вьюжная Прелесть акации.	Кто это гонится? Белая конница.
Тень осторожная, Звездные сполохи. Моря тревожные, Влажные шорохи.	Город суровый, Он в ноги не клонится.
Вновь издалёка Короткие выстрелы.	Море накатится Смутное, мглистое. . . «Белой акации Грозди душистые».

В кафешантане
Запечочка модная,
А на экране —
Вера Холодная.

Старая песня
По-новому спета:
«Смело мы в бой пойдем
За власть Советов!»

В меркнувшем зале,
Где лица как в ретуши,
В узком бокале
Пушистая веточка.

Паника белых,
Эвакуация.
Конников смелых
Венчает акация.

Хрипы агоний
За контрразведкою,
Дерево стонет
Израненной веткою.

Дерево
Юности нашей мятежной,
Вновь расцветает ты
Щедро и нежно.

Тайной тропой,
В темноте нескончаемой,
В праведный бой
Вступает окраина.

Снова иду
Под акации тенью,
Раннюю вижу звезду
В отдаленьи.

Словно мечи,
Ярость войска отцовского,
Чу, трубачи
Красной лавой
Котовского.

Юность моя,
Ты не знаешь покоя.
К веточке я
Прикасаюсь рукою!

ЛЕБЕДИ В ХАПСАЛУ

Спят жена и дети рыбака,
Скоро ль возвратится он с уловом?
Глаз берегового маяка
Светится то желтым, то багровым.

Месяц, отражаясь на волне,
Ткет свои серебряные нити.
Городок в бессонной тишине
Полон ожиданием событий.

Пена набегаёт на гранит,
Рассыпаясь водяною пылью.
Воздух взбудораженный шумит
Взмахами ещё незримых крыльев.

Осенью, весной, извечно так,
По неизменяемым законам
Птицы разбивают бивуак,
Опускаясь к голубым затонам.

Стаями проносятся в ночи
И снижаются на берег плоский...

«Лебединым озером» звучит
В Хапсалу вернувшийся Чайковский.

Там на берегу его скамья,
Где любил он слушать гул прибоя,
Можем ли сегодня, ты и я,
Не внимать ему в ночном покое?

В этих скрипах — жизни торжество,
Посвист крыльев, смутный шорох елей...
И, быть может, музыка его
Белым лебедям дана как пеленг?

Весь залив был ранним утром бел, —
Стан веками длящихся кочевий...
И гудит от оперенных стрел
Воздух под смычком виолончели.

Улетают лебеди на юг —
Поздняя любовь и счастье чье-то, —
А над морем расставанья звук
Тает замиранием полета.

АНАТОЛИЙ АҚВИЛЕВ

* * *

Идущие,
восставшие,
крещенные грозой,
с ладонями,
пропахшими
железом и росой!

От самых первых,
лапотных,
голодных Октябрей
и до последних рапортов
со звездных кораблей,

и дальше —
нескончаемо —
через громады лет
несем на красном знамени
бессмертный силуэт.

Нам это право вверено
на вечные года:
мы — продолженье Ленина,
мы в мире — навсегда!

Тебя, как совесть, чувствую,
«Интернационал»!
Над миром,
как над бруствером,
ты бурю расплескал.

Сквозь пули пулеметные
под музыку твою
с бесправными,
с голодными
за Лениным
встаю.

ВЕСНА БЕРЕТ СВОИ ПРАВА

Весна берет свои права:
горит заря,
встает трава,
над перепутьями Земли
летят со звоном журавли.

Весна берет свои права.
Весна всегда была права.

Восходит солнце на леса,
звенит Нева у стапелей,
светлеет небо,
как глаза
у наших жен и матерей.

Весна берет свои права.
Весна всегда была права.

Друзья Весны
куют плуги.
В ночи
мечи
куют враги.

Но я сегодня не засну —
пойду сражаться
за Весну!

Весна возьмет свои права:
весна всегда была права!

И у меня есть пара рук,
а на Земле —
миллионы рук!
Давай
сомкнем их в общий круг —
и преградим пути войне!
Откроем путь
одной Весне!

Пусть на Земле растает снег,
пусть от Весны и от любви
вдруг улыбнется человек
и засмеются
соловьи!

ГЕННАДИЙ АЛЕКСЕЕВ

МАШИНА ВРЕМЕНИ

Тетка в синем переднике
сдирает со стены старые афиши.
Они отдираются слоями.

Обнажаются:

название выставки,
которая уже давно закрыта,
фотография клоуна,
который умер месяц назад,
и имя дирижера,
уже закончившего свои
гастроли.

Тетка в синем переднике
поворачивает время вспять.

Содрав старые афиши,
тетка мажет стену клеем
и наклеивает новые.

Появляются:

название премьеры,
которая еще не состоялась,
портрет певицы,
которая еще не приехала
в город,
и дата открытия театра,
который еще не построен.

Тетка в синем переднике
открывает тайны грядущего.

НИНА АЛЬТОВСКАЯ

ВЕСЕННИЕ СТРОКИ

По набережной девочка идет,
ладошкой касаясь парашюта.
В капроновое облачко одета,
она себе тихонечко поет.

О чем она?

Пока что ни о чем.
Слова еще становятся словами.
Приподнят алый обруч над плечом —
в послушный круг свернувшееся пламя.

А ветерки летят со всех сторон,
о чем-то шепчут, что-то обещают,
и каменный, решительный Плутон
нагую Прозерпину похищает.

Замедлив шаг, глядит на изваянья
(так в зоопарке смотрят медвежат),
и крылышками белые воланы,
топорщась, на плечах ее дрожат.

И вся она, как стеклышко, сквозная,
и любопытства вся она полна.
Я знаю, эта девочка земная —
и все-таки бессмертная она!

Не спорьте с очарованной со мною,
смотрите! —

сквозь веков круговорот
над синюю, над чистою волною
по набережной девочка идет.

ЛЮДМИЛА БАРБАС

* * *

Я восхищаюсь нежно
Стариками,
Которым сто
И более ста лет.
Они живыми
Светят маяками
Для тех, других,
Шагающих им вслед.
О, старики,
О, радостное чудо,
Всем представленьям
нашим

Вопреки.
Кто говорит,
Что не было вам худо,
Что лучше всех
Жилось вам, старики!
Кто вас хранил?
Добрейшие аллахи
Считали справедливым
Испокон,
Что человек
Жил меньше черепахи,
Был так
Несовершенно сотворен.

И старикам,
Должно быть, одиноко
В их слишком
Ограниченном числе:
Не многих жизнь
Оставила сверх срока,
Продлив им
Пребыванье на земле.
Но если это
Сделано для пробы?
Ты представляешь только,
Человек:
Любовь клянется
В верности до гроба,
Буквально получается —
На век!
И старики,
Железная порода,
Берут барьер,
Их жизнь еще не вся...
Мы тоже собираемся,
Природа,
Жить до ста лет,
Раз опыт удался.

ВАСИЛИЙ БЕТАКИ

* * *

Подожди меня,
Слышишь, планета моя, подожди,
Ведь у нас еще все впереди,
Хоть бывали
И дожди, закрывавшие лица людей, как вуали,
И вуали на лицах холодны и густы, как дожди.
Подожди!

Мне б сквозь зиму — навывлет,
И лето — насквозь,
Чтоб отстал самолет, как медлительный лось:
Разве можно сравнить его гулкий и глупый мотор
С тем, который в груди? ..
Подожди!

Я увидеть хочу города,
Где в щербатые лестницы плещет вода,
И такие —
где лишь на базарах бывает вода,
И такие — где севером пахнут сады...
Подожди!

Мы друг другу вполне подошли,
Ты — хорошая, только прошу:

покажи
Все цвета твоих карт,
Все твои города,
Дай увидеть мне их без руин, без вражды!
Подожди!

...Ленинград желто-белый заснул,
Ереван розовеет сквозь седину,
А Голутвин — как будто его подождгли:
Весь в густых красноталах...
Подожди!

Подожди!

Так оранжевы дни Ашхабада,
Так сиреневы в крапинках пестрых мозаики Рима,
И стекольно прозрачен Стокгольм,
А в Батуми — такие дожди! ..
Подожди меня, шар голубой,
Это просто необходимо!
Все узнать, все увидеть позволь...
Подожди!

Как ты годы мотаешь в клубок!
Подожди...
Подожди...

ДМИТРИЙ БОБЫШЕВ

* * *

Откуда-то из самых нижних недр
весь вымахав охапкою воздушной,
и распушась, и воздухом надувшись,
в каком-то великанском простодушьи
приваживает к небу стать свою,
полянью, лес и беличью семью,
пылающую на ветвях, как свечи.
И поминутно внутрь ныряют векши,
орешки достают из хвойных недр.
И замечает жаркою метелью
связавшего себя небесной целью,
и кажется рождественскою елью
многонесущий кедр.

* * *

Себя накапливает день,
гудит и лиловеет тень,
гудят шмели,
и что-то шевелит листом,
и тихо веет от земли
большим теплом...

ВИЛЕН БОРИСОВ

* * *

Здесь осень золото ковала,
Зима —
Ковала серебро

Девчонка воду доставала,
На счастье —
Полное ведро!

А яркий месяц в ведрах мылся,
Плескался
Сам в своих лучах —
И оживало коромысло,
Как будто крылья на плечах.

Неуверенность и лень.
Мой супруг, любимый мой,
Ровно в пять пришел домой.
Он, войдя, сиял улыбкой,
Посветлело все при нем.
Щедр, как золотая рыбка,
Он с Андреевского рынка
Гладиолусы принес.
Алый борщ — моя поэма.
Вся семья моя поела,
И жаркое — удалось.
И была мила я видом
От английских туфель и до
Пышно встрепанных волос.
Вечер наш был комедийным,
Музыкальным, трагедийным:
Мы в искусство уходили,
Точно в Мекку и Медину.
В середине модной пьесы
За условной за стеной
Три героя пели песню,
Подтекстованную мной.

. . . . .
Засыпая в темноте,
На простыночном холсте,
Как была я благодарна
Дню,
сумевшему подарок
Мне чудесный принести:
Ведь случается не часто

Целый час
сплошного счастья:
С девяти —
до десяти.

МАЛЕНЬКАЯ ГОРОДСКАЯ БАЛЛАДА

Жарким лбом прижимаясь к плечу,
Жарким ртом,
начинавшим дрожать,
Все шептала она:
— Не хочу,
Не хочу от тебя уезжать...
И уехала.
Канули дни.
И ничто не вернулось назад.
Вскоре оба забыли они
Ту поездку в такси
на вокзал.

Но,
не смевший дышать, точно вор,
Забывавший на тормоз нажать,
До сих пор вспоминает
шофер:
— Не хочу от тебя
уезжать!
Не хочу от тебя
уезжать...

НИКОЛАЙ БОРОЗДИН

РОБЕРТУ ФРОСТУ

1. ПОРТРЕТ

В просторном зале Пушкинского дома
В тот вечер он взошел среди живых
На кафедру — седой и узловатый,
С прищуром голубым из-под бровей.
В лучах юпитеров окинул мигом
Еще не ясные, взволнованные лица
Придирчивых читателей и судей
И, воздуха глотнув, заговорил.
Он был знаком с моей большой страной
По книгам, кинофильмам, а теперь
Родство внезапно ощутил иное:

Ведь он рожден у Русского холма —
На Тихом океане, в Сан-Франциско;
Ведь впрямь поэзия, не зная берегов,
В пути объемлет наши континенты,
Те, что ледник когда-то разделил...
И плавная ритмичность языка
Английского — напоминала русский;
И в голосе, звучащем хрипловато,
Была такая мудрая лукавость,
Что зал как заколдованный затих...
А он читал, читал свои стихи
О рощах, о лугах, о сборе яблок,
Об устремленном к западу ручье,
О тех березах, что растут в Массачузетсе, —
И вот, как на экране необъятном,
Передо мной возникла та земля,
Которой он принес свой чистый дар
И стал взамен — ее живой легендой;
И я увидел, как читают Фроста
Студент в автомобиле, в поле фермер,
Ковбой в седле, моряк на корабле,
Влюбленные на северных озерах, —
И вдруг увидел мир глазами Фроста...
И зал в ладоши бешено ударил,
Охваченный прозрением своим,
И требовал: еще, еще, опсе more! ¹
А он во вспышках магниевых молний
Стоял таким задирой, как сейчас,
Здесь, на моем столе,
На этом фото —
Откуда машет он грядущим поколениям
Своей бывалой, жилистой рукой.

II. ПЛАСТИНКА С ГОЛОСОМ

Стихи читает Роберт Фрост —
Как будто воздвигает мост
Между двумя материками:
Он сам — опора и форпост,
Он сам, как мост, ширококопост,
Быстр, как поток, и прост, как камень.

Но в голосе его — металл,
Им звенья речи он сковал
И, словно фермы, над всемирной
Вдруг перебросил пустотой,
Над многоликой суетой
И ложью радиоэфирной —

К земле, чьи пастбища, леса
Он знает, как траву коса,

---

¹ Еще раз (англ.).

Как дерево топор, как фермер
По поступи свои стада;
Вся суть его труда — страда,
И урожаи — беспримерны.

Его слова, как снег, чисты,
Как зерна, смыслом налиты,
Как в будущее первородный
Тот мост, что надобно беречь...

Шипит игла, в живую речь
Вонзаясь телом инородным.

* * *

Боярышник едва расцвел
Вблизи канавы придорожной —
Его цветок неосторожно
Я стал срывать и уколол
Ладонь об острую защиту,
Где зеленью шипы прикрыты;
Соцветье белое в руке
Казалось мне почти покорно,
Но запах лепестков тлетворный
Я вдруг вдохнул при ветерке.

И мне подумалось: весной
Невзгоды оттолкнув любые,
Он все ж взрастит плоды скупые,
Хотя бы поздней порой.

Быть может, так строка моя,
Забыв свою земную малость,
Младенчески сопротивляясь
Несовершенствам бытия.

СЕМЕН БОТВИННИК

* * *

Гроза прошла — и никуда не деться
от памяти,
от свежести земной,
от запахов забывшегося детства,
что всюду, незаметное, со мной.

Смотрю, как листья вздрагивают чутко,
как светом наливаются луга. . .
Есть в каждом детстве
чистая речушка,
зеленые, в стрекозах, берега.

Есть в каждом детстве
острая осока,
сырая тропка в утреннем лесу,
и небо, что натянуто высоко,
и муравей с травинкой на весу. . .

Года пройдут, как вспышка грозовая,
осядут солью радость и беда,
и вдруг приснятся
тропка полевая
и речки той чистейшая вода.

И это может трижды повториться
и трижды снова сгинуть в глубине —
но той воде
вовек не замутишься,
в ней детство —
белый камушек на дне. . .

* * *

Я вырвался,
я выбрался в поля,
я тихо говорю себе: взгляни-ка,
распаханная черная земля —
как только что написанная книга.

Постой у этой пашни, помолчи. . .
Избавилась она от прозябанья,
по ней вразвалку прыгают грачи,
в ней снова пробуждаются желанья. . .

Тебе нужны и эта тишина,
и в дальний лес ведущая дорожка,
и девочка, что там, у полотна,
так весело шагает, босоножка,
и парни, что у насыпи легли,
повесили рубахи на лопаты, —
их плечи от загара красноваты,
их майки — в горьких запахах земли.

Отражена в глазах у них трава. . .
Люблю их дел неспешную добротность —
все понемногу обретает плотность:
и время, и пространство, и слова.
Все кажется устойчивей, чем есть.
Вдыхаю воздух —

медленный, глубокий...
Ростки рядами тянутся — не счесть
зеленые, стремительные строки.

Я вырвался, я свежестью земной
опять дышу —
как все тут сердцу мило!
И кажется, опять она со мной —
иллюзия незыблемости мира.

* * *

С каждым годом ты желанней
город влажных площадей,
город наших расставаний,
желтых листьев и дождей.

Над тобою сизой ночью,
словно спятили с ума,
мчатся тучи, рвутся в клочья,
задевая за дома.

Все темней вода в заливе,
он опять грозит бедой...
Весь в полете,
весь в порыве
этот город над водой.

Я дивлюсь его сединам,
я молюсь его дождям...
По садам брожу пустынным,
по открытым площадям.

Под мостом вскипает пена,
вздула мускулы Нева...
Ночью город —
словно сцена,
озаренная едва.

Что там видели вчера мы?
Спят актеры. Поздний час.
Роли пишутся. А драмы
будут ставиться не раз.

* * *

Литература,
будь литературой —
не куплей,
не продажей,
не халтурой,
не сделкой,
не ремесленной поделкой,

не средством, усыпляющим умы,
не местом для заносчивости мелкой,
не бегством от сумы и от тюрьмы...

Литература,
будь литературой —
не бездыханным слепком,
а натурой,
не странницей захожей,
не вельможей,
не ложью —
а дыханьем естества,
и помни,
что слова об искре божьей —
еще не устаревшие слова.

* * *

Думали — кончится это,
выкипит, выгорит бой —
в ясное, в тихое лето
мы возвратимся с тобой.

Виделась даль — голубую,
быстрой и чистой — вода.
Вышло —
совсем не с тобою,
вышло —
совсем не туда...

Почерк у времени строгий.
Осень — не так далека...
За поворотом дороги
низко идут облака.

Звякают глухо медали:
трогают их сыновья...
В камне уже и в металле —
павшие наши друзья.

Где-то за гранью суровой,
где-то на дне, в глубине,
прошлое с резкостью новой
вдруг открывается мне.

Память ни с чем не смешалась...
Сердце, навек сохрани,
как глубоко нам дышалось
в те опаленные дни...

НИКОЛАЙ БРАУН

Я ЛЮБЛЮ ДАРЫ ОТДАРИВАТЬ

Я люблю дары отдаривать:
Вы мне — искрой,
Я — костром,
Вы мне — зорькой,
Я вам — заревом,
Вы — теплинкой,
Я — теплом.

Если мне шепоткой выдано,
Полной горстью я дарю.
Дар невидный,
Как невиданный,
Я, приняв, благодарю.

Если к другу настоящему
Я в застолье приглашен,
Я хочу, чтобы отгашивал
У меня ответно он.

Другом в дружбе не обманутый,
Я не верю злой молве:
Если мне рука протянута,
Я протягиваю две.

ГИМН ОДЕРЖИМЫМ

Н. Браун, Гимн одержимым. Л., «Советский писатель», 1967.

Новая книга стихов Николая Брауна «Гимн одержимым» — книга остросовременная и жизнеутверждающая. Она проникнута глубокими раздумьями, идейной убежденностью и непримиримостью. В ней слышится горячее биение жизни, «сердца трепетного стук».

Понятие одержимости у Николая Брауна широко и конкретно: это одержимость природы, обжигающей молнией тучи; это одержимость русской земли, которая века спала «встряг в лаптях, в онучах», чтобы потом пробудиться и взметнуть

в небо зарево крестьянских пожаров и знамена великой революции; это одержимость балтийских моряков и ленинградцев в дни войны; это одержимость «творящих рук, творящих глаз», горящих страстью созидания; это, наконец, поэтическая одержимость самого автора.

Родному краю в своем гимне поэт посвятил сердечные, проникновенные стихи: «Где-то в России», «Что меня с этой землей сроднило», «Кузнецы», «Пожары». Природа в стихах Николая Брауна «с земным лицом и силой неземной», она очеловечена, одухотворена, она живет, творит, буйствует; «глаза озер проткрывают веки в сплошном сиянии сини и слюды», «а по снегам проходит сказочный, играя палицей, мороз». Эта пронзительная любовь к русской природе, эта

* * *

Мне жажда слова — будто опьянение:
Чем больше пью, тем жажда все сильнее!
И гул в ушах, как будто гул крушенья
Слов, потрясенных бурей до корней.

А может, не крушенье, а рожденье
Слов, как миров,
Такой души порыв,
Когда она разъята откровеньем,
Ни тени перед истиной не скрыв.

И вот уже над словом я не властен,
Оно само владычит надо мной.
Я в этот миг пронизан им, как страстью,
И в целом мире власти нет иной.

В нем — гласных зов,
Согласных столкновенье,
В нем — тучи тень,
В нем — неба голубень,
Земная скорбь и неземное пенье,
И ночь — не ночь, —
Она горит, как день.

И хмель гудит.
И не остановиться
Ему, покуда не отбушевал.
... И я стою, шатаюсь, над страницей,
Как в день шестой творенья бог стоял.

удивительная привязанность к родной стране
рождала в поэте в трудные минуты жизни муже-
ство и стойкость.

Я шел не только там, где лютики,
Где колокольчиков ковер, —
В бурьянах шел, сквозь бури лютые,
На еле брезжащий костер.

Николай Браун славит одержимость борцов за
дело революции, беззаветную храбрость балтий-
ских моряков и неколебимое мужество ленин-
градцев в дни черной блокады, чувствуя свою
органическую слитность с ними: «Шла по земле
трагедия народа, она моей трагедией была».

Поэт воздает громкую и заслуженную хвалу
рукам, создающим все прекрасное на земле, —

будь то руки матери, баюкающей ребенка, или
руки кузнеца, сжимающего тяжелый молот, будь
то руки музыканта или живописца.

У каждого большого поэта любовь к своей
родине, ее прошлому, настоящему, ее традициям
и обычаям всегда глубоко интернациональна. Не
случайно целый цикл в своей новой книге Нико-
лай Браун посвящает дружественной Финляндии,
ее трудолюбивому народу, финским друзьям.

Значительное место в книге Николая Брауна
занимают стихи о высоком предназначении поэта.
Поэт глубоко понимает свою ответственность пе-
ред читателем, откровенно говорит о сложности
и трудности своего ремесла, радушно и доверчи-
во раскрывает двери своей творческой мастер-
ской, находит единственно верные слова для вы-

ДВОЕ ЗА СТЕНОЙ

Той первую блокадную зимой,
Когда из толчи редакционной
Я возвращался изредка домой,
Я знал на ощупь город затемненный.

Не темнотой я шел, но чернотой,
Почти такой, что впору звать бы адской, —
Так был колоч и густ ее настой,
Укрывший город, бивуак солдатский.

Я знал на память каждый поворот
И каждый встречный выступ под ногами,
Я даже видеть начинал, как крот,
Сухими от бессонницы глазами.

Я шел порой, минуя все мосты,
Шел через лед, с Васильевского к Мойке.
Был город пуст. И лишь одни посты
Несли дозор, забыв о жесткой койке.

Я шел на Грибоедовский канал,
В тот дом, где нет тепла, воды и света,
Где черный клетки лестничной провал
Бросал в озноб, весь инеем одетый.

К себе я шел, в такой же черный ад,
И знал: в квартире брошенной, соседней,
Открыта дверь и двое в ней лежат,
Окостенев, окончив путь последний.

ражения своих мыслей, Как задушевная лириче-
ская исповедь звучат его строки:

Не по металлу, не по дереву,
По слову мастером я стал,
Мне дело сложное доверено,
Мне дан упрямый матерьял.

Он легче ветра, тоньше волоса,
Неуловимее луча,
Его ловить я должен с голоса,
Таясь, шепча и бормоча.

читателей, которым близка и понятна его взволно-
ванная песнь в честь одержимых людей:

Без них земля пуста,
Вода мертва,
Без них немеют на устах слова.
И нет огня без них, лишь смрадный дым...
Я гимн пою тому, кто одержим.

И. Александров

Новая книга Николая Брауна, глубокая по сво-
ему философскому смыслу, задушевная и пуб-
лицистичная, находит живой отклик в сердцах

Они лежат уже не первый день,
И только ночь их укрывает в саван.
Но не хватает сил, и нет людей,
Чтоб их предать земле, достойных славы.

Любой из них, не дрогнув, до конца
За город свой всю отдал жизнь, как воин.
А подвиг, равный подвигу бойца,
Не только чести — почести достоин.

И я входил к себе,   И за стеной,
За той стеной, где спал я сном тревожным,
Те, двое, спали.
Сон их ледяной
Был непохож на мой, прошитый дрожью.

И спал притихший город за окном,
Весь начеку, напрягши слух и зреньё.
И только мерно стучал метроном,
Как всех живых одно сердцебиенье.

Спокоен стук, пока сирены вой
Призывным воплем тишину не взрежет
И бомбовозов рев над головой
На все живое не обрушит скрежет. . .

Но город тих. Все тихо. Тишина.
Еще далек и долог путь к победе.
Еще война. Еще идет война.
И спят те, двое, за стеной соседней.

ПОСЛЕДНИЕ ЛИВНИ

Бурей, штормом на заливе
Началась еще вчера
Уходящих летних ливней
Предосенняя пора.

Поутру над побережьем
Грохнул, будто в жезл багром,
Не ликующий,
Не прежний
И когда-то вешний гром.

Не по-вешнему угрюмый,
Не по-юношески зол,

Одержимый смутной думой,
Он вразвалку в шторм вошел
И, отгрохав,
Где-то замер. . .
И, как сто быков на корм,
Волны дыбя и терзая,
По заливу топал шторм.
Сосны гнул на побережье,
Расшибаясь о дубы,
И трепал под стон и скрежет
Их упрямые чубы.

Все хмельнее,
Все задорней,
Дровосеком без пилы
В лес входил и рушил с корнем
Непокорные стволы.

Всех стихий смешав начала,
Тучи низкие клубя,
Он мотал их, как мочало,
Рвал и гнал их, торопя.
Волны до неба швыряя,
Небо ливнем руша вниз,
Он от края и до края
Над округою повис.

И, покорна властелину,
Шла прощальная игра, —
Благодатных летних ливней
Уходящая пора.

РАИСА ВДОВИНА

НАРВСКОЕ ВОДОХРАНИЛИЩЕ

И кончается Плюсса,
Возникает простор —
Начинается блюдца
Розоватый фарфор!

Как на донышке, роспись
И мелка и мила —
По колено березке,
Что в воде умерла.

В этом маленьком море,
Объезжая траву,
Как рыбак на фарфоре,
Безмятежно живу.

По царапинкам риса
Достигать берегов,
Чтоб однажды разбиться
На шепоть черепков!

НАТЮРМОРТ

Дожив до нынешней поры,
остался длинный нож не сломан.
И вьется впереди лимона
шершавый вензель кожур.

Сосуда медного бока
еще блестят. Счастливый случай —
на гвозди и дверные ручки
не переплавлен он пока.

И не облуплена стена.
И неизменны ткань и складки.

И все содержится в порядке.
И розовеет ветчина.

Никем не выпито вино
и на салфетку не пролито.
Но нет кистей и нет палитры,
и нет художника давно.

И кто ответит, почему,
как в прошлый день,
так будет завтра
кого-то ждать накрытый завтрак, —
и не притронутся к нему.

СЕНТЯБРЬ

Я сентябрю, где яблоки и вина,
другой сентябрь сегодня предпочту.
Там ни души. Там терпкая рябина.
И долгий привкус горечи во рту.
И тщетно кто-то голосом невнятным
зовет кого-то к позднему столу.
И мне уже становится понятно,
что нет цены последнему теплу.

ЕЛЕНА ВЕЧТОМОВА

ВОЗВРАЩЕНИЕ

А я считала родиной Урал
И от него вовек не отрекалась.
Он целый мир мне щедро раскрывал,
Учил всем сердцем видеть даже малость.

Порастеряла я в чужих домах
Татарские горячие кораллы,
Но солнца луч,
Пробившийся впотьмах,
Душа мятущаяся не теряла.

Какая стужа настигала нас —
Война,
блокада,
горькие потери!

ЮРИЙ ВОРОНОВ

ИЗ ЦИКЛА «БЛОКАДНЫЕ ЗАПИСИ»

ЛЕНИНГРАДКИ

Что тяжелее тех минут,
Когда под вьюгой одичалой
Они
На кладбище везут
Детей,
Зашитых в одеяла...

Когда ночами снится сон,
Что муж — навстречу,
По перрону.
А на пороге — почтальон,
И не с письмом,
А с похоронной...

Когда не можешь есть и спать.
И кажется, что жить не надо...
Но ты — жива.
И ты опять
Идешь
На помощь Ленинграду.

Идешь, сжимая кулаки,
Сухие губы стиснув плотно.

Идешь.
И через грудь — платки,
Крест-накрест,
Лентой пулеметной...

ЧЕРЕЗ ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА

В блокадных днях
Мы так и не узнали:
Меж юностью и детством
Где черта?..
Нам в сорок третьем
Выдали медали.
И только в сорок пятом —
Паспорта.

И в этом нет беды...
Но взрослым людям,
Уже прожившим многие года,
Вдруг страшно от того,
Что мы не будем
Ни старше, ни взрослее,
Чем тогда...

ТАТЬЯНА ГАЛУШКО

* * *

Пить на ночь кофе и считать потери...
Но я продлить стараюсь каждый миг
Инстинктом насмерть раненного зверя,
Который скачет только напрямик.
И мне необходима и тесна,
Как воздух, стесненному кипеньем,
Вечерняя молитва мастерства,
Окрашенная зернышком кофейным.
От ничего во рту горчит глоток;
Одновременно дождь трубит во мраке.
И медленный чернильный завиток
Обозначает это на бумаге.

Из плоского фасада всех вещей:
Изогнутого скатертью ковровой
Стола, заиндевелых овощей,
Светящихся сквозь холодильник новый,
Из черного, как зеркало, окна,
Из книг, к окну повернутых затылком,
Из ложечки, из ярлыков вина,
Приклеенных к невидимым бутылкам, —
Из плоскостей, которые косят
И по оси друг друга пересекают,
Пространство целой жизни расцветает,
Со всем как листья образуют сад.

ГАЛИНА ГАМПЕР

* * *

Ах, бросьте вы свои примеры
Мне все твердить наперебой.
Я просто нарушаю меру,
Положенную мне судьбой.
Я перешла ее границы
Легко, как будто речку вброд.
Чего же сетовать и злиться?
Расплату знала наперед.
Как тени под вечер, большая,
Она за мною следом шла.
Но только меру нарушая,
Я в жизни счастлива была.

ЖИЗНЬ

Не была ты мне страданьем,
Счастьем тоже не была.
Раскаленным ожиданьем,
Ожиданьем добела.

Невозможно в самом деле,
Душу сжавши в кулаке,
Так вот вечно на пределе
И всегда на волоске...

ЛИДИЯ ГЛАДКАЯ

* * *

Кто это только выдумал,
Как он посмел это высказать,
Будто с землей я не связана,
Будто чужая ей?
Корни мои под Волховом,
Корни под градом Киевом,
Скрывают их степи ковыльные,
Кормят грудью поля.

Озера — моя задумчивость,
Ветры — моя запальчивость,
Надежда моя — будто радуга,
Радость моя — цветы.
Леса, как душа, дремучие,
Реки, как вера, чистые,
Болота, как страсти, черные, —
Земля моя — разве не я?

БЕССОННИЦА

«Усни, любимая», — сказал мне ты.
Закрела веки я покорно, как ребенок.
Приснились мне морозные цветы —
узор на стеклах был таинственен и тонок.
Но вдруг опять меня
знакомый звук
сорвал, как вихрь,
с блаженнейшей постели:
то дети плачут
от недетских мук...
Не убеждай меня,
что это —

воплъ метели!

...Иванушка мой спит.
Неведомо ему,
что значит

крова не иметь
и хлеба...

Да не увидеть
сыну моему,
как может рухнуть,
расколовшись,
небо!...
Иванушка мой спит...

но нет покоя мне:
не спят спокойно
матери на свете,
пока под пулями,
под бомбами,
в огне —
в кровавом мире
гибнут
наши дети!

...На стеклах светятся
таинственно

цветы,

как детские головки из пеленок...

В мое окно
сквозь холод красоты
кричит двадцатый век,
как раненый ребенок!

* * *

Боюсь я дара своего:
В нем ненависть — любви сильнее,
Но, совладать с ним не умея,
Писать не смею ничего...
Умолкнет вздыбленная гордость,
Тщеславия змеиный свист,
И как из почки юный лист —
Так песня вырвется из горла!

НИКОЛАЙ ГЛЕЙЗАРОВ

ИЗ-ПОД СОСЕНКИ, ИЗ-ПОД КАМУШКА...

Из-под сосенки, из-под камушка,
Ручейком у Валдайских высот
Начинается Волга-матушка
И к тебе по России течет...

Волга ширится, разливается,
Гонит в Каспий живой малахит,
Так любовь моя зарождается
И к тебе, словно чайка, летит...

Ты веселый мой, ты и грустный мой,
Ждешь меня над простором речным.
Если влюбится сердце русское —
Станет сердце навеки твоим!

Из-под сосенки, из-под камушка,
Ручейком у Валдайских высот
Начинается Волга-матушка
И к тебе по России течет...

ГРИГОРИЙ ГЛОЗМАН

ПАМЯТЬ

Сорок первый и сорок пятый —
годы, памятные стране.
...Умирают отцы-солдаты,
побывавшие на войне.
Лет военных кровавая заметь
далеко уже позади.
Остаемся — мы, чтобы память
засыпающую будить...
Может, ты мне стократ дороже,
оттого что на детские плечики
сорок первый был нам положен,
сорок пятый

победный
встречен,
оттого что было такое:
покидаешь ты Ленинград,
но отрезано Бологое —
детский сад самолеты бомбят.
Ничего от страха не видишь ты,
под осколками плачешь
тоненько,

и твоя фамилия вышита
за спиной
на тощей котомочке...
...Слишком мало
в костюмчиках
чистеньких
мы узнали детской идиллии...
Нас война кидала, как листики,
а на листиках — наши фамилии.
...Помню — дым тревожный клубится,
и, еще несмыслящий шкет,
под бомбежками
с самой границы
в сыпняке
я доставлен в Ташкент.
...Не оставить память в покое,
боль приходит из детских лет —
проезжаю ли
Бологое,
прилетаю ли я
в Ташкент.

НАУМ ГОЛЬДИН

«КАХОВКА»

Трофейные «джипы»
Навстречу пожарам
Пронесятся к фронту, пыля.
Разрыта дорога...
Погашены фары...
Гудит от разрывов земля...
И мчатся солдаты, сжимая винтовки, —
Попробуй таких вот согни!..
Советскую песню
«Каховка, Каховка...»
Поют по-вьетнамски они.

МИХАИЛ ГОЛОВЕНЧИЦ

ЖЕЛЕЗО

Немыслим мир без прочного железа,
С ним в космос путь и на морское дно,
Оно весомо, буднично и трезво —
Что может быть надежней, чем оно?

Железо землепашцу очень нужно,
Чтоб целину вздымали лемеха,
Рабочим — чтоб станки гудели дружно,
Поэту для добротного стиха.

Но должен он, подобно инженеру,
Познать расчетов глубочайших суть
И для железа так исчислить меру,
Чтоб стих к земле железом не пригнуть.

РУЧЕЙ

Почти не зная праздности и неги,
Он мчится, пробивая путь себе,
Вся суть его в неудержимом беге,
В непреходящей яростной борьбе.

Его о валуны с размаху било,
Жег цепкий зной, студил мороз, звеня,
А он бежит, неведомую силу
На том песчаном доньшке храня.

ГЛЕБ ГОРБОВСКИЙ

ИЗ НОВОЙ КНИГИ

* * *

Хорошо, когда весна,
на столе — блины.
Лечь с дороги
у окна,
провалиться в сны.
Хорошо и в сорок лет
спать,
как будто — в пять.
В небо чистое,
в рассвет
солнце выпускать.
Окунать горячий глаз
в мокрую траву...
Хорошо, что
я сейчас —
не вчера
живу!

* * *

Мне, наверное,
не спится
оттого, что
спят дороги,
что в кустах уснули
птицы,
птичьи песни и тревоги;
что в полях уснули
травы,
а в траву легли
букашки,
что уснул железный
трактор
на краю уснувшей
пашни.
Это плохо,
даже очень:
все уснули...
Вот беспечность!
Кто-то должен
этой ночью
караулить время?
Вечность? ..

* * *

Пишите мне,
я голоден
без ваших слов ко мне.
Но я живу
не в городе,
а я живу —
в весне.
Пишите,
если можете,
по адресу: мечта.
Я у ее подножия,
сие — есть высота.
Пишите,
я отвечу вам,
пока не вышел срок.
Мой адрес:
дымка вечера
над вечностью дорог.
Пока не хил, не стар еще,
пока иду,
пыля,
пишите мне, товарищи.
...Не забывай, Земля.

* * *

На дворе играют дети —
в ту,
прошедшую войну...
Чью-то бабушку в берете
клонит медленно ко сну...
Дети
в небо бьют из пушек,
дети
с воздуха
бомбят...
Много сделали игрушек
папы-мамы
для ребят...
Поливает двор
машина.
Дяди бьются
в домино...

Дети станут все
большими,
сходят вечером
в кино...
У детей — рождаются дети,
будет больше их
вдвойне.
...А у бабушки в берете
дети — там...
На той войне...

* * *

Рисует девочка цветков.
Пылает акварель.
А на районный
городок
уже упал
апрель.
Он продышал дыру

во льду
в пруду
перед окном.
Согрел он яблони в саду,
что спали зимним сном.
...А на бумаге —
на цветке
у девочки —
паук.
На ножках солнце
в уголке
заулыбалось вдруг.
В реке петух
идет по дну;
машины
воду пьют...
Рисует девочка весну.
Не чью-нибудь.
Свою.

АЛЕКСАНДР ГОРОДНИЦКИЙ

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Я вижу сверканье штыков
И снега декабрьского вату.
Мальчишки гвардейских
полков
Выходят на площадь к Сенату.

И падает вздыбленный конь,
И сгусток над тонкою бровью,
И полночи белой огонь
Пылает у их изголовья.

Я вижу, как ветер, устав,
Тяжелые стяги полощет.
Мальчишки рабочих застав
Идут на Дворцовую площадь.

Булыжник звенит под ногой,
Но гибель — победы условие.
На Марсовом поле огонь
Пылает у их изголовья.

Сирены прерывистый гуд
Велит отодвинуть тетрадки,
И снова мальчишки идут
В окопы у Средней Рогатки.

И танка ломается бронь
Над пеплом, пропитанным кровью.
У стен Пискаревки огонь
Пылает у их изголовья.

Приди сюда в мартовский снег,
Приди сюда вечером летним, —
Наш город остался навек
Ровесником двадцатилетних.

Держи на затворе ладонь,
Будь точен и в деле, и в слове,
Чтоб красного флага огонь
Был вечным у их изголовья.

ВЛАДИМИР ГРОШИКОВ

* * *

Доктору военных наук В. В. Казину

Я не хотел, поверьте мне,
Писать о проклятой войне.
Хочу забыть, как тяжкий сон,
Сожму до боли челюсти,
А пред глазами батальон
Залег в снегу у Керести.
Метет февральская пурга,
А жить тебе так хочется!
И перебитая нога
Едва-едва волочится.
Но ты ползешь под взрывы мин
В обледенелом ватнике,
А над тобой, собравшись в клин,
В пике идут стервятники.
И кажется, еще заход —
И шар земной расколется. . .
Суровый сорок первый год,
Доколь ты будешь помниться?

НАТАЛИЯ ГРУДИНИНА

* * *

Так длительно бессонными ночами
От прошлого уйти пыталась я,
Что и сейчас как будто за плечами,
Быть может, — ты, быть может, — теңь твоя.
И с ней, как с нераскрытым парашютом,
Уже лечу в свое небытие,
И жду тебя с минуты на минуту,
Заплечное спасение мое.
Свистит в ушах измен отвесный ветер,
И с каждым метром сердцу тяжелей,
И все ясней в неверном лунном свете
Погибельные пики тополей.
Уже мне видеть незачем и нечем
Их праздную весеннюю красу,
А я все жду, что ты рванешь за плечи
И силою удержишь на весу.

* * *

В гимнастерках линиях защитного цвета,
Милосердной луной после боя согреты,
К нам, морячкам, являлись пехотные парни
По-пластунски тишком из пустого кювета.

Попрекали девчат равнодушьем к пехоте,
Осторожно бранили порядки на флоте,
Комаров отгоняли махрой ядовитой,
Сапоги перешить нам сулили по моде.

А морячки локтями толкались: умора! —
И любили матросов с лихих мониторов.
И, смутясь, отступала пехота с позиций,
С корабельным зазнайством не выдержав спора.

А наутро вдали, без имен и без вести,
Исчезали бойцы, затихали их песни,
И моря не считали потерь сухопутных,
Только знали — пылают в Берлине предместья.

...В многодетном плену у житейских вопросов
Близ морячек солидно стареют матросы.
Сонно плавают годы у тихих причалов,
Одинаковы все, как морские торосы.

Но случается — в полосах лунного света
В гимнастерке сквозной беззащитного цвета
Из немой неизвестности далее пехотных
Вдруг придет ко мне призрак любви без ответа.

Укрепленный мой берег штурмует и злится
И уйти в свой кювет не желает с позиций,
Попрекает меня беспорядком на флоте
И на ближние подступы выйти грозитя.

СЕРГЕЙ ДАВЫДОВ

НА ДНЕ ИРТЫША

Краны, словно цапли,
ходят не спеша.
Стою в подводном царстве
Иртыша.

Строители, бетонщики,
спина — степная ширь,
аршинные батончики
смакуют под кефир.

Обед в бетонном тереме,
аж челюсти визжат!
А под волною темною
на дне сомы лежат.

А я читаю хлопцам
стихи друзей своих,
и хлопцы честным хлопаньем
венчают каждый стих.

И под волной взволнованно,
в песок зарывши лбы,
хвостатые диковины
мечтали о любви.

Потом до зорьки плакала
у дальних берегов
Русалочка
Ермаковна,
наслушавшись стихов. . .

* * *

Я такого не ждал поединка —
между сердцем и разумом бой!
Девятнадцати лет осетинка
вдруг Казбек заслонила собой.

Перекрыв даже Терека грохот,
вызывая веселье у всех,
над Кавказом летел ее хохот,
черноглазый струящийся смех. . .

Вот вернусь в свои белые ночи,
скажут: «Спятил совсем человек:
утверждает, что Терек хохочет,
говорит, что смеется Казбек!»

АЭРОПОРТУ

. . .Найди пылинку дальних стран.
А. Блок

Я старость не приму за пытку,
я рупь с копейкою скоплю —
куплю сапожную кибитку
и щетки черные куплю.

Не в старом парке,
не на рынке,
сапожник буду первый сорт,
чтоб чистить туфли и ботинки
твоих гостей, Аэропорт.

— Вы из Сибири? Ставьте ногу!
— Вы из Парижа? Виден стиль!
— Сибирь знакома нам
немного. . .
— Мадам, в Париже тоже пыль? . .

Смешаю, щетками махая,
я зелень ладожской травы
с землей Марокко и Алтая,
с песком Туниса и Тувы.

Пыль заструится, оседая,
метлой ее не прогоняй.
Любуйся, голова седая,
свои пути припоминай!

И может, ночью,
в келье жаркой,
зачем и сам не разберешь,
припомнишь ножку парижанки
и вздохом
старость
отпугнешь...

ЛАРИСА ДИАНОВА

* * *

С какою древней добротой
Из-под руки глядят старухи,
С наивной детской чистотой
Дают нам черные краухи,
Присыпанные крупной солью,
И ковш с холодной водой.

А мы идем — рюкзак горой
И до колена брюки.
Идем приневской целиной,
Нам солнце лижет руки.

И смотрят нам старухи вслед,
И головой качают, —
Извечный бабий разговор
О детях начинают.

ИВАН ДЕМЬЯНОВ

ОСЕНЬ

Задремали
                        лодки
                                у причала.
Луч окно в туманах прорубил...
Запылала осень,
                        запылала
Листьями и кистями рябин!
И на клена вскинутую крону,
Издали приковылая взор,

Надевает красную корону
Пушкинская осень у озер!
Задышала за лесами стужа,
И зима невидимой идет...
И лежит кусочек
                                неба
  в луже,
Издали
                        напоминая лед!

* * *

Я — русая... Я — во поле береза,
Молюсь дождям, Ярилу-солнцу, тучам.
Я — русская! Вовеки нет износа
Моим былинкам — жемчугам катучим.
И в мире трагедийном и разъятом
Враждой, как совесть века, чист мой голос.
И водородный гриб, и грозный атом
Я укрощаю действием и глаголом —
Высоким словом МИР. Спаси-помилуй
Забуть нам родники славянской речи!
МИР — белый свет, земля, род человеческий...
Я — русская, я знаю цену миру!

Я — русская. В прабабку — коренаста,
И широка в кости, и круглолица.
Люблю снега с волнистой коркой наста.
И запах дров березовых в светлице.
Язычница, люблю лесов дремучесть.
Мне божество и ливень, и поляна...
Стоит от века, радуясь и мучаясь,
На стыке двух эпох страна Ивана.
Мечи звенели. Лед дымился хрусткий.
И танки шли. И каркал сытый ворон...
Отходчива! Отходчивостью русской
Не злоупотребляйте, кат и враг!

Цвети, земля! Я славить не устану
Священный мир, завет отцов старинный.
Все вынесу — и вновь из пепла встану,
И вновь рожу сынов, сложу былины.

МИХАИЛ ДУДИН

ТЕБЕ НА ПАМЯТЬ

Кто ты?
Сказка рассвета, иль вымысел,
Или счастья земного прогноз?
Я тебя и придумал, и выносил,
И по белому свету пронес.

Мне с тобой —
океаны до пояса.
Мне, как воздух, твоя кабала.
Если я добирался до полюса,
Ты Снегурочкой рядом была.

они растили русских сыновей!
Шли немцы, шведы или враг иной —
и пахари умели встать стеной.
Тут дед погиб.
Тут был сражен отец.
Тут сам я стал солдатом, наконец.
Поэтому, с рожденья и навек,
я — сын России,
русский человек!

ГРОМОВЕРЖЕЦ

Валерка с большой Сибирью
был хорошо знаком.
На стройках его любили:
не просто быть взрывником.
А он Громовержцем прозван!
В кармане — мы знали все! —
носил он взрыватели в розовой
коробке от монпансье.
Работал, страха не зная.
Костюм взрывчаткой пропах.
Улыбочка озорная
поигрывала на губах. . .
Послушать слова Валерки
любил молодой народ:
«Взрыв — это выход энергии,
которая создает.
У каждого взрыва — почерк!
Возьмите почки весной:
от взрыва набухших почек —
зеленый пожар лесной. . .»
С ухмылкой на хитрой роже,
простуженно он басил:
«И революция — тоже
взрыв справедливых сил. . .»
Фантазия парня богата!
Светлеешь с ним, если хмур.
И речка в часы заката
горит, как бикфордов шнур!

РАССВЕТ

До чего хорош рассвет на набережной!
Тут — и синь, и тишина, и свежесть.
В садике деревья встали набожно.
Голуби сидят на крыше, нежась.

На соборе не сверкают луковицы,
от тумана утреннего сыры,
но уже гудками переругиваться
начали чумазые буксирь.

Волны были дымными и синенькими,
а теперь багряны и лиловы.
С берега помахивая спиннингами,
философски смотрят рыболовы.

День задвигал башенными кранами,
на заводе строят лесовозы.
Только сфинксы остаются странными,
не меняют приданной им позы.

Впрочем, им не снятся их правители —
Эхнатон, Джосер и Тутмос Третий, —
за последний век они увидели
больше, чем за пять тысячелетий!

ВЛАДИМИР ЗОТОВ

ГРАДОСТРОИТЕЛИ

Был издревле город русский дорог
От собора до простой избы,
Светлый город в кружеве, в узорах
Каменной и плотницкой резьбы.

Граду выше выбирали место,
У слиянья судоходных рек,
Чтоб он рос, как дрожжевое тесто,
Чтоб не пустовать ему вовек.

Так рождались Лучицы и Жиздра,
С мастерами поряжался князь,
Старшего упрасывая: «Выстрой.
Измечтай. Измысли. Изукрась!»

Известь жгли, обтесывали камень,
Чтобы у Невы или Тверцы
Кровли к небу прянули коньками,
Окрылились крыльцами дворцы.

Глазомер у зодчего был рысий,
А рука творящая легка,
И стремились колокольни в выси,
Вознося шатры под облака.

По обводу возводили стены,
Водружали башни на углах.

Белокаменный, белее пены,
Город вырастал врагу на страх.

Радовались жители, отстроясь,
Да и мастера уж потому
Затыкали топоры за пояс,
Инструмент упрятав в котому.

Инструмент-то в котоме нехитрый:
Уровень, отвес и мастерок.
Лапотники не писали титулы,
И никто имен их не сберег.

А теперь любимся, дивясь, мы,
Изумляясь тайне ремесла,
Красотой Ростова или Вязьмы,
Что из сердца русского росла!

ИГОРЬ ИВАНОВ

РОЯЛЬ ЗА СТЕНОЙ

Деваться некуда от шума!
Шум за стеной.

Ах, если б Шуман...

Мозоль дотошного соседа,
Долбя,
сживет меня со света.

ПУТЕШЕСТВИЕ В НЕЗНАЕМОЕ

Михаил Дудин, На краю света. *Лениздат, 1967.*

Новая книга стихов Михаила Дудина о таинственно далекой стране Чили, дальше которой и нет других стран, если не считать Антарктиды, — одна из ярких впечатляющих страниц своеобразной всемирной поэтической летописи, коллективно создаваемой ныне советскими поэтами.

Что такое Чили? Шпага
На прибрежной полосе земли,
Чтоб ни страсть,

Ни сила,
Ни отвага
Взять ту землю с боем не могли...

Здесь, в штормовом гуле нестихающего океанского прибоя, поэт познакомился с певцом народа — Пабло Нерудой — человеком из легенды, с Давидом Сикейросом, вдохновенным художником, героем революционных битв Латинской Америки.

Дудин побывал в маленьком доме Пабло Неруды на Исло-Негро, нарисовал штриховой портрет поэта, посвятил ему стихи. (Книга Михаила Дудина иллюстрирована рисунками автора — это хорошо придумано и не менее удачно исполнено.) Стихи венчает концовка:

Невольник дребезга и гама,
Я сам уже почти что гамма,
Заигранная до желтизны.
Я тихо ною —

«Тишины!»

Я умоляю.

Я клянусь.

Я

заклинаю

тишину

Подмять его рояль, как ворона.

Но тишина —

вся! —

разворована,

Разбита молотками клавиш,

Растоптана педалью...

Неистовство педанта,

Хоть капельку оставишь?

Ни капельки —

ни грамма!

Все гаммы,

гаммы,

гаммы...

Уже двенадцать.

Кажется, конец.

И вдруг —

откуда? —

ливень Баха...

Ах, сукин сын!

Ух, молодец!

Давай!

Наяривай!

Бабахай!

Океан, гремя, идет на Исло-Негро,
Сын земли глядит в Великий океан...

Поэт говорит о братьях по перу из других
латиноамериканских стран.

Он перевел с испанского стихи Гонсале Рохаса,
Хувенсио Валье и поместил переводы рядом
со своими оригинальными стихами.

В стихотворении «Вальпараисо ночью» цепочка
ассоциаций уводит поэта в прошлое, но концовка
возвращает нас к сегодняшнему дню:

Я не сплю сейчас, — колючка под подушкой.
А цивилильный белобрысый господин
В одиночестве стучит пивною кружкой
За стеною в ресторации «Берлин».

Живописно описан чилийский чистильщик сапог
у отеля «Санта Люсия»:

Твой стул как трон. Король — на нем сидящий.

Тщеславье начинается с сапог.

Острей лаванды скипидаром ящик

Пропах насквозь. Ты действуешь как бог...

Пока под щеткой в нестерпимой дрожи

Не вспыхнет солнце радугой. Пока

Не отразится на зеркальной коже

Твое лицо и улицы река.

Весь этот мир снаружи и изнанки,

Его пристрастий дантовы круги.

...Твой капитал лежит в консервной банке,

Поблескивая у босой ноги.

ПОЛИНА КАГАНОВА

* * *

Мой друг мечтал о Зурбагане
И алых, алых парусах.

Он был у Мги смертельно ранен
И умер на моих руках.

Лежал в могиле как в воронке
Он на шинели боевой,

И в небе, словно похоронки,
Шли облака с передовой.

А на рассвете мы шагали
Сквозь минометный ураган,

Чтоб отстоять —
Мы отстояли! —
Тот самый город
Зурбаган!

НАТАЛИЯ КАРПОВА

ТОПИТСЯ ПЕЧЬ

Я греюсь, угли вороша,
О, как причудливо виденье!
Мне кажется, твоя душа
Пришла гореть в мои владенья.

А за окном хоть глаз коли,
Такая ночь во двор спустилась.
И нет ни неба, ни земли,
А есть ли ты, скажи на милость?

* * *

А я учусь у берега
Реки, у темной заводи,
У ягоды, у вереска
И не скрываю зависти
К земле, к ее владениям,
К тоске ее и праздности.
Дивлюсь, как сновидениям,
Всей этой разной разности.

Возникающим из разлуки, —
Город видится мне вдали. . .

Вся образность книги построена на типичном ленинградском:

Я живу у края земли,
У начала большой воды.
Берег, душу мне раздели
На две равные правоты. . .

И желание вырваться на простор полей, углубиться в лесную чащу — все это, присущее горожанке, из которой «рвутся души предков», приходит в строку от увиденного и любимого в городе.

Стихи книги заставляют задумываться над

своей жизнью не в ее внешних проявлениях, а в ее ином, не доступном глазу, внутреннем измерении.

Доверительность интонаций подкупает, располагает, настраивает на лирический тон, когда вдруг неожиданно для себя начинаешь слышать звучание золотой арфы в самой глубине своей души. . . Отличные стихи «Приду в довоенное детство», «Мужские сны», «Молитва», «Меняю льющие вершины» и многие другие.

Несколько стихотворений посвящено Сибири и Дальнему Востоку. В них нет описательности, в них тот же разговор о жизни, о любви, о сомнениях и тревогах.

Н. Полякова

БОРИС КАУРОВ

* * *

Не хвалю себя и не хую.
Не знавал ни бога и ни лешего.
Никогда я длинному рублю
Низкие поклоны не отвешивал.

Жил, как все. И трудно. И легко.
Шел в шинели и в солдатском ватнике.
И в меня, упав из облаков,
Били остроклювые стервятники.

Выжил. И дошел до рубежа,
Что шумел прибоем моря Желтого.
А потом, под ветрами дрожа,
Шел в степи задиристо и молодо.

Там теперь — на бывшей целине —
Хлеб шумит и зеленеют рощицы.
Жизнь идет. И снова, снова мне
Улететь в края другие хочется.

На Илим? В Тюмень? Или в Сургут?
Все равно. Была б дорога длинною.
Как солдат, боюсь, чтобы уют
Душу мне не затянул бы тиною.

Ты не обижайся и прости:
Я не знал о выезде заранее.
Напишу письмо тебе в пути.
Не грусти, родная. До свидания!

РОДНИК

Весна его затапливает талой
Заржавленной, тянучею водой,
А он — такой беспомощный и малый —
Блестит своей подземной чистотой.

Веселым летом — лишь июнь настанет,
Зимой и осенью — в любые дни
Ты ковшиком иль кружкой зачерпни,
И убедишься: вновь родник хрустален!

Чем старше я, тем пристальней, признаться,
Гляжу в него и думаю о нем:
Ведь трудно это — вечно оставаться
Незамутненным родником!

БРОНИСЛАВ КЕЖУН

ВОЛХОВА

Ах, как давно все это в мире было. . .
О ней шумит народная молва:
Из Ильменя на берег выходила
Прекрасная царица Волхова.

Ветрам и звездам поверяя душу,
Здесь, где дышалось вольно и легко,
Она садилась плеск воды послушать,
Послушать песни гусяра Садко.

А он играл, перебирая струны,
Пел, выбирая лучшие слова. . .
Идут века. Я слышу голос юный —
То голос твой, царица Волхова.

Твой голос жив в преданиях старинных,
В сказаниях родимой стороны,
В раздольных песнях, в сказочных былинах,
В былинном гуле волховской волны.

Он говорит о том, как мчались кони
На ильменском песчаном берегу. . .
«Садко, ты слышишь? За тобой — погоня,
Но я тебя, мой друг, уберегу!»

Она взмахнула легкою рукою —
И разлилась речная синева:
В тот миг и стала Волховом — рекою
Прекрасная царица Волхова!

Чтоб жизнь спасти родному человеку,
Пошла на смерть. . . А ты, Садко, живи,
Чтоб своему и будущему веку
Спеть песню о несбывшейся любви!

И в песне той на Ильмене рыбацьем
Царице встречу новую назначь!

. . . . .
Любимая, скажи: зачем ты плачешь?
Прошу тебя: не надобно, не плачь!

А сам я больше не скажу ни слова, —
Какие тут еще нужны слова!
Я просто вижу дочь царя морского. . .
А ты могла бы так — как Волхова?

* * *

Пришли такие холода,
Что даже рельсы разрывались...
Мы расставались навсегда,
Бесповоротно расставались.

Тот день, где стужа без границ, —
Он, как немая сцена, рядом,
И двое действующих лиц
Стоят с отсутствующим взглядом.

Им больше нечего сказать:
Разрыв их горизонты сузил,
Им только нужно развязать
Еще один — последний — узел.

Иные, может, их разлад
Без театральных слов расценят,
Но начинался снегопад,
И снег валился, как на сцене.

Как прилетевшие с луны,
Медлительно снижались хлопья,
До невозможности крупны,
Белы до неправдоподобья.

Уже густая пелена
Весь мир закрыла белым-белым,
И ты едва-едва видна,
Как за окном заиндевелым.

ПЕТР КОБРАКОВ

ПОВЕДА

Была в шинели и в шубе,
В обмотках досадных была.
Видала и трупы и трубы —
В селеньях,
Сожженных дотла.
Траншею старательно вырыв,
Стояла, негнулась в беде.
И глохла от грохота взрывов,
И дрогла в холодной воде.
Пред нею
Чернели воронки,
Обугленный лес на холмах.
Летели листки — похоронки.
О, как их боялись в домах!
Но снова
Из крови и пепла
Вставала,
Чтоб ринуться в бой.
В дыму задыхалась
И слеpla
И все-таки стала собой!

* * *

И. К.

Ты для меня —
Не здесь,
А где-то
В краю садов и облаков,
Где сенокосом пахнет лето,
Где в клубе дрожь от каблуков.
Где, солнечно глаза прищуря,
Глядишь, лукава и дразня,
Глядишь, как песня и как буря.
И я живу, себя казня.
Ты для меня —
Не здесь,
А где-то
На Соловьевском берегу,
У переправы из кювета
В упор стреляешь по врагу.
Потом, как все,
В дыму и гуле
Врываешься в мое село,
И пробивает руку пуля,
Как лебединое крыло.
И снова там, где раны лечит
Настой цветов родных полей,
Где ты идешь еще навстречу
Любви невстреченной своей.

НИНА КОРОЛЕВА

* * *

Наталья Тенякова в гусарском костюме
Танцует гусара, играет повесу.
Зеленая карета едет в июне
По чистому полю, по светлому лесу.
Зеленая карета, черная машина.
В театральном выезде мы — актеры.
Ты играешь Вареньку, я играю Нину,
Ставят на экзамене нам пятерки.
Мы играем грамотно, мы играем тонко.
Номер наш в гостинице завален цветами.
Варенька, подруженька, девочка, сестренка,
На котором дубле мы с тобой устанем
И забудем школу, и сыграем слабо,
И заплачем в голос: «Где ты, милый?»
Но скрипит карета — «слава, слава»,
Старенькая Сретенка — мимо, мимо. . .
Ты сегодня — Варенька, завтра Надя,
Послезавтра — Оленькой, горя полной.
И дрожал Некрасов, твои руки глядя,
И в корабль пиратский били волны.
Я сегодня Нина. И завтра Нина.
Я себя играю все чище и чаще.
Выступаю клоуном или мимом,
Куклой молчаливой и говорящей.
Разменяю в строки добро и слезы,
Душу нелюдимую и несмелую,
Чтобы мой любимый принес мне розы
Белые-белые. . .
Что же ты смеешься в ответ на это?
Ждать нам эти розы долго-долго.
Едет за тобою твоя карета,
Зеленая карета, черная «волга».

* * *

Как сладко спать под теплый летний дождь.
Который мягко шлепает по листьям.
Он поселился в дереве ветвистом.
Как перепелка, он уходит в рожь
В полях Моздокских, в пористую землю.
И я — как туча, целый мир объемлю,
И кажется, что не переживешь
Той полноты. . .

А дождь в виски стучится,
И больше ничего уже не ждешь,
А счастье — все еще должно случиться,
Как град — настать, как ветка — надломиться,
А после мир залить, как летний дождь.

АНАТОЛИЙ КРАСНОВ

НОЧЬ В ДРЕЗДЕНЕ

Семену Ласкину

Я причащен к земному чуду,
Лишь только память чуть копни.
Да разве ж я их позабуду,
Ночного Дрездена огни.

Души бессонного дозора
Остановить я не могу
И легкий взлет фуникулера
На дальнем Эльбы берегу.

Когда, ничьей не слыша речи,
Присев на камень балюстрад,

Глядим, прижав друг к другу плечи,
Как на полночный Ленинград.

И отраженные вздыхали
Огни в реке, нам не чужой.
Мы этот город понимали
Неравнодушною душой.

И забывая о ночлеге
И о гостиничном тепле,
Мы думали о человеке
На человеческой земле.

* * *

...Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

Гёте

Черепично краснеют пруды,
Рдеет солнце над кромкою леса.
И сбивая с каштанов плоды,
Бродит ветер, шалун и повеса.

Я сегодня какой-то пустой,
Не хочу ни прозрений, ни истин.
Я иду по тропинке густой,
По сугробам желтеющих листьев.

Вот и дом его в два этажа,
Гобелены, майолика, бюсты,
От которых бежала душа
В кабинетик, исполненный грусти,

И спускалась в светящийся сад,
Где белеют, струясь, хризантемы,
Где теперь экскурсанты сидят
И толкуют на вольные темы.

Я когда-то учил наизусть
Все, что жизнью потом объяснялось...
Веймар тих, как осенняя грусть,
Как печальная Гёте усталость.

* * *

Перезреваем, словно дыни,
Еще каких-то взлетов ждем,
Еще зовемся молодыми
И на авансы все живем.

Копаемся в пустой заботе
В душе, как в личном гараже,
Идем на брющем полете,
А возраст пушкинский уже.

АЛЕКСАНДР КРЕСТИНСКИЙ

НИКОЛАИЧ-НИДВОРАИЧ

Жил на свете Николаиц,
Николаиц-Нидвораиц,
Николаиц-Нидвораиц,
Очень странный человек,

Ни кола,
    ни двора,
Ни пила,
    ни топора,
Ни скотины,
    ни избы,
Ни дымины
    из трубы,
Ни конюшни
    для коня,
Ни дровишек
    для огня,
Ни каши
    для Маши,
Ни Маши
    для каши...
Ничего.

Пожалели чудака,
Принесли ему
    щенка.

Испугался Николаиц:
— Где щенок мой будет жить? —
Растерялся Нидвораиц:
— С кем лохматому дружить? —
Размечтался Николаиц:
— Эх, построю-ка я дом!.. —
Засмеялся Нидвораиц:
— Побегу за топором!

Вот и кол,
    вот и двор,
И пила,
    и топор,
И скотина
    у избы,
И дымина
    из трубы,
И конюшня
    для коня,
И дровишки
    для огня,
Огонек
    для котелка,
Котелок
    для молока,
Молоко
    для каши,

Каша
    для Маши. . .
Ну а Маша?
    Где же Маша?
Будет Маша,
    дайте срок,
Не соскучится
    щенок!
Для лохматого щенка
Спляшет Маша трепака,
С носка
    да на пятку,
И — вприсядку!

ДОМ

Тук-тук — молоточки
Над синим прудом. . .
Кузнечики ночью
Построили дом.

А мы на рассвете
Взглянули вокруг
И дом этот славный
Заметили вдруг.

Вот крыша прозрачная —
Купол небес,
Вот стены высокие —
Горы и лес.

Дом, ветрами полный,
Стоит без дверей,
А в доме просторно
Для птиц и зверей.
Тут каждый — хозяин:
И крот и орел.
Для всех —
    под зеленою скатертью —
Стол.

Пускай ты летаешь,
А я вот — хожу,
И ползать не мог бы
Подобно ужу. . .

Под крышей одной
Мы встречаем рассвет,
И дом у нас — общий,
И ты — мой сосед.

ЗОЛОТОЕ КОЛЕСО

— Не видали, небеса,
Золотого колеса?

— Золотое колесо
Закатилось за лесок,
Покатилось мимо гор,
Мимо речек и озер,
Шар земной объедет весь —
Завтра утром будет здесь!

МИХАИЛ КРИВИЦКИЙ

* * *

Не сразу матери шагнули
В сторонку от дверей.
Не сразу матери под пули
Пустили сыновей.

Но говорили им вослед,
Но твердо помнить их просили:
— На свете есть одна Россия.
Второй России нет.

Я это понял в час тревоги
Как заповедь свою,
Когда впервые имя Волги
Отстаивал в бою.

Когда глазами юных лет
В огне увидел я впервые —
На свете есть одна Россия.
Второй России нет.

Не делят подвига на части
Собратья меж собой.
Я не свое, а наше счастье
Зову своей судьбой.

Держа за родину ответ,
Я жажду солнца в небе синем.
На свете есть одна Россия.
Второй России нет.

ВЯЧЕСЛАВ КУЗНЕЦОВ

* * *

Опять живу в Лодейном Поле,
в старинном русском городке.
Он дорог мне до слез,
до боли;
мы с ним всегда накоротке.

Беседую с его домами,
спешу на свирские плеса.
Лодейнопольские туманы
встают,
как бригов паруса!

Себе твержу я неустанно:
с холмов
долины огляди.
Здесь олонечки крестьяне
на верфи
ладили ладьи.

Фрегаты,
шхуны
и галеры,
как озарение Петра,
залогом мужества и веры
шли под балтийские ветра.

Свистели
и взрывались ядра,
волна багряною была. . .
Горели шведские эскадры
и приспускали вымпела.

. . . Пусть обрастали днища тиной,
но в скрипе мачт
жил сосен крик.
Не зря им снилась Антарктида,
еще безвестный материк.

И по незримым,
зЫбким тропам,
тая в себе немой восторг,
прорвались к ледяным широтам
два шлюпа —
«Мирный» и «Восток»!

И здесь им снилось:
вновь над Свирью,
над белоночьем — соловьи!
Но звезды
мудрую цифирью
писали формулы свои. . .

РАЗДУМЬЕ О ВРЕМЕНИ

Вячеслав Кузнецов, *Остров времени*. М., «Советская Россия», 1967.

«Остров времени» — так называется новая книга стихов Вячеслава Кузнецова. То, что эта книга самая значительная, самая интересная в творчестве поэта, у меня не вызывает никаких сомнений. Стихи, написанные в течение последних пяти лет и составляющие новый сборник, знаменуют переход поэта в некое новое качество. Мне хочется назвать это новое качество обретением творческой зрелости. Накопленные годами мысли и чувства, возросшее поэтическое мастерство, все, что составляет понятие поэзия, хлы-

нуло в новой книге Вячеслава Кузнецова широким потоком. Есть в ней стихи более и менее удавшиеся автору, но нет дежурных, проходных стихов. Нет стихов на «тему», а есть страстный и откровенный разговор с читателем. Разговор серьезный, разговор о главном.

«Баллада о глобусе» — раздел, объединяющий стихи о военном детстве, — продиктован страстным желанием мира на земле.

Одним из самых впечатляющих стихотворений этого раздела, да пожалуй и всей книги, является «Баллада о глобусе». В бывшем классе, ставшем госпитальной палатой, умирает вчерашний десятиклассник. Он просит поставить ему на грудь старенький школьный глобус — «жалкое подобие земли».

...Вот стою над могилой,
и сердце
все сильнее стучит и ровней.
Говорю сам себе я:
— Ты слушай
напряжение вещей струны! ..
И глядит
в открытую душу
великанское утро страны.

ЛЕВ КУКЛИН

ПЕСНЯ О БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЕ

На Унтер-ден-Линден рассветные тени ползут.
На Унтер-ден-Линден неистово липы цветут.
На Унтер-ден-Линден, у тех Бранденбургских ворот,
Бессонная стража нелегкую службу несет. . .

В высоком соборе гудит и рыдает орган —
Как будто вздымает меня на волнах океан.
Но видится мне не старинный высокий собор:
На Унтер-ден-Линден белеет высокий забор. . .

И в Веймаре тихом я ночь напролет не усну:
Тень Гете тревожит, неслышно скользя по окну.

становать тенденции его развития, увидеть круг его интересов, ощутить его творческий рост.

В. Торопыгин очень точно назвал свою книгу. В ней действительно слышится голос целого поколения, чье детство, отрочество совпало с тяжкими годами войны:

Потом
наши братья вернулись домой
с войны
и нашли пополнение:
поставили нас в атакующий строй,
четвертым назвав поколеньем.

Кто же лирический герой В. Торопыгина? Сначала — это послевоенный студент, влюбленный

в Пушкина и Маяковского, и просто влюбленный. Во время студенческих каникул он строит сельскую ГЭС, а после окончания университета становится журналистом. Поэт как бы говорит нам, что черты биографии его лирического героя типичны. Он неразделимо связан со своим поколением. Не случайно одну из своих книг В. Торопыгин назвал «Ваш корреспондент».

С течением времени лирический герой В. Торопыгина заметно меняется: голос его мужает, углубляется восприятие многих жизненных явлений. Шире стали его горизонты: он увидел и Дальний Восток, и Среднюю Азию, побывал в зарубежных странах. Но несмотря на тематическое разнообразие, мы всегда узнаем в стихах знакомый голос поэта.

Мы с ним понимаем, как трудно твое бытие:
Расколото надвое древнее сердце твое!

Германия, ты никогда не должна забывать,
Что был на твоей на зеленой земле Бухенвальд!
О нет, не погас тот огонь в раскаленной печи,
И пепел сожженных над нами кружится в ночи!

На Унтер-ден-Линден рассветные тени ползут.
На Унтер-ден-Линден наивные липы цветут.
На Унтер-ден-Линден, у тех Бранденбургских ворот,
Бессонная стража нелегкую службу несет. . .

СЕВЕРНЫЙ МОТИВ

Молоко было сложено в штабель.
Отпускали его по кускам.
И струился панбархат и штапель
По натруженным женским рукам.

Полушубки кержацкой эпохи
На плечах, что твой терема.
И оленьи узорные дохи
Сводят северных модниц с ума.

Покупают продукцию массы.
Никуда не спешат, не грубят,
И рычат у закуской МАЗы,
И морозные нарты скрипят.

Два дружка отрывают коленца.
А для трезвых завистливых глаз —
На запястье скуластого ненца
Золотые часы напоказ.

Весь сияя, как медное блюдо,
Он вразвалку идет по земле,
И играет заморские блюзы
Портативный приемник в чехле.

Вкусный запах щекочет нам нервы, —
И не хочешь, а слюнки текут:
Знаменитые рыбоконсервы —
Здесь еще первозданный продукт. . .

В первые разделы сборника вошли стихи публицистического звучания. Наряду с безусловно удачными стихотворениями «Конвоир», «Андрей», «Мороженщик» и другими, встречаются и произведения, звучащие несколько облегченно.

Мне хотелось бы обратить внимание читателей на стихи о природе. Это не просто пейзажная лирика, в этих стихах всегда есть глубокий подтекст.

Приятно, что в свою итоговую книжку поэт включил немало стихов о любви. Любовь предстает в них как сложное, полное радостей и горестей чувство.

Л. Хаустов

ВСТРЕЧИ В ПУТИ

Николай Кутов, Знакомые края России. Л., «Советский писатель», 1967.

Герои стихотворений Н. Кутова — геологи, землелазы, шоферы, рабочие, все те, кого мы привыкли называть строителями нового мира. Поэт много ездит по стране: побывал на Урале, в Сибири, на Крайнем Севере, в Поволжье. Живые впечатления легли в основу многих стихотворений, посвященных знакомым ему с детства российским краям.

Изба. Печурка. Полка с книгами,
Кровать под пологом из ситца,

Рассуждая взахлеб про плотину
И про паводки ранней весной,
Гидротехник жует струганину,
Улыбаясь шерботой десной.
И простор неизведанный манит
Там, где Обь — нашей Волги сестра,

Где Уральские горы в тумане —
Как огромный хребет осетра.

Все здесь крупно. Здесь дела немало.
Здесь такое еще предстоит!
И над новым весенним Ямалом
Полуночное солнце стоит!

АНТЕННА

Пускай заочен разговор, —
Хочу спросить я в общем гвалте:
Как вам актерится,
актер?
Как вам считается,
бухгалтер?

Со звездами ведете ль спор,
За хлебом в булочной стоите ль, —
Как вам рубается,
шахтер,
Как создается,
строитель?

Мир познается не из книг.
Он добрый, светлый и зеленый.
Как вам зубрится,
ученик?
Как вам влюбляется,
влюбленный?

И рядом со святыми ликами
Героев-космонавтов лица.

Естественная простота, свежесть и пленяют нас в лучших стихотворениях сборника («Дожди», «Деревни», «Я построил дом на огороде...», «Гостья», «У нас на севере, на севере...»).

Немало написано звонких строк о дружбе народов, о том, что в наш космический век сокращаются большие расстояния; кажется, невозможно найти свежее слово. А оно все-таки нашлось:

Теперь повсюду дали сближены,
И кажется: через плетень
Глядят бамбуковые хижины
На избы наших деревень.

Всегда, когда автор извлекает образы из самой действительности, ему сопутствует успех. И наоборот: как только он, словно не доверяя своим наблюдениям, пытается «украсить» жизнь, его постигает неудача.

Сборник неоднороден. Есть набившие оскомину штампы — «алмазная чистота», «ярко блещет», «яркие биографии» и т. п. Но, конечно, не это определяет лицо сборника. Главное его достоинство — правда точно найденного слова, поэтического обобщения, за которым стоит правда жизни.

Н. Альтовская

Не спится вам — и мне не в сон,
И эта служба неизменна:
Я над землею вознесен,
Как ваша чуткая антенна.

При солнце и в полночной мгле,
Внутри квартир и общежитий, —
Как вам живется на земле?
Мне,
люди добрые,
скажите...

ЕЛЕНА КУМПАН

УТРО

Мы выйдем утром в воскресенье,
и воздух кажется весенним.

Бессонница ли доконала,
до света выгнала двоих?
Что нас качает по каналам,
по узким набережным их?

Что нас из дома увело,
пока соседи не проснулись?
На перекрестке тесных улиц
мы замечаем — рассвело.

И нам распахивают склады
свои скрипучие дворы
и, словно вещие дары,
выплескивают запах сладкий
бензина, рыбы, свежих досок...
Лишь только запрокинь лицо —
и прямо на небо возносит
на стрелах кранов...

Как листок,
какой-то одинокий зонт
над нами проплывает тенью.
И наконец — трамвайный звон,
не ты ли наше пробуждение?!

КОМНАТА

Ю. Г.

Та комната счастливою была...
Она косила в сад беспечным глазом,
в ней бушевал рассвет — в трех окнах разом,
в пустом углу — бессонница жила.

Здесь половица певчая давно
водила дружбу с рыженькой гитарой.
Они могли бы стать чудесной парой
в каком-нибудь оркестрике, в кино.

И мебель здесь — случайное жулье!..
Приткнулся стол, не разгибая спину...
Он собирался завтра же покинуть
нелепо-безнадежное жильё.

Хозяин, как блаженная душа,
питался только воздухом и светом,
да шумом городским, да бледным летом,
что проходило мимо не спеша.

Когда ему случалось быть вдвоем,
он поселял свои очки на стуле. . .
И сумерки безбрежные тянулись, —
плескались, как вселенский водоем.

Дремать за книгой и не ждать вестей. . .
Не запирайтесь на ночь — что же проще!
Ту комнату роднило с тихой рощей
прекрасное отсутствие вещей.

ПАВЕЛ КУСТОВ

МОЙ ПЕГАС

Мне изба сойдет за терем,
Лишь бы брезжил в ней огонь.
Мой Пегас — скорее мерин,
Чем рысистый кровный конь.

Не боится он поклажи,
Бодро мчится по лесам.
Я скребком его не глажу,
Он почешется и сам.

Скрыть изъянов не хочу я,
Есть в нем русская ленца.
Но стрелой летит, почуяв
Запах свежего сенца.

Он к хозяину привержен.
И стоит, понур и тих,
Увидав, что я рассержен:
Не дается, значит, стих!

Но когда пойдут удачи,
Как бы ни был путь далек, —
Ух, как лихо он поскачет,
Селезенка — ёк да ёк!

Нипочем пеньки и кочки,
Все сопутствует ему.
Успеваешь только строчки
Плотно складывать в суму!

ЧЕРНЫЙ ХЛЕБ

Черный хлеб. А почему он черный?
Мы ведь не кусок земли едим.
Просто по привычке разговорной
Называем мы его таким.

А ведь хлеб ржаной совсем не черен.
От пшеницы отличают рожь
Лишь по форме полновесных зерен.
Он скорей на золото похож.

Пекарем из устья знойной печи
Вынутый уверенным броском,
Он на круг ладони человеческой
Ляжет обжигающим куском.

Он как крем на языке не тает.
Но его живым теплом согрет,
Человек труда предпочитает
Только с ним садиться за обед!

НИКОЛАЙ КУТОВ

КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Строгий, на кремль похожий,
Небу и озеру брат.
Только не именем божьим
Ты, молчаливый, свят.

Нет, от людей, не от бога
Слава и святость твоя.
В дали глядел ты строго,
Мощь до поры тая.

Мастерская Россия
Башни вздымала ввысь,
И красота, и сила
Здесь воедино слились.

В К И Ж А Х

Кажется, что не руками —
Сделан природой ты весь.
Кажется мне, что в камень
Время спрессовано здесь.

Рядом с тобой деревья,
Реки, луга и поля,
И среди них ты, древний,
Словно вода и земля.

Волны у стен отвесных
Песни поют векам.
Кажется мне —
ты ровесник
Рекам, лесам, облакам.

Юность проходит по острову
С песней, с транзисторной музыкой;
В туфлях с носочками острыми,
В брюках и юбочках узеньких.

Фотографирует озеро
И теплоходы длинные,
Пестрые краски осени,
Камни, постройки старинные,

Церковь Преображения,
Мельницу и часовенку,
Зыбкие их отражения,
Каждую их **особинку**.

Юность интересуется
Избами, храмами древними,
Озером буйным любитесь,
Северными деревнями.

Кажется, что ей до острова,
Где эти церковки русские
Встали родными сестрами,
Тихие, скорбные, грустные?

Только все больше желающих
Видеть места знаменитые,
Храмы среди волн набегающих,
Озеро, ветру открытое.

И называют по-разному,
Кто увлеченьем, кто модою,
Это стремленье к прекрасному,
Это сближенье с природою.

Может, и спорить здесь нечего,
Не на что, может, и сетовать,
Просто любовью к Отечеству
Все называть это следует.

* * *

Я говорю опять о старине
Не потому, что темы современности
Не по плечу мне, не имеют ценности,
Что прошлое страны милее мне.

История России началась
Не с пятилеток и ракет космических,
И радиол, и станций электрических. . .
Меж временами существует связь.

И пусть не нарушается она,
Как провода, пускай не обрывается;
Как новая страна пусть открывается
Забывтая напрасно старина.

Она не сразу стала стариной,
Она была когда-то современностью,
И как средневековье, станут древностью
И наши дни в какой-то век иной.

И прошлое не надо разрушать,
И делать в храмах склады продуктовые,
И своды, купола средневековые
Музыкой современной оглушать.

Да, мы не те, и Русь уже не та.
Уходит в небыль темное и дикое,
Но остается на земле великое,
И мудрость строк, и линий красота.

АЛЕКСАНДР КУШНЕР

* * *

Жизнь чужую прожив до конца,
Умерев в девятнадцатом веке,
Смертный пот вытирая с лица,
Вижу мельницы, избы, телеги.

Биографии тем и сильны,
Что обнять позволяют за сутки
Двух любовниц, двух жен, две войны
И великую мысль в промежутке.

Пригождайся нам, опыт чужой,
Свет вечерний за полостью пыльной,
Тишина, пять-шесть строф за душой
И кусты по дороге из Вильны.

Даже беды великих людей
Дарят нас прибавлением жизни,
Звездным небом, рысцой лошадей
И вином, при его дешевизне.

* * *

Свежеет к вечеру Нева.
Под ярким светом
рябит и тянется листва
за нею следом.

Посмотришь: рядом два коня
на свет, к заливу,
бегут, дистанцию храня,
вздымая гриву.

Пока крадешься мимо них
путем чудесным,
подходит к горлу новый-стих
с дыханьем тесным.

И этот прыгающий шаг
стиха живого
тебя смущает, как пиджак
с плеча чужого.

Известный, в сущности, наряд,
чужая мета.
У Пастернака вроде взят,
а им — у Фета.

Но что-то сердцу говорит,
что все — иначе.
Сам по себе твой тополь мчит
и волны скачут.

На всякий склад, что в жизни есть,
с любой походкой, —
всех вариантов пять иль шесть
строки короткой.

Кто виноват, листва ли, ветер?
Невы волнение?
Иль тот, укрытый, кто так щедр
на совпадения?

ВЕСНА

В саду еще стоит вода,
И зябнут руки без перчаток
Прозрачный воздух свеж и сладок,
И синь везде, и чернота.

Еще лепные облака
Выходят плохо у погоды.
Плывут какие-то уроды,
Посеребренные слегка.

Вдоль стекол Зимнего дворца,
То фиолетовых, то синих,
Мелькает тень на черных клиньях
Не то стрижа, не то скворца.

Не то какой-нибудь знаток
Старинной мебели горбатой
Вернулся птичкой вороватой,
А с ним — загробный холодок.

* * *

Какая разница,
Чем мы развлечены:
Стихов нескладицей?
Невнятицей волны?

Снежком, нелепицей?
Или совсем, как встарь,
Стеклянной пепельницей,
Желтой, как янтарь?

Мерцаньем полнится
И тянется к лучам.
Имел я, помнится,
Внимание к вещам.

И критик шелковый
Обозначал мой крен:
Ларец с защелками
И Жан-Батист Шарден.

Все это схлынуло.
Стакан, графин с водой
Жизнь отодвинула
Как бы рукой одной.

Смахнула слезы с глаз,
Облокотясь на стол.
И разговор у нас
Совсем иной пошел.

ЮРИЙ ЛЮБА

МЕЧТА

Ночью белую в Угольной гавани
тишина над заливом легла.
Пахнет морем, весенними травами,
и свежа предрасветная мгла.

В небо вытянув шею гусиные,
краны смотрят на море вдали,
где дымками чуть видными, длинными
отмечают свой путь корабли.

Опрокинулся в воду недвижную
дальний берег с цепочкой огней,
пароходные контуры ближние
на заре стали резче, видней.

Город обнял залива излучину,
в час закатный ложась на покой,
как подушку, руками могучими —
и затих в полусне над водой.

Спи, мой город, ведь ночи весенние
незаметны, бледны, коротки. . .
Ветерок с ароматом цветения
над водою несет лепестки. . .

Ночью белую в Угольной гавани
тишина над заливом легла,
а мечта, точно парусник в плаванье,
в даль морскую меня увела. . .

ПОДВИГ И НАГРАДА

О новых изданиях А. Гитовича.

Уже больше двух лет, как началась новая, по-
смертная жизнь Александра Ильича Гитовича.
Как никогда много печатается он в эти годы. Пе-
чатается, как живой современник, в самых раз-
личных газетах, журналах, альманахах. Начала
публиковаться и замечательная проза Гитовича:
его поэтические заметки о поэзии, наброски, афо-
ризмы. Выходят один за другим сборники ориги-
нальных стихов и переводов. В 1967 году в изда-
тельстве «Художественная литература» вышел
однотомник, подготовленный еще самим поэтом.
В этом — 1968 году — уже два сборника: «Стихо-

творения» (Лениздат) и «Дорога света» («Совет-
ский писатель»). В 1967 году в серии «Сокровища
лирической поэзии» третьим изданием вышли пере-
воды из Ду-Фу. Хотя в эти сборники еще не
включено все достойное внимания наследство Ги-
товича, они в совокупности дают все же впервые
возможность увидеть его как бы во весь рост.
И впервые открылись нам целые новые «запасни-
ки» его творчества, — например, своеобразный и
блестяще талантливый цикл стихов, написанный
от имени созданного самим же Гитовичем фран-
цузского поэта и борца Сопротивления Анри Ла-
коста. Это не только талантливая мистификация,
но и двойной лирический образ эпохи, который
показывает всю силу поэтического интернацио-
нализма Гитовича. Или — превосходный отрывок

СЕРГЕЙ МАКАРОВ

РОДНЫЕ СЛОВА

Еж свернулся — ну, впрямь борода
С необычно колючими остьями!
Я в лесу позабыл города
И черемуху рву черногроздьями,
Ем, работой язык веселя,
Ой, как вязко во рту от оскомины!
На раздолья меня, во поля,
Пропустите, лесные хоромины!
Шел вчера я в толпе городской,
Показалось мне, трезвому, грустному, —
В разношерстице речи людской
Разучился я русскому устному...
Выхожу в травостойную даль,
Буду лучше, мудрее и зорче там,
Как Владимир Иванович Даль,
Всем словам поклонюсь я узорчатым.
Ястреб небо сшивает в круги,
Прыгнул перепел в травы заветные.
Мне старик-вековик у реки
Так и сыплет слова самоцветные!
И тревога моя — на мели.
Ах, слова, словно славные солнышки!
Очищаются мысли мои,
Наливаются свежими соками —
Так
Я слышу Отчизну свою!
Мы ведь вместе, родимая, кровная!
Я стволисто, былинно стою
Посредине долинушки ровная...

из драматической поэмы о Лермонтове. И целый ряд новых образцов любовной, гражданской и философской лирики.

«Нам дан был подвиг, как награда», — говорил Гитович. Это — емкая формула его поколения и его эпохи. Она подчеркивает своеобразие его поэтической личности, ибо поэт прежде всего был певцом «отваги, дружбы, мастерства» и «здоровый смысл отваги» стал его главной темой, поэтическим назначением и даже — я бы сказал — характеристикой его поэтической манеры.

А. Македонов

ПОЭТИЧЕСКАЯ ПАНОРАМА ЛЕНИНГРАДА *Лениздат, 1967*

Стихи о Ленинграде — такова общая тема поэтической кассеты, объединившей двадцать ленинградских поэтов, двадцать тоненьких сборников стихов небольшого формата в мягкой обложке с гравюрами художника Б. Г. Сахенберга.

Читая книгу за книгой, непременно ощущаешь живой, подвижный образ города, его панораму — смену планов, красок, настроений. Очевидно, не всем двадцати авторам это удается в равной степени, но каждый внес что-то свое в общее представление о Ленинграде и о его поэтах.

ИВАН-ДУРАЧОК

Шел и помнил прощание с матерью. .
Встречный старец в глаза поглядел:
— Ты куда?
— Да на выучку к мастеру
Не заплечных, а праведных дел!
— Где ж такой на Руси?
— Может, сыщется,
Но покамест про это — молчок!
Слышал, как мне поется и свищется?
— Дурачок ты, Иван, дурачок!
Ты с душою своей простоватою
Пропадешь ни за черствый калач!
Хочешь, дурочку, Ваня, сосватаю?
— Ой, не надо. Прощай, бородач!

Он играет на ивовой дудочке,
А в котомке — ржаной каравай.
Дурачок ведь не кинется к дурочке,
А царевну ему подавай!
Он поймает жар-птицу на севере
И отведает голода всыть,
Хищно будут Ивана не серые,
А двуногие волки травить,
И хлебнет он тоску разлитанную,
Сам не станет грубей и лютей,
И — полюбит царевна Иванушку
И ему нарожает
Людей!

Многие стихи Николая Тихонова об Октябрьской революции и гражданской войне, давно знакомые и любимые, волнуют так, словно мы встретились с ними впервые. Им присущи одновременно и та неповторимая конкретность, подлинность переживаний, которая доступна современнику, и то объемное ощущение истории, которое диктуется крупностью события, его масштабом.

Был часовой стрелок, моряк ли,
Иль воином иным,
Виски усталостью набрякли
От длинных лет войны. . .

За ним лежал во мгле ненастной,
Тяжел и нелюдим,

Тот город, гордый и прекрасный,
Что был непобедим.

Удивительна зримость, весомость этих строк, простых и торжественных, которые сейчас воспринимаются не только как стихи о девятнадцатом годе, но невольно кажутся и памятником тем, кто погибал, защищая свой город в «железных ночах» уже другой войны, другой блокады.

Более подробно об этом периоде рассказывает сборник стихов Ольги Берггольц, один из наиболее цельных и компактных в кассете. Лишь два стихотворения этой книжки написаны в мирные дни, все остальное — в годы Отечественной войны. И невольно хочется повторить признание автора:

казнена в Берлине 4 августа 1944 года тридцати трех лет от роду. Посмертно Вера Аполлоновна Оболенская награждена орденом Почетного легиона, военным крестом с пальмами и медалью Сопротивления. В 1965 году Советское правительство посмертно наградило героиню орденом Отечественной Войны первой степени.

МОНОЛОГ ВЕРЫ ОБОЛЕНСКОЙ

Я женщина. С рожденья мне дано
Не в логику вещей проникновенье.
Я знаю: в мире страсти и терпенья
Моим весам качаться суждено

Весь век. . . А где он, равновесья миг?
Наступит ли? Мне этот час неведом.
И страшный суд вослед моим победам
Лишь исказит мой обреченный лик,

Не тронув сути, не поколебав
Моей любви — земной, святой и грешной
К березоньке с галдящею скворешней
И вялым запахам осенних трав.

Две родины отняли у меня.
Особенно одну. За ту потерю
Плачу собой, плачу день ото дня.
И, умирая, в будущее верю.

Ты, Франция, прости мне эту страсть.
Я с детских лет ее в себе носила.
В твоих полях однажды мне упасть,
А завтра обрести мою Россию.

К иной поэтической школе принадлежит Александр Прокофьев. Интересным лирическим документом стали его стихи тридцатых годов. В них запечатлен неповторимый, бессонный ритм революции.

Люди, чьими руками делалась революция, забывали о себе, о доме, о близких, помнили только о своем долге и «произносили имя Ленин, как снова не произнести!». В лучших стихах Прокофьева привлекает умение передать силу народного порыва, когда «за честь Ленинграда встали сосны стеной, люди встали стеной».

Сборник Александра Чуркина радует встречей со стихами, которые давно живут среди нас как популярные песни: «Вечер на рейде», «Далеко-далеко», «Песня о Ленинграде» и другие.

В стихах и поэмах Александра Чуркина жив голос комсомольского поэта тридцатых годов, бесхитростного, иногда наивного, но всегда целеустремленного, к которому «приходила по вечерам муза во френче военном» и чьи песни много лет спустя «оставались верны боям и походам гражданской войны».

Многие страницы книги Николая Брауна — своеобразное путешествие по Ленинграду. Городской пейзаж становится поводом для раздумий. Запоминаются стихи: «Арка Главного Штаба», «Нева», «Песня о Лебяжьей канавке», «Ленинградская гравюра», «Лед идет» и в особенности «Кони на Аничковом мосту» с неожиданной концовкой: «Так город мой смирял стихии воды, и стали, и огня».

О, возвращенье блудных сыновей
И дочерей, оплаканных посмертно...
Там, на далекой Родине Советов,
Мой титул больше не мешает мне.

Первая организация активного сопротивления фашистским оккупантам «Группа Музея человека» была создана в Париже в августе 1940 года французами и русскими — сотрудниками Этнографического музея. В следующем году вся группа была разгромлена. А 23 февраля 1942 года на холме Валерьян под Парижем были расстреляны семь виднейших ее участников, в том числе двое русских: Борис Вильде и Анатолий Левицкий.

Вот текст приказа генерала де Голля о посмертном награждении Бориса Вильде: «Выдающийся пионер науки, целиком посвятил себя делу подпольного Сопротивления в 1940 году. Будучи арестован чинами гестапо и приговорен к смертной казни, явил своим поведением во время суда и под пулями палачей высший пример храбрости и самоотречения».

МОНОЛОГ БОРИСА ВИЛЬДЕ

Спасибо, что не выбрали подвал,
Что падать не на каменные плиты,
Что горсть земли дано зажать убитым
И мягкий дерн нам руки целовал.

И каждый каплю неба удержал —
Ведь нам глаза никто здесь не закроет.
Я верю — нас когда-нибудь отроют,
Как Трюю с детства Шлиман открывал.

Ты погоди, товарищ, умирать.
Сначала я — я не хочу последним.

Более половины сборника стихов Михаила Дудина занимает «Песня Вороньей горе» — взволнованное слово о поколении, силами которого был остановлен враг, слово памяти о тех, для кого Воронья гора стала последней вершиной. Высоким символом, внятным каждому, звучат строки:

И роща моя
Поредела,
Но роща моя
Не сдалась.

В книге Вадима Шефнера подкупает особая, ему присущая лиричность. Стихи, написанные в войну на ленинградском фронте еще юной рукой, и то, что создано двадцать лет спустя в пору зре-

лости поэта, представляют некое единство. Здесь и верность любимым мотивам, и постепенное углубление в разработку темы, и постоянное совершенствование стиля.

Поэтому так стройно воспринимаются рядом с памятными нам всем «Надолбами», «Зеркалом», «Шиповником» стихи последних лет: «Военные сны», «Через годы», «Стены дворов», «Невосстановленный дом», «22 июня».

Стихи Глеба Пагирева — суровая биография поэта. И прекрасно, что в обстановке, где «слова о прощенье — пустой разговор, здесь слово имеют гранаты», выживает упрямый колючий стебелек цветущей ржи, что сквозь кромешный ад войны проходит неведимой любовью. Неотразим этот образ ленинградки — подруги, жены, матери.

Успеть бы звезды нам с собою взять.
Бери вот эту, луч ее — посредник.

О, звездочеты будущих времен!
Вы по крупинкам сложите созвездия.
Им не давайте траурных имен,
А назовите Правда и Возмездие.

Нас люди вспомнят. Но не в этом дело,
Колокола пусть не звонят окрест.
Ведь если ты когда-то что-то сделал —
Расправил знамя или нес свой крест —
В Музее человека хватит мест. . .

И нашу кровь земля в себя впитает,
Затихнет на мгновенье, горяча. . .
И, может быть, чуть-чуть пошире станет
В трехцветном знамени полоска кумача.

Во Франции фашисты арестовали старую петербургскую поэтессу Е. Ю. Кузьмину-Караваеву за ее помощь русским политзаключенным и еврейским детям. Увезли в Германию. Она погибла в газовой камере лагеря Равенсбрук незадолго до победы — 31 марта 1945 года; пошла на казнь добровольно вместо другой заключенной, у которой был ребенок.

МОНОЛОГ ПОЭТЕССЫ Е. Ю. КУЗЬМИНОЙ-КАРАВАЕВОЙ

Как ответ догорающего дня,
Моих стихов недолговечна завязь. . .
Уже давно все в прошлом у меня,
Но памятью своей распоряжаюсь.

И невольно возникают в памяти строки другого поэта — Александра Решетова: «Ленинград — это люди, и все у него от людей». Эту мысль подтверждают стихи Решетова «Чапыгин», «Клятва ленинградки», «Осень 1942 года», «Письмо в Невель», «Говорю из Ленинграда». Хочется выделить отличное стихотворение, посвященное Анне Ахматовой, отмеченное особой глубиной и тактом.

Памяти поэтов Виссариона Саянова, Владимира Луговского посвятил стихи Бронислав Кежун. Одно из лучших его стихотворений — о погибшем поэте-моряке Алексее Лебедеве. Оно кончается оксюморонами: «Пусть я погиб! Я существую!»

Да, Ленинград — это люди. . . В сборнике Анастолы Чепурова тоже стихи о людях Ленинграда. «Непобедимой жизни человек» — так называет

поэт Сергея Мироновича Кирова, чей светлый облик навсегда остался в сердцах ленинградцев. А стихотворение «Дом на горе» посвящено тому, чье имя нам неизвестно. Но «жил человек, и званье учителя носил». И остался жить после смерти.

В стихах Елены Рывиной привлекает сплав двух столь разных начал. Это стихи бойца, капитана запаса, входившего когда-то в «порохом покрытые владенья», и в то же время эти стихи женственны в лучшем смысле слова. Взять, к примеру, хотя бы такой образ: «Статуи с закрытыми глазами, не глядящие в глаза фашиста. . .»

Верность своей юности, идеалам революции, чувство интернационализма питают стихи Всеволода Азарова. На страницах его сборника встре-

О, времени беспомощная пыль! —
Во мне моей святыни продолжение.
В зеркальных окнах золоченый шпиль
Сверкает многократным отраженьем.

Мой самый первый город над Невой,
Ты солнцем никогда не избалован.
Но в памяти ты залит синевой,
То белым отливаешь, то лиловым.

Мой город, ты — одна моя родня,
Забыл меня, — и я не обижаюсь.
Как мало нынче света у меня,
Но красками сама распоряжаюсь.

Твой пригород. . . И сосны, и дубы,
И на повитой осенью поляне
Мне видятся последние грибы
И слабый иней заморозков ранних.

Сейчас моя ограда высока.
На вышках пулеметы окружают.
Но если жизнь моя в чужих руках,
То сердцем я сама распоряжаюсь.

Моя Россия! Просветли мой взор!
Тебе краснеть я не оставлю повод.
Твоей души загадочный узор
Проник сюда, за этот ржавый провод.

Я стану пеплом. Он сгорел, мой лес.
Своей судьбы дорожке мне чужая.
И если времени уже в обрез,
Последним часом я распоряжаюсь.

чаются вождем немецких коммунистов Эрнст Тельман и юный испанец Педро Ниэто, погибший «за стены Мадрида у стен Ленинграда». В этой атмосфере солидарности рождается та драгоценная дружба, которую поэт завещает детям и внукам.

Стихи Леонида Хаустова — о поколении, которое прямо со школьной скамьи шло на фронт: «Там мерцает на грани детства грань отточенного штыка». Может быть, поэтому особенно близка автору и романтика революции, образ вечно молодого Джона Рида.

Ленинград Людмилы Поповой — это город музыки. В сборник включен отрывок из поэмы «Седьмая симфония», в центре которой образ художника, творящего во имя победы, «еще ни-

сколько не подозревая, не зная, что симфония седьмая твоим оружием станет, Ленинград!»

Ряд стихов Марии Комиссаровой посвящен женщинам Ленинграда: «Подруги», «Аннушка», «Полыхает, полыхает. . .», «Она лежала на снегу. . .». Проникновенно написано стихотворение «Матери» — об одной из тех женщин, чей путь — «это путь России многотрудный из мрака в свет».

Люди Ленинграда. . . У вас особое восприятие — для вас шпиль Адмиралтейства превратился когда-то в «адмиралтейский штык над головой», у вас — павших и живых — свой счет времени, скупое отмеренный метрономом. Это вашим подвигам посвятил свой сборник поэт Семен Ботвинник, и в первую очередь — волнующую «Балладу об одном человеке». Решая сложную психологиче-

---

НИКОЛАЙ МАЛЫШЕВ

ЖИЛ ЧЕЛОВЕК...

Контуженный в бою под Веной,
С глубоким шрамом на виске,
Жил человек послевоенный
В послевоенном городке.
Из дерева игрушки ладил,
Звенел рубанком и пилой,
И волосы ребячьи гладил
Своей натруженной рукой.
И, обступив его толпою,
Мы с ним сидели допоздна,
И он для нас являл собою
Из доброй сказки колдуна.
И, видно, эта «многодетность»
Была причиной того,
Что бескорыстность,
Честность,
Бедность —

Богатым делали его!
И каждый раз по воскресеньям
Веселый,
Ходкий свой товар,
На зависть всем дворам соседним,
Он нам бесплатно отдавал!..
Сутулый,
С сединою ранней,
Чужих считавший за своих,
Он был какой-то странный-странный
И непохожий на других.
Ходил в брючишках перешитых,
В пальтишке стареньком своем
И верил:
Бедность — пережиток,
И говорил:
— Переживем!..

ОТЗОВИСЬ

(Песня)

Отзовись, отзовись хоть письмом, хоть звонком,
Где же ты, где же ты, человек с рюкзаком?..
Белым снегом занесло,
Запуржило, замело
Все тропинки, все пути
Позади.

скую проблему, он напоминает живущим: «Человека великую цену не снижают ни мор, ни война».

О трудном блокадном детстве, о духовном становлении подростка непосредственно и ярко пишет Олег Шестинский. Как бы поясняя невозможность забыть о том времени, поэт говорит себе: «Там ведь жил я когда-то с мамой, на опасной жил стороне».

Поэт настойчиво возвращается к воспоминаниям, черпая в них силу: «Те годы я мальчишкой вынес, и значит, все перенесу».

Стихи Майи Борисовой — это цикл встреч, прощаний и снова встреч с любимым городом, это стремительные минуты на его вокзалах и аэродромах, веселый дорожный ритм и неожиданные

паузы, сосредоточенность. И снова дерзкая попытка увидеть себя в этом городе юной, двадцатилетней, влюбленной — в стихотворении «Сентябрьская ночь».

Закрывая последний сборник кассеты, подытоживая все хорошее, что несет она читателю, невольно думаешь, как выиграло бы это издание, если бы многие авторы и редактор проявили более жесткие требования при отборе стихов.

И. Малярова

Хоть с теплом городским ты почти незнаком:
От костра до костра — только ветры кругом!..
Белым снегом занесло,
Запуржило, замело,
И крута твоя тропа,
Как судьба!
Этот снег, этот снег, что не тает никак,
Этот снег — седина у тебя на висках...
Белым снегом занесло,
Запуржило, замело...
Без тебя мне и весна —
Не весна!..
Отзовись, отзовись, хоть письмом, хоть звонком,
Мой седой, мой родной человек с рюкзаком!..
Белым снегом занесло,
Запуржило, замело —
Не дотянутся туда
Провода!..

ИГОРЬ МИХАЙЛОВ

* * *

Таежная жизнь не робка:
коль страх и придет, то нескоро.
...Когда мы дошли до Печоры,
уже вечерело слегка.

Давно начался ледоход,
а надо добраться до цели.

И мы с неприязнью глядели
на темный раздувшийся лед.

Но сразу постигли секрет
и вмиг растянулись в цепочку,
и стали брести в одиночку,
меж двух балансируя бед.

БЕЗ ДАЛЬНИХ СЛОВ

Игорь Михайлов, *Короткие волны. М., «Молодая гвардия», 1968.*

В лирике Игоря Михайлова всегда устойчиво и непреложно состояние душевного равновесия. Доброжелательность и бескорыстие в основе его поэтического мироощущения.

Нет, поэт вовсе не благодушен, не отрешен от жизни. Он в прямом с нею контакте. Проходит по земле, воспринимая все ее биения, внимательный, сосредоточенный. Он видит, как идет снег, и зримо воспроизводит в стихе картину его полета («Как идет снег»). Он прислушивается к пению птиц и открывает в нем все многообразие

жизненных отношений — высокое, трогательное, обыденное («Чем дальше в лес — тем больше птиц»). Столь же веществен, конкретен Игорь Михайлов, обращаясь в своей новой книге стихов «Короткие волны» к образам минувшей войны, к революционному прошлому. Живой простотой и непосредственностью отмечены его рассказы о В. И. Ленине — «После девятьсот пятого» и «Перед отъездом».

Чуткий к добру, покою, поэт не минует противоречий жизни, не пропускает зло и тень. И в себе он ощущает неразряженные грозовые токи («Несостоявшаяся гроза»). Ему знакомы неудачи, мучительные приливы и отливы вдохновения. Знает он беду, невзгоды, готов к несчастью («Когда ты у несчастья на прицеле...»).

Нам целились в грудь
острия —
они, как штыки, выпирали...
Мы льдины крупней выбирали,
где были надежны края.

Тянуло шагать побыстрей,
но мы тормозили желанье.
Далеких лесов очертанья
меж тем становились ясней.

А глянули с берега вниз,
где стыла река полыньями,
где льдинищи стукались лбами,
где путь наш над бездной повис, —

и дрожь пробежала вдоль спин,
и мужества сразу лишились:
как мы на такое решились?
И как не погиб ни один??

ПАМЯТИ ИЛЬИ СЕЛЬВИНСКОГО

Две недели, как писем нет.
Три недели... Что это значит?
Как давно опасаться начал
я последних полос газет!

Но узнаешь: он слег в кровать,
в санатории был, в больнице...
Снова чем-то помочь стремится,
посоветовать, поддержать —

оптимизмом своим врожденным,
не слинявшим от многих бед,
жизнелюбием непреклонным,
лишь окрепшим от долгих лет.

И поверится: пусть ослаб,
но прожить ему очень просто —
ну, хотя бы до девяноста,
до восьмидесяти хотя б!

Откуда же черпает поэт мужественную простоту и мудрость своего поэтического видения?

Игорь Михайлов считает себя прилежным учеником русской классической школы стиха. Правда, прямые сопряжения тут не всегда у него получаются. В нарочито обыденном, домашнем по интонациям стихотворении «Пришел с дороги с чемоданом...» не удается достаточно органично произнести пушкинское «Пора, красавица, проснись!». Обесцвечены и в парафразе Игоря Михайлова строки Есенина — «Я искал в этой женщине счастья, а нечаянно гибель нашел...» («Читая Есенина»). Обеднен образ поэта и в стихотворении «Поручик Лермонтов».

Сила стиха Игоря Михайлова — в живом отражении нашей жизни. Удачен его пересказ народ-

ной легенды («Смерть начдива Азина»), поэтична правда народного мирозерцания в балладе о партизанских матерях («Две матери»). Для него это свое, близкое, пережитое. Недаром тот же строй чувств в автобиографическом стихотворении, вернее небольшой поэме «Жешартстрой», заключающей книгу «Короткие волны».

С. Владимиров

Будет жить, пока мы живем. . .
Не тревожь себя понапрасну:
смерть бессильна, болезнь невластна
над подобным богатырем.

Убедил себя, убедил,
и притихла на час тревога. . .
Будто злого прогневал бога —
бога мстительных тайных сил!

Вот и выбрала время удобное
долго кравшаяся сквозь года —
все равно неправдоподобная,
непредвиденная беда! . .

АЛЕКСАНДР МОРЕВ

Не знаю, как мне это все назвать. . .
Я солнца луч хочу поцеловать,
и дождь, и радугу,
и муравьиную тропинку,
и в утреннем лесу
блеснувшую росой на солнце паутинку.
Березы сока чистую слезу,
бегущую из светлой сладкой раны,
хочу поцеловать.
Ведь это не весна, не небо, не поляны,
и даже не земля, —
во всем я вижу мать!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Деревня последним лучом золотится,
А на задворках в синем тумане
К речке как будто спустились помыться
С полотенцами грядок — черные бани.

Рыжим, пушистым, веселым котенком
В оконце баньки солнце вбежало,
В саже запачкалось и тихонько
Мышь серой в углу пропало.

И приснившись себе березой высокой,
Пень в лесу улыбался спросонок.
А ночь ему осыпала щеки
Бородавками опенок.

<p>И сверлышки птичьих трелей, пронзая его там и тут, сумеречно-отсырелой природе спать не дают. А мы уезжаем на Север, и каждый — как в полусне, — слегка растерян, рассеян, не верит этой весне. Она — как счастливый случай — останется про запас. И право же, это лучше,</p>	<p>что мы уезжаем сейчас, — когда, проступив откровенней зеленой рябью сквозной, запечатлела мгновенье листва своей новизной. Для нас не осыпется слива. для нас навсегда вода останется тороплива, и все для нас — навсегда: и этот храбрый скворчонок, и дождь, и розовый сад, где капли на ветках черных висят. Навсегда висят.</p>
---	---

БОРИС НЕКРАСОВ

ПОТОМКУ

Встань в караул хоть на единый час
 В шинелишке кремлевского курсанта,
 Вздохни, как мы, когда душила нас
 Четырнадцатиглавая Антанта;
 Заставь звучать слова «Рабкрин», «Чека»,
 Пройди, раздет и голоден, ликбезы
 И выдержи холодный взгляд зрачка
 Введенного кулацкого обреза.
 Почувствуй, как ветра в степи остры,
 Пускай тебя, промокшего до нитки,
 Обсушат, как когда-то нас, костры
 Турксиба, Днепростроя и Магнитки.
 Пройдя сквозь огневые рубежи,
 Останься жив и чистыми руками
 Руины разбери и уложи
 На новой стройке свой заветный камень;
 Маршруты рассчитай межзвездных трасс
 И обрати на службу миру атом,
 И вырвись к звездам — в самый первый раз,
 Готовый и к победам и к утратам. . .
 Всю грамоту, основу всех основ,
 Пройди, и сохранится неизменен
 Огонь вошедших в твой учебник слов:
 Победа, Революция и Ленин.

В ГОСТЯХ У РАКЕТЧИКОВ

Как струн, касаясь медно-красных сосен,
Звенит в бору тугая тишина.
Запретной зоной, лабиринтом просек
Меня сопровождает старшина.
Он — строевик и не идет, а рубит,
Но гасят шаг податливые мхи. . .
Сегодня мне опять в солдатском клубе
Читать свои военные стихи.
Но старшина пока не знает темы —
Той, что меня в поэзию ввела,
Не знает, что и я носил эмблемы —
Скращенные два пушечных ствола.
И он, когда лесная тропка наша
Нас привела в военный городок,
Вдруг говорит мне просто: — Здесь, папаша. —
Я отвечаю в тон: — Добро, сынок. . . —
Привык. Меня давно не по уставу
Зовут солдаты новых батарей. . .
Но — к делу. Я читаю им про славу
И подвиги отцов-богатырей
И слышу сам, как в зале зреет завязь
Единства поколений до конца —
Они к отцам испытывают зависть,
И пепел дедов им стучит в сердца.
Я знаю, не пройдет и получаса —
Уйдет на огневые первый взвод,
И капитаном гвардии запаса
Меня опять никто не назовет.
Но старшина, который в битвах не был,
«Пишите больше, — скажет. — Я зарок
Даю, что будет чистым наше небо».
И оба мы возьмем под козырек.

ПОСТИЖЕНИЕ ЖИЗНИ

Лев Мочалов, *Вселенная за окном. Л., «Советский писатель», 1967.*

Из стихов Льва Мочалова не уходит удивление миром: «Стареем наше отраженье в зеркале. Лишь наше удивленье не стареет!» Не стареет, но трансформируется. В первых книгах оно было источником восторга, беспричинного счастья, необъяснимой радости: «В синеватом дыму день апрельский весенний. . . И не надо ему никаких объяснений». В третьей книге объяснение красоты и смысла мира становится насущной заботой поэта.

Прежде Мочалов замечал: «Жизнь моя! Ты не большая, а замахишься на звезду, беспокоя и

вопросая бесконечную высоту». Теперь он все чаще настраивается на вселенские волны, все настойчивее «вопросает высоту», в маленьком и преходящем ловит отзвуки огромного и вечного. Время, бесконечность, душа, добро и зло — герои стихотворений. Человек и человеческая жизнь понимаются поэтом как проекция грандиозных общих процессов. Постигание их становится мучительно необходимым, незнание ощущается как «недомоганье». У лирического героя даже появляется «третье око», особенно остро чувствующее происходящее в мире.

Вселенная — за окном. Вечность — в мгновении. Все живое — в каждом человеке. Если быть очень внимательным, если затаиться в гуще жизни, замереть, прислушаться — она раскроет свои тайны

ГЕОРГИЙ НЕКРАСОВ

* * *

Ты веришь:
Человек предельно прост.
Уверенность твоя, скажи, откуда?
А мне вот убедиться довелось,
Что он всегда —
Неведомое чудо.

Я знаю,
Словопренья не в чести.
И мы не будем слов бросать на ветер.
Свет белый
Через призму пропусти —
И он, простой,
Вдруг вспыхнет семицветьем.

* * *

Бывает в жизни очень тяжело.
Давнишний друг и нем и равнодушен.
И неудачи черное крыло
Несет тебя.
И страшно глянуть в душу...

Переживая только боль потерь,
Ты думаешь:
Все призрачно,
Все ложно,

в тебе самом. Эта сосредоточенность, напряжение зрения, ощущений, мысли приводит в ряде стихотворений («Бесконечность», «У переправы», «Юдифь», «Возвращение блудного сына» и др.) к волнующей догадке, ответу в поэтическом образе. На наших глазах вспыхивает открытие: «Словно делая нам одолжение, не спешило время-перевозчик».

Мочалов не изобретает новой философии. Он интересен своим опытом, своим волнением, через которые идет к своей поэтической истине.

Есть у него стихи, где знание не возникает произвольно, как бы из самой жизни, в которую вовлечен лирический герой, а строится из явных аналогий («Чем больше зло — тем анонимней...», «Перспектива», «Не осуждайте шум и дым засто-

лиц...», «Четыре бога» и т. д.). Таких стихов много, однако поэтическое у Мочалова вырастает не из рассуждения, а совсем из другого — из хорошо почувствованного поэтом ощущения трудности настоящего понимания: «Я все еще младенец. Я — зернышко в горсти. И все еще надеюсь однажды прорасти».

Раиса Вдовина, Зеленые купола. Л., «Советский писатель», 1968.

«Зеленые купола» Раисы Вдовиной раскинулись над гармоничным, молодым, свежим, на славу скроенным миром. Во всем, что вокруг, просту-

Мол, никому не нужен ты теперь,
Мол, на себе и крест поставить можно.

И ты сидишь не поднимая глаз,
Не видя рядом глаз чужих
(Чужих ли?).
Мы за тебя в волнении притихли. . .
Как в этот час ты мог забыть о нас!

* * *

Еще бессловесны леса,
И в небе звенеть еще некому.
Но солнце творит чудеса,
И речки становятся реками.

И кажется, их не смирить —
Грохочут и днем и под лунами,

Ну словно весь мир напоить
Они в это время задумали.

Но вскоре спадает вода,
Как смелость иных за околицей.
И грустно мне видеть тогда:
Вновь речками реки становятся.

НИКОЛАЙ НОВОСЕЛОВ

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЮНОСТЬ

Юность моя,
Пожелай мне удачи!
Встань спозаранку,
Пойдем со мной
На рассвете,

Проспектом Стачек,
К заводской проходной,
Где идут потоком шумливым
Газосварщики, слесаря,
Кто — степенно,

пает буйное чудо жизни, ее захватывающая материальность, духовные тайны, напевы и ритмы: в смуглых ликах новгородских святых, в добрых, великих суздальских соборах, в яростно проливающимся дождях, в неудержимо рвущейся из земли «природе» — лопухах, подсолнухах, в дедовой ложке — «с отбитым краем, деревянной, пропахшей щами и ухой, квасною, масляной, медвяной, в поливе темно-золотой», во множественных реалиях действительности, перенесенных в строчки.

Увлекающая Вдовину материальность закрепляется в слове — упругом, шершавом, пахучем, к которому можно прикоснуться.

Стоят, как борцы, помидоры тугие,
Готовые выжать пудовые гири,

И, как на ристалище, бурым быком
Картошка по желобу мчится бегом.

В темпераментном движении строк проявляется одно из главных поэтических слагаемых книги — своеобразный, страстный лирический характер.

И. Рожанковская

ДВА ПОЭТА

Н. Новоселов, *Тетрадь из полевой сумки. Ленинград, 1968.*

Николай Новоселов шел в поэзию сквозь огонь Великой Отечественной войны. Доброволец Киров-

Кто — торопливо,
 Перебравиваясь шутивно,
 Прибауточками соря...
 Ах, какими мы были счастливыми
 Тем, что жили не зря,
 Что ладони у нас рабочие,
 Что в семнадцать неполных лет
 Мы успели вплавиться прочно
 В самый главный класс на земле.
 Кепки... Выцветшие косынки...
 Льется, льется поток людской
 С Лево́й Тентелевки,
 С Волынки,
 С Вологодской-Ямской...
 И уже с утра озабочен
 Наш комсорг, — серьезный дружок!
 По дороге нас пропесочит
 За стрелковый кружок.
 Компромиссов не признавая,
 Ничего в душе не тая,
 Комсомольская, огневая,
 Заводская и фронтовая,
 Вновь со мной ты —
 Юность моя.
 В эту раннюю первую смену,
 С холодком щемящим в груди,
 Мимо кузницы и мартена
 В механический проводи.
 Тенорок по цеху рассыпан, —
 Белозубо смеется мне
 Мишка Цыбин —
 Курчавый цыган,
 Не убитый еще на войне.
 Распахнется навстречу Тоня,

Кареглаза, смугла, светла.
 Подмигнет мне, словцо обронит...
 Взгляд мой в глуби глаз ее тонет...
 Если б ты сегодня была!
 Как бы встретились мы с тобою! —
 На завод бы вместе пошли,
 Породнили радость с бедою,
 Молодое счастье нашли.
 Я храню твою фотокарточку —
 Ту, где нет тебе двадцати;
 Я храню твоих писем пачку...
 погоди! Нам с тобой по пути —
 В ночи белые, ленинградские,
 В ополчение, в первый бой...
 Почему же в могиле братской
 Нет меня бок о бок с тобой?
 Ведь в меня летели осколки!
 Прощевай, молодая жизнь...
 Бинтовала,
 Шептала:
 «Колька,
 Не убило тебя!
 Держись!»
 Память юности пышет жаром,
 Мне расстаться с ней нелегко
 Перед новыми рубежами,
 Перед новым в жизни броском.
 Я теперь тебя старше настолько,
 Что в отцы уж давно гожусь...
 «... Держись, Новоселов Колька!»
 Держусь!
 И открыто,
 Не пряча взгляда
 Перед временем и людьми,

ской дивизии народного ополчения, он в июле со-
 рок первого года принял боевое крещение на луж-
 ских рубежах обороны. Стихи приходили есте-
 ственно, как дыхание, в перерывах между боями,
 и строки их были горьки, как горька суровая
 правда тех грозных для России дней. «Лучше ду-
 мать о смерти, чем о плена позоре», — записывает
 поэт, и стихи эти звучат как клятва.

Строки скупы, гневны, полны внутреннего драма-
 тизма. Вот раздумья о земле, зажатой в кольцо
 блокады:

«Не сдадим врагу ее ни пяди...»
 Отдаем.
 Сдаем за пядью пядь.

Мы уже почти что в Ленинграде.
 Некуда нам больше отступать.

Слово окопного поэта ценилось наравне с пат-
 ронами и гранатами, ибо каждый воин вслед за
 поэтом мог сказать: «И России совестью на плечи
 мне шинель солдатская легла».

Но Николай Новоселов был не просто окопным
 поэтом. Он был поэтом своего поколения. Стихи,
 занесенные в «Тетрадь из полевой сумки», были
 раздумьями о судьбах страны и народа. И путь
 поэта-солдата был длинным и трудным: от стен
 Ленинграда, через поля поруганной Европы, до
 древних башен далекой Праги...

— Пот — не кровь,
 Не жалейте пота! —

Я держусь —
Мне держаться надо,
Я держусь —
Мне сражаться надо
За любовь,
За правду,
За мир.
И когда беда, неудача —
Юность кличет:

«Пойдем со мной
На рассвете
Проспектом Стачек
К заводской проходной».
...Где зубчатых эмблем чугунность,
У пролета широких ворот
Разовый,
Розовый пропуск в юность
Проходная мне выдает,

РОАЛЬД НАЗАРОВ

* * *

Подумаем теперь о простоте,
нас окружающей, —
о простоте прибрежного песка,
о простоте доверчивого взгляда,
о простоте проклюнувшейся почки,
о простоте звезды,
в рассвете утонувшей. . .
Мы часто принимаем простоту
привычно, буднично
за чистую монету.
Но —
как бы ни чиста была монета —
нам ею никогда,
ни в жизнь, ни в смерть,
не расплатиться за познание мира!

А нужно сделать шаг
и
разложить
любую простоту
на сложные крупички
и в каждой из крупичек
найти попробовать
все ту же,
как ни странно,
простоту —
и простоту прибрежного песка,
и простоту отверженного взгляда,
и простоту опавшего листа,
и простоту звезды,
возникшей на закате. . .

Проповедовал старшина. —
Такая у нас работа —
Война.

Это из стихотворения «На пути к победе». Потом, через годы, поэт скажет, обращаясь к любимой: «Какую нерастратенную нежность я через горы горя нес тебе!»

«Тетрадь из полевой сумки» Николая Новоселова — книга небольшая, но емкая. В ней не только война и раздумья солдата о мире, о соловьиной земле. Любитель поэзии найдет здесь рядом с «крутым кипятком переправ» и «лодки, летящие плавно в черемухе белых ночей», и четкий контур комсомольской юности поэта, прошедшей все испытания огнем и стужей. «Беспощадный свет в

глаза» не ослепил поэта, не заставил его отречься от прошлого, ибо там, в прошлом:

Черемух пена — пихтам по колено.
Бредут они по сопкам, как в пургу.
И город Комсомольск лежит на левом,
На левом, — там, где сердце, — берегу.

Владислав Шошин, М., Библиотечка избранной лирики, «Молодая гвардия», 1967.

О Владиславе Шошине мало говорят и спорят, и знают о нем немногие. Но я люблю Шошина — лирика, рисующего мир в мягких акварельных тонах, умеющего дать тонкую, остро наблюденную

ПЕТР ОЙФА

ИЗ ЦИКЛА «ГВАРДЕЙЦЫ 45-й»

* * *

Да буду, Россия, достоин
Писать о гвардейцах твоих, —
О мертвых спокойно, как воин,
Как верный собрат о живых.

Стоявшие честно и грозно,
Испившие вдосталь огня,
Они над житейскою прозой
Как вечный огонь для меня.

ВЕЧНАЯ ВЫСОТА

Есть в русском офицере обаянье.
Увидишься — и ты готов за ним
На самое большое испытанье
Идти сквозь бурю, сквозь огонь и дым.

*Георгий Суворов. Из стихотворения,
посвященного
гвардии полковнику С. М. Путилову.*

Алмазную сверкает высью
Шестидесятых лет разбег.
Живет под звездами Тбилиси
Седой военный человек.

Вдали с гвардейцами своими
Поэт, за огненной стеной
Его соединивший имя
С иною, вечной высотой!

деталь: «В сырой траве еще горящий гвоздики скромный уголек». Как здесь чутко взят эпитет: не «красный», не «алый», а именно — «скромный». Это и свежо и психологически очень верно.

А эти «ландыши, как белые утята». Или — «И первая почка с куста зеленый глазок приоткрыла!»

И рвется мир хвоинкой каждой
К восторгам завтрашним своим,
И той же весь я полон жаждой,
И этой жаждой сроден с ним!

Герои акварельных стихов. Владислава Шошина — это и белокорые березы, и трепетная ольха, и солнечные сосны, и задумчивые клены, и тихие лесные озера. Но это и не только березы, сосны

и озера: за ними мы видим понятные и близкие каждому русскому сердцу суровые, романтические души северян — поморов-рыбаков, онежских плотогонов, приладожских хлебопашцев.

Посмотрите, как ярко, с любовью выписан поэтом бригадир лесосплавной бригады:

Над шипением речки сердитой,
Старой хваткой задоря парней,
Он стоит словно гвоздь, крепко вбитый,
На единственном, круглом бревне!

Радует меня и то, что В. Шошин все более и более расширяет диапазон гражданственных мотивов в своем творчестве. Такие стихи, как «Словно совесть, жизнь необратима...», «Мертвому полю

ВСТРЕЧА С НЕВСКОЙ ДУБРОВКОЙ

И оттеснив врага от волн полночных,
Мы завязали с ним гранатный бой.
Мы твердо знали.

Да, мы знали точно —
Победу нам дают лишь кровь и боль.

*Георгий Суворов. Из стихотворения,
посвященного
гвардии капитану А. В. Строилову.*

Выросло шоссе, а был проселок.
Новенький с иголочки поселок.
В третье воскресенье сентября
Нам шофер объявит остановку:
— Выходите. Невская Дубровка. —
Осень. Клены цвета янтаря.
Человек в потертом пиджаке
Медленно направится к реке.
На гранатный бешеный бросок —
Всей земли-то — Невский пяточок!
Для него, для бывшего комбата,
Здесь, как в храме, все навеки свято.
Рядом с ним убитые бойцы —
Неродившихся детей отцы.
Кровь сбегает чернотой щек
На окопный стынущий песок.
Он спиной к Неве, лицом к врагу
Бой ведет на левом берегу.
Отойдите и его не троньте!
Он опять на Ленинградском фронте!

под крыльями ворона...», «Сколько их, веселых и упрямых...», «Родник», «Освенцим» и целый ряд других, существенно меняют прежнее представление о поэте Владиславе Шошине. Оказывается, это совсем не «тихий» поэт; он не только художник-акварелист, но и страстный, темпераментный поэт-гражданин, воинственно отстаивающий свои реалистические позиции. И, как хорошо сказал Николай Тихонов во вступительной заметке к сборнику, «у него врожденное чувство любви к родной истории и родной природе».

Вячеслав Кузнецов

ЖИВОЕ ЧУВСТВО

Петр Ойфа, Служба песни. Лениздат, 1967.

Выше облака пролетай,
Выше неба себя прославь,
Но запомни одно и знай:
Выше хлеба себя не ставь!

Так заканчивает Петр Ойфа одно из стихотворений своей недавно вышедшей книги. Это — не поза ложной скромности, это — искреннее уважение к народному труду, и оно красной нитью проходит через все стихи сборника. Ойфа хорошо знает историю России, он чувствует красоту род-

II

Облака и солнце рядом.
Я не видел вас с тех пор.
Далеко ль от Ленинграда?
Где вы, гвардии майор?

Может быть, в среде военной
До больших дошли чинов?

Может, вы обыкновенный
Гражданин среди земляков?

Но живет в трудах гражданских
Тот солдатский непокой!
Нам бы встретиться нежданно!
Приезжайте, мой родной!

ЕГО ЗВЕЗДА

За самых светлых в мире пью, —
Затянутых в шинель.

*Георгий Суворов. Из стихотворения,
посвященного
гвардии рядовому Давиду Лондону.*

Иду по Красному Селу.
Он здесь упал тогда.
И безымянна — свет сквозь мглу —
Взошла его звезда.

На костылях его комбат.
Опять кружит метель.
Что знал он, юноша-солдат?
Недолгой жизни цель!

Недавний школьник — что он знал?
Древнейший ратный долг!
И — красносельским подвиг стал,
И Красносельским — полк.

От самых пулковских высот
Все вдаль катился бой!
Навек, сорок четвертый год,
Остался ты со мной.

Мне голос слышен сквозь твою
Ревущую метель:
— За самых светлых в мире пью, —
Затянутых в шинель.

Февраль, 1968 г.

СЕРГЕЙ ОРЛОВ

ПИЛОТЫ

I

За городом у кромки леса,
Где лег на землю небосвод,
Как юный двигатель прогресса,
Гремит в грома Аэрофлот.
О нем кричат и днем и ночью
Реклам цветастые щиты —
За два часа ты будешь в Сочи,
За пять достигнешь ты Читы.
А что в Чите, а что в Чите там?
Рай для души? И в нем своя
Кричит реклама на щите там,
Зовет в далекие края.
Все граждане сорвались с места,
Летят незнаемо куда.
Аэрофлот, дитя прогресса,
Для них к услугам завсегда.
С утра до самой ночи поздней
К земле бетонной и с земли
Срываются со свистом звезды,
Летят, садятся корабли.
Аэрофлот всюду хлопочет,
Грохочет, господи прости.
Снег Воркуты и пальмы Сочи
Зажаты у него в горсти.
А от него по всем широтам,
По матушке земле самой
Идут усталые пилоты,
Пешком торопятся домой.

II

Когда пилоты на аэродромах
Играют в карты или в домино,
Наш тесный мир становится огромным,
Таким, каким он был давным-давно,

Еще до появления скоростей,
Магнитофонов, субмарин, гудрона,
Еще до проштампованных страстей
И массовых психозов миллионов.
Стучат костяшки. Партия «козла».
И с каждым сокрушительным ударом
Уходят вдаль и их скрывает мгла,
Материки всего земного шара.
Растет окурков дымная гора,
Воротнички распахнуты и души,
Далекая придвинулась пора,
Распался мир на хляби и на суши.
Рукой подать. Рука сжимает кость —
И надо на почтовом до Парижа.
А кость уже вколочена, как гвоздь, —
Прощай, Париж, тебя я не увижу.
Скликайте в мире вымерших коней,
Седлайте их, впрягайте в дилижансы
И за столом у молодых парней
На выигрыш приумножайте шансы.
Ищите на толкучках паруса.
Стучат костяшки звонко, как копыта,
Который час, а может, на часах
Века сгорают, как метеориты.
Пилоты забивают в домино,
Отменено пять тысяч совещаний,
Пять караулов спать ушли давно
В столицах стран, затерянных в тумане.
А у ребят хорошая игра,
Они вошли во вкус своей работы, —
Такая в мире настает пора,
Когда играют в домино пилоты.

ВСТРЕЧА КОСМОНАВТОВ

Это было как-то в октябре.
На аэродром, где дождь и мгла,
Мы пришли на утренней заре,
Бросив все насущные дела.

Грохот государственных минут.
С неба резко сыплется эскорт.
Трап, как трон серебряный, везут,
Замер на земле аэропорт.

Пробегаёт холодок в душе
С бурей и восторгом пополам,
Как мальчишки смотрят атташе
Суверенных стран, неблизких нам.

По дороге красной по ковру
Трое русских юношей идут
В блеске заливающихся труб,
Под веселый пушечный салют.

Вспышки блицев с четырех сторон.
Строй министров. Флаги. Караул,
С тишиной и громом сопряжен,
Синие штыки в зенит плеснул.

Трое русских юношей идут
Беспечально к славе мировой,
Словно по дороге полевой,
Где хлеба да васильки цветут.

.. В гуле, в тишине пройдут века.
Побывав в немыслимой дали,
Будут прилетать издалека,
Возвращаться с неба корабли.

Никаких оркестров в тех веках.
Точный график расписанья прост.
Только у вернувшихся в глазах
Блеск работы — свет далеких звезд.

Но хочу, чтоб там, в слепящей мгле,
Знали, звездный обретя венец, —
Мы их здесь встречали на земле
Ревом пушек, грохотом сердец.

* * *

Всю жизнь куда-то далеко спеша,
Я близкого чего-то стал бояться,
Вдруг оказалась у меня душа,
И с нею надо, видимо, считаться.
Она не то что вымысел какой
Пиитов девятнадцатого века, —
Душа болит, что делать мне с душой!
Неправда! — Ей что делать с человеком!
Что делать ей, мифической, со мной,

Я — семьдесят четыре килограмма,
 Член профсоюза, праведник земной,
 А лгу и трушу только в крайнем самом.
 Но взбунтовалась бедная душа,
 Та самая, что еле-еле в теле,
 И двинулась, все ложное круша,
 Ко мне, она иной не знает цели.
 Меня она за шиворот взяла,
 Тряхнула и поставила на ноги.
 — Иди. Будь тверд, верши свои дела.
 И знай, горшки из глины лепят боги.
 Ты бог, ты добр, ты храбр, и я с тобой.
 Лепи горшки, не предавайся лени
 И принимай неотвратимый бой,
 И подымай упавших с четверенек.
 Бессмертна я. —
 Я подчинился ей.
 Она душа. Считаться с нею надо,
 И забывать о бренности своей,
 И, кроме жизни, не искать награды.

НИНА ОСТРОВСКАЯ

* * *

Геолог — и вдруг — по больницам,
 Бродяга — и вдруг — взаперти. . .
 Здесь только трамвайным

зарницам

На стенах ночами цвести.

Линялая байка халата,
 Уколы, таблетки, питье. . .
 Какая жестокая плата
 За дерзкое счастье мое!

Нахмурились стены, белея,
 Кровати поставлены в ряд,
 И лишь над подушкой моею
 Таежные зори горят.

Одиннадцать коек притихли
 И слушают, дух затая:

По скалам, сквозь снежные вихри
 Уводит их юность моя.

Меж сопok, пустынных и голых,
 Плывет горьковатый дымок,
 И где-то в распадке еловом
 Веселый стучит молоток.

Но Чара швыряет камнями,
 И новый вскипает рассказ —
 Таежное солнце, как пламя,
 Бушует в палате у нас! . .

Что ж, я не тоскую, не плачу —
 Сжимая обломок весла,
 Я все еще верю в удачу,
 Какой бы она ни была!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Все пути ведут к Ленинграду,
 Горечь счастья и боль тая,
 Он — тревога моя, отрада.
 Гордость, мужество, жизнь моя!

Что же, иль пережито мало?
Но, из детства шагнув в простор,
Я свой город не раз теряла,
Променяв на безлюдье гор.

Он мне снился в таежных долах,
Где по пояс цветы в меду,
Возле горных ручьев веселых
Мне он слышался, как в бреду,

Тундрой, в звон комариный лета,
По ладоням седых озер
Плыл ко мне он сквозь синь рассвета
Из-за каменных низких гор.

Ленинград! . . — Это слово свято.
Не уйти от военных лет —
Боль жива. Над могилой брата
Безымянный плывет рассвет.

Там, под Пушкином, в травах росных,
На скрещенье шоссеиных лент,
Год за годом встречает весны
Светлой памяти монумент.

Спят герои. Умолкли пули.
Разрывая туман ночной,
В громыханье, в работе, в гуле
Просыпается город мой.

Я иду по его проспектам —
Щурюсь солнцу, вдыхаю снег.
С добрым утром, мой город светлый,
Я с тобой, я твоя навек!

БОРИС ПАВЛОВ

РОДИЛСЯ ДЕНЬ

Люблю смотреть я утром
рано,
Как новый день зарю кует,
Как трос невидимого крана
Из пекла солнце достает.
Луна скатилась с пьедестала,
Сгорела ночь в лучах зари,
И раскаленный ком металла
Горит на краешке земли.

АНАТОЛИЙ ПЕТРОВ

* * *

В лес ухожу, как в сновиденье,
И там в березовом краю
Я вижу вереска кущенье
И ощущаю очищенье,
Хмельной и чистый воздух пью.
А лес мне дарит не спеша
То гриб, то горстку земляники,
А для души — синичьи крики,
Конечно, если есть душа.
Я плечи в травы погружу. . .
Я эти звуки переплавлю
И людям все перескажу.

ЗЕМЛЯ

Как грудь, распахнута земля.
Ты припади к ней чутким ухом,
Услышишь, как вокруг поля
Вздыхают
Глубоко и глухо.
Ты эту землю береги
И не жалея ни сил, ни знания!
Земле, как другу, помоги,
Не затрудняя ее дыханья!

ПЕРВАЯ КНИГА

Леонид Палей, Непогода. *Мурманское книжное издательство, 1967.*

Не так давно на литературном вечере пришлось услышать стихи, которые заставили приглядеться к их автору. Так я узнал Леонида Палея. Несколькими годами назад приходилось слышать с эстрады его стихи. Не лишены своеобразия, они все же мало чем отличались от стихов тех, подчас и даровитых поэтов, чей путь в литературу был: школа — университет — первый сборник.

Вслушивался в стихотворения: «Мы ушли на маршрут. . .», «Уходит музыка в запас. . .», «Ветер

скрежещет на поворотах. . .» и понимал — с поэтом что-то произошло. Стих его, пусть еще порой и не совершенный, приобрел мужской почерк и упорство мысли.

Позже я узнал, что Палей три с лишним года провел в условиях сурового Севера. Служил в одной из авиационных частей нашей армии. Был стрелком-радистом и ушел в запас.

Со страниц изящно изданного маленького томика звучат стихи, полные взволнованных раздумий и чувства ответственности за то, что ты живешь на земле. Таковы стихи о комиссаре и обходящем в запас музыкантском взводе:

Уходит музыка в запас.

Была веселой и печальной

СЕРГЕЙ ПОГОРЕЛОВСКИЙ

ВОТ КАКИЕ ПАРЫ!

Удачные пары
У нас подобрались, —
Сойтись по характерам
Мы постарались:
За парту со Смеховым
Сел Горюнов,
С Овечкиной — Волков,
С Беловым — Чернов.

Стеклову с Рогаткиной
Славно сидится.
Смирнов на Буйновскую
Не наглядится.
Доволен вполне
Пивоваров остался,
Поскольку ему
Водохлебов достался.

Привольно живется
Теперь Тугодумовой, —
Все списывать может
У Остроумовой.
Сдружились отныне
На веки веков
Охотников — Зайцев,
Ершов — Рыбаков.

Она,
умела шаг печатать,
Умела мучиться за вас.

Будем ждать новой, ленинградской книжки Леонида Палея.

А. Минчковский

МЫСЛЬ И СЛОВО

Надежда Полякова, Я жду тебя. Л., «Советский писатель», 1967.

Родной язык кажется Надежде Поляковой чем-то вроде гончарного круга, на котором можно найденное слово проверить «На прочность, и на от-

тенки звука, и на свет». При некоторой искусственности этого образа он, мне кажется, довольно точно передает то, что сделала поэтесса, готовя к изданию свою книгу «Я жду тебя».

Я давно и заинтересованно слежу за работой Поляковой. Вот почему так отчетливо видно, что в новой книге перед читателем раскрываются если не новые черты ее дарования, то во всяком случае признаки этих черт. Еще недавно Полякова стремилась только рассказать читателю об увиденном и пережитом. Теперь она приглашает его в собеседники, хочет сообща осмыслить пережитое и прочувствованное. Стихи стали глубже. В этом нетрудно убедиться, прочитав «Мелочи», «Кто говорит, что форма мало значит...», «Первые слова» и др. Иного плана, но тоже хороши

Прекрасная пара —
Морозов и Жаров.
Кудрявцев с Лысенко —
Чудесная пара.
Жаль, Мышкиной сесть
С Ивановым пришлось, —
Ведь Кошкина в классе,
Увы, не нашлось!

НАДЕЖДА ПОЛЯКОВА

* * *

Из какой-то неведомой дали,
Из моих восемнадцати лет
Позвонила мне девочка Валя,
Та, которой давно уже нет.

А по совести — я-то все та ли?
Не осталась ли я навсегда
На дымящихся пятнах проталин,
На корявых пробойнах льда?

Горсткой пыли в трехтонках попутных,
Горьким дымом в ночных поездах?
Не осталась ли именем смутным
На целованных лживых устах?

Что я нынче ответить могла бы?
И спешим мы, дыша горячо.

стихи о шинели бывшего фронтовика, которую донашивают мальчишки. Это — о преемственности поколений.

Я твердо верю в их сердца и плечи,
Мужавшие под воинским сукном.

Однако не все мне понравилось в книжке. В некоторых стихах чувствуется какая-то нарочитость, заданность, желание пофилософствовать там, где и без того все ясно. От этого в строчках — холодноватость («Переписки древних книг», «Монолог Шекспира», «Скоморохи»).

Я начал с того, что Н. Полякова стала более взыскательной к слову. Тем обиднее читать такие строчки:

Я ощущаю вольно иль неволью,
Что сердце — это маленький комок,
Которому бывает очень больно.

Тут вкус явно изменил автору. А ведь Полякова хочет говорить с читателем настоящими словами, чтобы «в миллионах комнат» люди ощущали тепло ее души. Значит — долой стереотип. Пусть лучше вертится гончарный круг!

С. Молева, Подснежники. Лениздат, 1967.

В отличие от ласточек, подснежники, даже самые первые, делают погоду. Они — гонцы весны. Светлана Молева назвала свою первую книжку

Рассудочно хрустит февральский снег,
Холодный разум тормозит: не надо! --
Не на год расстаешься — только на день!
А может, этим днем обкраден век?

Под утро повторяются во сне
Платформа, снега мишурные блестки,
Зеленый глаз на черном перекрестке,
Твое лицо в метнувшемся окне. . .

Успею ли прочесть черновики,
Забить обиду, сгладить чувство боли?
О, как длинны уроки были в школе!
Как нынче годы стали коротки!

* * *

Как птица ошалела! Как поет!
До хрипоты поет, до исступленья!
От радости, от горького томленья
Она себе покоя не дает?

То вдруг рывком взмывает в высоту,
То тяжким камнем в безнадежность канет.
И разобьется, кажется, о камень.
Напорется, летя, на пустоту.

Страшна она в бессилии своем,
В отчаянном и непонятном крике.
Из хаоса встают пред нею лики,
В погоне за птенцами и гнездом?

Да, молодость всегда привлекательна, даже своей наивностью. Многие стихи Молевой столь непосредственны, что порой кажутся наивными. Хочется предостеречь молодую поэтессу: то, что сегодня красит стихи, завтра может оказаться уже наигрышем, накипью.

Например, грусть и тоска у Молевой воспринимаются как платье с чужих плеч. А чувства, известно, живут в поэтической строке лишь тогда, когда рождены в собственном сердце, а не взяты напрокат.

«Подснежниками» С. Молева протянула нам руку для знакомства. Оно состоялось. Теперь от нее же зависит, перерастет ли это знакомство в добрую дружбу.

Д. м. Хренков

СТИХИ О РОССИИ

А. Прокофьев, Гроздь. Л., «Советский писатель», 1967.

А. Прокофьев. Пристрастия. Лениздат, 1967.

Зимой 1931 года в клубе на окраине города Пушкина (тогда он назывался — Детское Село) состоялся литературный вечер. Выступали поэты группы «Ленинград» — Виссарион Саянов, Александр Прокофьев, Николай Браун, Борис Лихарев и Александр Гитович. Я учился тогда в Ленинграде в школе ФЗУ «Юный пролетарий», а жил

А может быть, от счастья ошалев,
Не совладев с собой, не слышит пенья,
И вышло горло из повиновенья
Над солнечными купами дерев?

Понять ли мне, что крик надрывный значит?
Незрима нас связующая нить,
Как будто я сама пою и плачу,
Не в силах плач от пенья отделить.

ПРОЩАНИЕ С ФЕВРАЛЕМ

Прощаюсь с февралем,
Прощаюсь с белым снегом,
С моим метельным днем
И бесконечным бегом

Охотником бегу
От мной подбитой дичи.
Меняю на бегу
Привычки и обличье.

На лыжах вдоль стволов
Молчащих мудро сосен.
Бегу, как рыболов,
Улов на льдине бросив.

Прощаюсь с белизной,
Моим теплом согретой.
Прощаюсь с тою мной,
Которой больше нету.

ВАЛЕНТИН ПОПОВ

НОЧЛЕГИ

Когда мне казалось все светлое темным,
когда становился я

очень бездомным

и падало с неба сеево снега —
в знакомых квартирах

искал я ночлега.

в Детском Селе — в фабзавучном общежитии. И конечно, не мог пропустить такого вечера: на нем выступали пять — сразу пять! — хорошо известных мне по стихам поэтов Ленинграда.

Уже не помню в точности, какие именно стихи читал каждый из выступающих. Хорошо помню только, что А. Прокофьев прочитал стихи о Ладогe. И с тех пор, на протяжении вот уже почти сорока лет, слышу я голос этого самобытного поэта — голос то исполненный нежности и лиризма, то задорный, веселый, то грустный, то гневный... Этот голос сразу отличишь в хоре поэтических имен, недаром поэт сказал о себе:

Я на все свое письмо
Ставлю личное клеймо.

Это сказано недаром, это подтверждено всем творческим путем поэта: от его первых книг «Полдень» и «Улица Красных Зорь», до вышедших недавно сборников «Гроздь» и «Пристрастия».

«Гроздь» — своего рода лирическая трилогия. Первая часть трилогии — «Приглашение к путешествию», сборник, за который А. А. Прокофьев был удостоен в 1960 году звания лауреата Ленинской премии. Вторая часть — «Стихи с дороги» (1963 год) и третья — «Под солнцем и под ливнями» (1964 год).

К названному мною сборникам примыкает и книга «Пристрастия» (Лениздат, 1967 год).

Северная Россия — с Ладогой и Балтикой, Сибирь, Мордовия, Литва... Моря и реки, синий Байкал, русские леса и рощи с белоствольными

стать великаном,
написать эпопею... .

Прыгал кот с этажерки,
кончалось похмелье ночлега.

А за окнами падало сеево снега
на асфальты,
на дворницкие лопаты,
на неподвижные головы статуй,

ЛЮДМИЛА ПОПОВА

ПАМЯТИ МАТЕРИ

I

Ни сердце не верит,
ни разум не верит,
Не может поверить,
смириться с потерей,
Поверить в конец твоего бытия,
Мама моя!

Внушить бы себе, что надолго, надолго
Покинула ты свой родной Ленинград,
Что там, где рождается вольная Волга.
Ты шьешь гимнастерки
для наших солдат.

«солнце, на гусях играя, встает из воды, как Садко». Соколов влюблен в родные новгородские края и эту любовь, в большинстве случаев, умеет довести до сердца читателей.

«Стожки», «Корни», «Маячок», «Сиреневое, голубое», «Зеленогорские березки», «Живица», «Феофан Грек», «Звезды на куполах», «Орлик» — лучшие стихи рецензируемого сборника подтверждают это.

Жаль только, что в ряде случаев поэт сбивается на «очерковость», описательность. Так написано, например, стихотворение «Певцы» — о поездке Капеллы с шефским концертом в село. Таковы же и некоторые другие стихотворения, звучащие слишком прозаично, информационно. Часто в них встречаются слова «канал», «шлюзы», «плотины»,

«навигация», «фарватер», «лайнер», «плоты»... . Далеко не всегда эти слова автор поднимает до высокого уровня поэзии:

Бульдозер, канавокопатель,
Корчовка, рытье, и рытье... .

Стихотворения о Карелии, стоящие за пределами новгородской темы, получились у автора более слабыми: они не так конкретны, не так лиричны, не так прочувствованы. Возможно, поэт еще не вжился по-настоящему в новую для него тему.

Огорчает порой и невнимательность опытного автора к рифмовке («поле — другое», «твой — подними», «дожда — светя», «музеев — карусели», «голубое — море») и к точности в употреблении

От холода, мрака,
от поисков пищи простой...
Прости, что тебя не смогла
оградить от тревоги,
Боязни беды,
что могла быть со мной иль сестрой.

Прости, что не думалось мне
в эту ночь о несчастье,
С тобой расставаясь,
не думалось — это навек...
И что не в моей,
не в моей человеческой власти
Вернуть тебя к жизни,
мой самый родной человек!..

Мы первую вербу
тебе принесли в изголовье,
Мы тихую, белой покрыли тебя кисеей.

О нет! Я не плачу,
пусть не обливается кровью
Большое, как жизнь,
материнское сердце твое.
Пускай не болит оно!
Неистошимым наследством
Мне будет упорство
и самозабвенье твое!
Клянусь я любовью твоей,
что светила мне с детства,
Идти до конца, до Победы
дорогой боев.

поэтому в откровенных стихах своих не срывается он с высокой ноты.

В новой книге лирических стихов поэт, как всегда, верен себе. В прошлом землероб и воин, он влюблен в русскую природу, его волнуют заботы о мире. Отсюда и радость: «у нас есть ленинская мера жизни». Активное вмешательство в жизнь, чтобы сделать ее еще лучше, такой, чтобы «счастья вдоволь хватало для всех», — вот основной мотив новых решетовских стихов. Свидетельство этому лучшие стихотворения — «Анне Ахматовой», «Первая борозда», «Прекрасная быль», «В избе», «Земляк», «Московское стихотворение» и другие.

У поэта доброе сердце. Он ненавидит все злое, человеконенавистническое, не ищет компромисса

с тем, кто преграждает дорогу к всеобщему счастью:

Я жилы рвал, я душу тратил
В народных бедах и боях, —

говорит Александр Решетов в одном из своих стихотворений, и веришь, что он в жизни такой же, как в стихах.

Книга «Я вернулся домой» — подъем в гору. Стихи молодые, звонкие, задушевные. Много в них философского раздумья, согретого сердцем. Одно, на мой взгляд, плохо: не нравится мне название книги. Нет, поэт не вернулся «домой», ему еще шагать и шагать. Книжки — версты. Немало их у Александра Решетова — позади и впереди версты, версты, версты...

Чтоб твой небеса
Голубели, синели.
Зеленели леса
С каждым годом сильнее;
Чтоб, веселье даря,
Выше солнце вставало,

Чтоб звезда, как заря,
Над тобой полыхала;
Чтобы доля и воля
Жили в дружбе великой...
...Пусть на Марсовом поле
Расцветает гвоздика.

НОВОБРАНЦЫ

Идут они не по-отменному,
Не боево,
Не боево,
Идут они не по-военному,
Но ничего,
Но ничего!

Они все наши, ленинградские,
Хороший вид,
Хороший взгляд.
И ложки, ставшие солдатскими,
За голенищами блестя.

И город смотрит дивен, дивен,
Да и ему не все равно,
И матери спешат за ними,
Как в киносьемках,
Как в кино!

Прощайте, дни, витки зеленые,
Прощайте, кудри словно смоль,

О ДВУХ КНИГАХ

В. Халупович, *И нет мне отпуска. Л., «Советский писатель», 1968.*

Прибитый к быту городскому
Гвоздями службы ежедневной,
Вдруг обнаружу птичий гомон
И петушинный выкрик гневный.

Поэзия для Вадима Халуповича нераздельно связана с жизнью, с любыми ее проявлениями и главным образом — с привычными, вошедшими в быт. Стихи для него — продолжение разговора, начатого в поезде или за столом, на улице или

на работе. Мир вовлекает его стихи в круговорот событий, дел, разговоров. Незначительность событий, внезапно ставших темой поэзии, иногда оправдывается их душевным углублением или иронической трактовкой, но порою жизненный факт так и остается не включенным в поэтический строй. Бывает, что взятый в основу факт значителен сам по себе и стихотворение интересно позицией поэта и самим фактом, а не собственно поэзией, — это добротная, волнующая публицистика.

Но среди этой несколько педантичной верности бытовым и привычным явлениям жизни возникают наблюдения совсем иного свойства. Скажем, луч солнца над осенними лесами, и жаворонок всходит по лучу... Или неожиданно заметишь, что снег идет не вниз, как ему положено, а вверх, и

Ведь ныне мальчишки орленые
Идут подстрижены под ноль!

По-ленинградски оморяченный,
Идет по улице отряд,
И запевалы в нем назначены,
Без них и звезды не горят!

И не играют гармонисты,
Трудней и круче перевал,
Дорога кажется гористой
Без запевал,
Без запевал!

А их здесь двое на две тысячи,
И пусть не так уж долог путь,
Но видно мне, как песня тычется
В одну мальчишескую грудь!

СОЛДАТЫ

1

Солдаты, солдаты, солдаты,
Сказал я, промолвил трикраты!

Песня с нами шла за перевалы
И за грани вздыбленных морей,
Запевайте песню, запевалы,
С нею жить-служить повеселей!

Небеса, что скатерть, распростерты.
Пышет жар
Иль веют холода —
Соль коробит ваши гимнастерки,

Но поход —
Походом был всегда!
Песню, песню дайте, запевалы,
Повольнее дайте, на размах,
Чтобы слово в ней не застывало,
А плясало яро на губах!
Пыль похода встала над дорогой,
Заалел, румянится закат.
Мать-Россия с нового порога
Загляделась на своих солдат.
А они идут, шинели в скатках,
А они идут — четыре в ряд,
А они идут, готовы к схваткам,
«На то мы и солдаты!» — говорят.

все становится легким и летучим. Короче говоря, появляются внезапные строчки, в которых и поэтическая точность, и душевная тонкость отменяют стенографическую запись быта. Когда человек вспоминает сны, которые проносятся по нему, как черные кони, трубя, или когда замечает, что травам он кажется Гулливером, а соснам — лилипутом... Стихи возникают не из потребности говорить иначе, чем прозой, а как случайность — человек вдруг обретает иной дар речи.

Конечно, строка или даже строфа — это еще не все. Тем более Вадим Халупович многословен, и его поэтические открытия внезапны еще и по контрасту с окружающим их вялым, скучным стихом. Но у него есть целые стихи со сквозным развивающимся образом, свидетельствующие о тонком

даровании, о медленном овладении поэтическим письмом и о безусловно свойственном ему проникновенном лиризме.

Лет семь назад я читал первую книгу Вадима Халуповича, вышедшую вдали от Москвы и Ленинграда. Его теперешняя книга — состоявшийся наконец дебют, вторая попытка, на этот раз удачная и перспективная.

Елена Кумпан, Горсти. Л., «Советский писатель», 1968.

Дожди шагают как стена.
Наверно, быть грибному году.

Солдаты, солдаты,
 Окопы стали рвами,
 Позарастали ивой,
 Вот-вот уйдут из глаз
 Солдаты, солдаты,
 А Родина за вами,
 Россия, Россия
 Надеется на вас.
 Солдаты, солдаты,
 Идите и летите,
 Не так давно лежала
 Земля в крови,
 Солдаты,
 Солдаты,

Россию берегите,
 Россия жить не может
 Без любви!

Глядит на нас Россия
 С высокого порога,
 Мы к ней прильнули сердцем,
 Как к берегу волна.
 Солдаты, солдаты,
 Ведь нас в России много,
 Ведь нас в России много,
 А она —
 Одна!

ПРОЩАНИЕ С ПРИМОРЬЕМ!

Прощай, приморье!
 Дай мне руки,
 Они как свет в моей судьбе.
 Прощай, товарищ,
 И в разлуке
 Я буду думать о тебе:

О том, как с легкою заботой
 С тобой, мой друг,
 Прощаюсь я,
 О том, как из-за поворота
 Метнулась музыка твоя,

А надо мной опять она,
 Моя погода!

...Поначалу слишком настойчивое следование Елены Кумпан литературным традициям вызывает недоверие к ее чувствам. И только потом, уже где-то посередине ее первой книги стихов, понимаешь: ее душа пробивается сквозь стих, как трава весной сквозь землю.

Лирические пейзажи Елены Кумпан менее всего подходят на фенологические заметки: в природе она ищет отголоски своим чувствам. Она рассказывает о «пейзаже своей души» и поэме дает название «Моя погода».

Стихи Елены Кумпан — лирическая исповедь. В этой исповеди самое интересное — душевный

максимализм героини. Она рассказывает о природе, о любимом, о детях, и мечтает еще и об идеальном созвучии человека и мира.

В. Соловьев

ПОЭТИЧЕСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Леонид Хаустов, Год призыва 1941. *Лениздат, 1968.*

То время... Оно снова неславно проходит передо мной, когда я листаю новую книгу Л. Хаустова «Год призыва 1941». С наших ровесниках, о тех, кого мы запомнили по мальчишеским кличкам, сурово и нежно говорят стихи поэта.

Рванулась дальше над заливом,
Где он блестел, как желобок,
И где уже седую гривой
Тряхнул балтийский ветерок
И вдруг затих.

В сверканье алом
Передо мной твой день возник,
Где море словно пришивало
К твоей рубашке вселенский шротник!

Где, якоря литые сбросив,
С тебя не сводит глаз Кронштадт,
Где строй твоих зеленых сосен
Как будто вышел на парад
И так застыл до-великаньи.

Прощай!
Волною прозвони,
Ведь я, товарищ,
Из недалекой,
Твоей неистовой родни,

Из той, что волю разбудила,
Потом дала отпор врагам,
Из той, что ходит и ходила
К твоим заветным берегам.

Не мало нас к тебе вернется,
И верю я, и знаю я,
Что снова в грудь мою ворвется,
Ударит музыка твоя —

И выйдет день в сверканье алом
Над всей приморской стороной:
Над морем, слитым с новым шквалом
Иль с белой пеной кружевной. . .

«Ленинградские строки», эти лирические миниатюры, писались Л. Хаустовым по горячим следам событий — в блокадном городе, в знаменитой Невской Дубровке. Поэмы «Есть такая земля», «Опасная сторона», «Первое утро» он создавал совсем недавно, как бы умножая свой солдатский опыт на чувства и впечатления последующих десятилетий. Но и то, что возникло вчера, и то, что отлилось в строфы сегодня, звучит на одном дыхании.

Перелистываю страницы книги, как страницы поэтической летописи. Наше прошлое не поросло быльем. Оно не нуждается в псалмах. Ведь оно никогда не умирало. Оно остается с нами, даже уйдя от нас, истаяв в дымке десятилетий. Остается, напоминая о себе громом майских салютов,

торжественным маршем колонн на парадах Победы. Оно остается, воплощаясь в музыку светлых и грустных стихов, в упругие ритмы пружинящих строк. Ведь на том и стоит лирика: вновь и вновь сводить воедино разбежавшиеся берега времен, бережно хранить и человеческую боль и человеческую радость. С ясным пониманием этих трудных целей поэтического искусства, мне кажется, и сопряжена удача новой книги Л. Хаустова, книги, в которой он впервые раскрылся перед нами как художник с такой завидной полнотой и щедростью.

А. Эльшевич

* * *

Стихи, стихи... Куда их столько,
Тоскливо у холодного огня.
Кого-то перехваливают стойко,
А кто-то сел не на того коня.

На деревянного он сел, как мальчик,
Пришпорил, бьет хлыстом давно.
Шалун чернилами уже испачкал пальчик,
Но не грозит никто ему в окно!

Он на таком параде не впервые,
Но я ему скажу наедине:
Ты налегай на рифмы корневые,
На деревянном едучи коне!

Покрась его!
Не много надо красок,
Гони его в любую кутерьму,
И хочешь — назови его Пегасом,
Саврасом?
Ну не все ль равно ему?..

ХУДОЖНИКУ

Сосна большая, корабельная
Стучится в небо, как в окно,
Березка рядом акварельная —
Бери ее на полотно.

Бери беленую, российскую,
С ее зеленою волной,
Сейчас на ней синицы цвинькают,
Бери, лелеянную мной.

ЛИРИЧЕСКИЕ ПРИЗНАНИЯ

Олег Шестинский, Горница. *Лениздат, 1967.*

Лирика — самый откровенный жанр поэзии. Это — исповедь души, прямой разговор с читателем, которому поэт может доверить то, что он не поведает ни матери, ни другу.

Искренностью интонаций подкупает и книга Олега Шестинского «Горница».

Впрочем, вряд ли стоило поэту помещать стихи, где он бичует себя за «грехи молодости» с ее неизбежными ошибками и заблуждениями, обличает минутных друзей — «проворную братию», сетует на то, что он «с глупцами спелся, полуправдой вяленой объелся».

Все это сильно преувеличено. Поэт невольно

поддался недавней моде, стилизовав свой облик под неких эстрадных стихотворцев. К счастью, таких стихов в «Горнице» не много и они нехарактерны для литературной и жизненной биографии поэта, исколесившего всю страну и познавшего разные профессии.

Праздничный, живописный, переливающийся многоцветными красками Бяку; скованный железными тисками блокады Ленинград, богатырский размах Сибири, каменная гордая земля Армении и Россия, Россия, опять Россия, с ее городами, деревнями, лесами и полями, широкой панорамой проходят перед читателями «Горницы».

Здесь зарисовки («Колхозные праздники», «В районном городке живут поэты...»), пейзаж («В дождь», «Молчат леса в заносах снега...»,

Бери, коль хочешь быть обрадован,
С ее волшебной стороной,
Да нарисуй ее под радугой,
Да, если можно, под двойной!

И с той сосною корабельною,
А чтобы стало все милей,
То, если можно, с колыбельною
Вечерней песнею моей.

СО МНОЮ СКАЗЫ ЗОЛОТЫЕ

Со мною сказы золотые,
Они промчались за леса,
Через заказники густые,
Что подпирают небеса!

В них плеск седой волны я слышу.
И рада вольная душа,
Что ветер Ладоги колышет
Зеленокрылье камыша.

И видно мне за самой, самой
Грядой, где тесно валунам,
У побережья Валаама
Проходит солнце по волнам.

А перед тем, когда погаснуть
Ему, златому, суждено,
Заря все машет лентой красной,
Как на морях заведено!

ВАЛЕРИЙ ПРОХВАТИЛОВ

* * *

Так просто женщина не плачет,
ты виноват наверняка,
когда лицо подруга прячет
в квадратик белого платка.

Твоя любимая вздыхает.
Во вздохе слышится упрек.
Все реже, реже отдыхает
тобой подаренный платок.

«Возвращение осени»), портреты («Александра Васильевна», «Сима», «Баллада о прачке»), исторические эскизы («Пушкин в Кишиневе», «В Тихвинском монастыре»), маленькие программные монологи («Да здравствует брожение умов!..», «Не лес, не степь, а просто поле...», «За цельность убеждений я стою...»).

Мне больше всего по сердцу мотивы русской природы, написанные лирической акварелью. В этих стихах, мастерски сработанных, эмоция становится мыслью зрелой и точной. Жизнь со всеми сложностями и противоречиями встает перед ним, как

Времена раздумий,
Времена познаний и добра.

Е. Мин

УТВЕРЖДЕНИЕ ЖИЗНИ

Вадим Шефнер, Своды. Л., «Советский писатель», 1967.

В одном из стихотворений 1960 года Шефнер писал:

О мир, в глубину устремленный,
Высокий, подножный, земной,
Твоей красоты эталоны
Пока что не найдены мной.

По-видимому, и невозможно постичь до конца

Оставь нелепые сомненья:
потом поймешь свою вину.
Но в эти трудные мгновенья
не оставляй ее одну.

Из самых горьких испытаний,
из тех, что выпадут всерьез,
бояться надо не рыданий,
а вот таких — усталых — слез.

АЛЕКСАНДР РЕШЕТОВ

* * *

На пристрастья иные
Пожалела бы сердца.
Но права, что льняные
Любишь ты полотенца.

Не какие-то тряпки
(Есть к ним слабость
у женщин), —
Это внучке от бабки
Был подарок завещан.

Еще в младости нитка
Ею долгая прялась, —
Вот когда еще выткан,
Ждал подарок, не старясь!

Не ценить его можно ль?
И таить не желаешь:
На плечо нам положишь,
Словно бы награждаешь!

С белой, плотною,
С честной
Добротою льняною
Вспоминается детство
Мужику с сединою.

Лет и города тени
Хоть на миг прогоняя,
Засинеет в цветеньи
Даль родная, льняная.

Как от сини той малость,
Что в глазах моих с детства,
Заставляла, случалось,
И тебя в них глядеться.

Но другие под старость
К нам подступят заботы...
Что ты внучке подаришь,
Завещаешь ей что ты?

эти эталоны. Речь должна идти только о приближении к ним, о создании каждый раз какой-то рабочей, черновой гипотезы, годной для данного времени, для данных обстоятельств.

Каковы же нынешние эталоны Шефнера?

Читаешь новую его книгу «Своды», и нарастает ощущение перемен, которые вот-вот произойдут. И не в судьбе отдельного человека или даже народа, а в судьбе всего человечества. Чувство единства человеческого рода, обостренное и победами в космосе и угрозой войны, проходит через весь сборник.

Книга называется «Своды» — по стихотворению, в котором славится вечное стремление человека к познанию, к открытию, к подвигу. Но может быть, еще более важно для понимания взглядов автора стихотворение «Наследующий землю»:

Воспеваем всякий транспорт:
Едущих на нем и в нем, —
И романтикой пространства
Нынче век заморожен.
Но пока летаем, ездим
И других зовем в полет,
Кто-то трудится на месте
И безвыездно живет...
Раньше всех он что-то понял,
Что-то в сердце уберег, —
И восходит символ Поля
Над романтикой дорог.

Это утверждение жизни — главная тема нового сборника Вадима Шефнера.

В. Бахтин

ОЛЬГЕ ВЕРГГОЛЬЦ

Наши души сказались в наших стихах,
Неподкупность роднила их.
Я об этом тебе написал второпях
На последних осенних своих:
Я просил тебя к черту меня послать,
Не лукавя с тобой нисколько;
Дочки есть у меня, и жена, и мать,
И сестра — твоя тезка, Ольга,
Мне пора свое время с ними делить,
Легче даже болеть средь них.
И тебя бы могли мы усемьянить —
Чтима ты у женщин моих.
Когда сестры и мать остались одни,

Умирая с блокадной пайкой,
Стих твой к ним приходил в те дни,
И в ночах тех он пел и плакал.
В каждом доме найдешь ты такую родню,
А живешь не одна ли? Вот ужас-то!
Не подумай, что в чем-то тебя я виню, —
Свято имя твое для меня и мужество.
Месяцами не вижу тебя, как чужой.
Силы нет, что была.
И покоя нет.
Дочь России,
Сестренка с льяною косой,
Почему-то опять ты приснилась такую
мне.

МОЛОДОМУ ПОЭТУ

Сергею Макарову

Все отдаляясь, отделяюсь
От прежних дум,
От прошлых дел —
И тех, в которых не расскаюсь,
И тех, что знать бы не хотел.
Собрат с весной в глазах,
Не сетуй,
Что — несговорчивый старик —
Не закружу с тобой по свету
И в бой не ринусь напрямик.

И если лучше был я прежний
Для дел,
Для дружбы
И на вид, —
Утешимся: ведь неизбежный
Час
Не над прежним прогремит.

ШИПОВНИК

Петру Кобракову

Глухая даль его приветила,
Он лепестки ронял в траву.
Иначе жил и цвел на свете я,
Гордясь, что где хочу живу,
Что вдохновенное движение
Мечтой устремлено вперед,
Что на миру мое цветение
И проходя не пропадет...
Так, может, все и было.
Было.
Но вот в осеннем далеке,
Не одержимый прежним пылом,
Ступаю с палкою в руке.
Шиповник,
Не слова хвалебные —
Прими смущение души
За ягоды твои целебные,
К зиме созревшие в глуши.

* * *

Годы перед нами не в ответе,
Но за них держать ответ и нам,
Сроки из моих десятилетий,
Голос сердца, не пропавший там.

Ни грустить, ни ликовать, ни злиться
Я не буду под своим холмом;
Заодно с землей,
Ее частица,
Дрогну лишь, встречая майский гром.

А стихов и вовсе не услышу —
Даже тех, что не чета моим.
Все равно, пускай поэты пишут,
И — кто жив — пускай внимает им.

Чтоб, возникнув, стих не канул в лету,
Мудрые стихами не сорят.
И об этом ведь —
Да, и об этом —
С новыми старинные поэты
Жизнью строк счастливых говорят.

ВСЕВОЛОД РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

ГОРОД НА НЕВЕ

Мечта неукротимого Петра,
Под гул мужицких стонов и проклятий
Рождался он под стук топора,
Флаг развернув на головном фрегате.

Был деревянным, но, одет в гранит,
Стал государства крепкою оправой,
И шпиль его, направленный в зенит,
Увенчан был сверкающею славой.

В шеренге зданий, в роще колоннад,
Покорных повеленью самодержца,
Он мщения народного заряд
Хранил в глубинах каменного сердца.

И долго тлела искра фитиля,
А в ночь, когда скрестились Серп и Молот,
Рванула так, что дрогнула земля
И старый мир был надвое расколот.

И городу судьба была дана
Народной воли утвердить начало,
Его вели крутые времена
Из каменного века в век металла.

Он встал бойцом в единый ратный строй,
Лицом к лицу он видел смерть в блокаде,
Но полчищам насилья, как герой,
Своей земли не уступил ни пяди.

И, растопивший вековые льды,
Мужавший в поколениях год от года,
Растит теперь кварталы, как сады,
Для счастья победившего народа.

* * *

Обыкновенный серенький денек,
Под стать простому русскому пейзажу.
Есть в тишине его полунамек
На то, что осень начинает пряжу.

Притихло все. Не шевельнется лес,
Прозрачной мглою небо затянуло,
И древних сосен сумрачный навес
Уж не таит ни шороха, ни гула.

Еще тепло. И даже легкий пар
Висит над обессиленной водою,
И не зудит назойливый комар
В глуши, где пахнет сыростью грибною.

Я продвигаю лодку в камыши,
Шуршащие медлительно и строго.
На озере дремотном ни души,
И теплый вечер медлит у порога.

Прислушайся! Ты можешь угадать,
Что темной чаще будет ночью сниться,
И почему так хочется молчать,
Когда над рощей теплится зарница.

У ЛУКОМОРЬЯ...

На зеленых склонах Лукоморья,
Буйно ветви отпустив вразлет,
Как сплетенье радости и горя,
Вековое дерево растет.

Если путник в тень его приляжет,
Неизбывным зноем истомлен,
Многое листвою оно расскажет,
Погружая память в мирный сон.

Вспыхнут самоцветные каменья,
Распахнет свой полог полутьма,
И, как златоверхие виденья,
Выплывут сады и терема.

Ветерок повеет, свеж и мирен,
А с тенистой ветки на краю
Радостно зальется птица Сирин,
Издавна гостящая в раю.

Но едва прорежется зарница, —
Распуская радугую хвост,

Новая в листву присядет птица,
Вестница тревоги — Алконост.

Ты услышишь свист и грохот боя
Там, где в кровь окрашена трава,
Где на стены, иступленно воя,
Из Заречья лезет татарва.

Эй, вставай! Заржал твой конь в тревоге.
Ногу в стремя! Тут уж не до сна.
Расстилайся птицей, быстроногий!
Поспешай к заставе дотемна!

Коль стрела пробьет твою кольчугу,
Коль из рук ты выпустишь копье,
Не жале́й! Полынь-траве, как другу,
Ты свое оставишь бытие.

Над тобой из самой дальней дали
Затрепещут в переливе струн
Перья птицы счастья и печали,
Огнкрылой птицы Гамаюн!

* * *

Когда, минуя топи, косогоры,
Выходишь ты на светлые холмы,
Перед тобой распахнуты просторы,
Каких еще не виделось из тьмы.

Вот прошлое — оно уже в тумане,
Поднявшемся из сумрачных низин,
А вот и то, к чему, стремясь заране,
Ты трудный путь прокладывал один.

Он был и долог, и тернист порою,
Извилист, крут — но не сходил с высот.
Не то, что там осталось, за спиною,
А будущее пусть тебя ведет!

Утраченного мы жалеть не будем —
Не может Время наглухо стоять, —
Но сбереженное оставим людям,
Чтоб можно было дальше передать.

МИХАИЛ САЗОНОВ

СКАЗКА

Родился там,
Где каменный квартал.
И с детских лет
К природе не приближен,
Я жаворонка
В детстве лишь видал,
Был рад травинке,
Росшей меж булыжин.

И вот теперь
Так близко я знаком
С тем, что, бывало,
Только знал по книжке.
Влюбленно внемлю,
Как под ветерком
Шумят дубки —
Зеленые мальчишки.

И пусть,
Как дважды два,
Судьба ясна,
Гаданиям не верю я нимало,

Давай сорви
Ромашку мне, жена,
И погадай,
Как в юности гадала.

И пусть кукушка
Сколько хочешь врет.
Я не спугну ее,
Не поперечу.
Сейчас ко мне
Березка подойдет,
Положит ветви тонкие
На плечи.

Обнявшись,
Простоим с ней дотемна,
Даря годами скопленную
Ласку.
И до конца поведает она
Мне в детстве нерассказанную
Сказку.

ЕКАТЕРИНА СЕРОВА

ПИГМАЛИОНША

Я на детскую лепку
Люблю поглядеть:
Вот вам — дедка за репку,
Вот вам — толстый медведь.

Вот царевна-краса,
До чего хороша:
Вся — глаза да коса,
Так уж просит душа!

Что за краски — гляди —
Просто праздник сплошной!
И стоит посреди
Человечек смешной.

Выше дома стоит
Головастый чудак,
И куда он глядит,
Не пойму я никак...

Не хотела бы я
Капиталы копить,
А хотела бы я
Человечка слепить.

Все обычное в нем,
Он нормальной длины,
Только сердце — как дом,
Да глаза — две луны.

Как тебя изваять,
Тайных дум властелин?
Негде мрамора взять,
Не пойдет пластилин.

Из всего, что вокруг,
Я леплю без затей
И друзей, и подруг,
И себя, и детей.

Братцы, честное слово,
Я скоро слеплю
Человечка такого,
Какого люблю.

Пота едкую соль
Ототру я рукой
И скажу, как Ассоль:
«Совершенно такой!»

ИРЭНА СЕРГЕЕВА

ХЕВСУРСКИЙ ТАНЕЦ

Хевсуры
выставят дозоры,
найдут врага,
заманят в горы,
его настигнут
и убьют.
Так было.
А теперь танцуют
и резко
в саламури дуют,

и глухо
в барабаны бьют.
Их шаг упруг,
их жесты — четки,
и с древних ритмов
их не сбить.
Они — нанизанные четки.
А танец —
связанная нить.

ГЛЕБ СЕМЕНОВ

ГОРОДСКОЙ РОМАНС

Уляжется грохот и скрежет,
уснут пешеходы, —
окно твое наискось брезжит
сквозь годы и годы.

И, узник тщеты и шумихи,
я издали вижу:
огонь поднимается тихий
все выше и выше.

Средь ветра, над каменной кручей,
в кромешном просторе —

горит горячо и горяче,
и горе не в горе.

Как будто давнишнего лета
застыла зарница;
как будто вопрос без ответа
все длится и длится;

Как будто бы музыка где-то,
далече-далече...
Всего-то в окошке и света —
от встречи до встречи.

* * *

Мне однажды приснилось: я стал молодцом —
хитрецом,
гордецом,
наглецом, —
очень важным лицом
с очень важным лицом,
все трепещут — и дело с концом.

Вслед за этим приснилось: я стал циркачом —
силачом,
ловкачом,
трепачом, —
не грущу ни о чем
и смеюсь ни о чем,
я и думать забыл, что почем.

А под утро приснилось: я стал муженьком —
простаком,
тюфяком,
бедняком, —
я грешил табаком
и дружил с кабаком,
а теперь лишь вздыхаю тайком.

Я проснулся, глаза кулаками протер —
и своею судьбою доволен с тех пор.

ЛЕОНИД СЕМЕНОВ-СПАССКИЙ

КОГДА ВЗМЕТНУЛИСЬ ЗАНАВЕСКИ...

Когда взметнулись занавески
и раскололась тишина,
вам военком вручил повестки,
и сердце вздрогнуло:
война.

Война...
И взяли вы в дорогу
росинки материнских слез,
и запах девичьих волос,
и запах тоненьких берез,
и ветра русского немного.
Осколки солнечных лучей
в дремучем, сумрачном лесу,
на двое суток сухарей
и только юность —
всю!

ЮРИЙ СКОРОДУМОВ

ДОРОГА

Суровая юность моей судьбы!
Не помню, в который год
Услышал я зов полковой трубы,
Пославшей меня в поход.

Я вышел в дорогу.
Пять лет подряд
Не видел родного крыльца.
Висел за спиной у меня автомат
Новейшего образца.

Был путь нелегок.
Был путь далек.
Его я постиг не вдруг...
Гремел автомат.
Гремел котелок.
Гремел сапогами друг.

* * *

По деревьям,
По пням горелым
Ушел сраженья дым, горбат.

Гляди, солдат,
Вся роща в белом, —
Похожа роща на санбат,

Где умирать и жить не просто.
Уже устав от немоты,
Береза белую бересту
С себя срывает на бинты.

Живи, береза, долго-долго.
А только я живу один.
Мне, как от заморозка, колко
Среди березовых лядин.

Не от тоски бегу смертельной,
Ищу по свету близких зря.
В полях от раны огнестрельной
Красны не свет и не заря,

Не месяц тонкий, как иголка,
Иголка тоньше волоска...
Мне, видно, колко от осколка,
Что в грудь вошел наверхьяка.

НОННА СЛЕПАКОВА

СЛЕДУЮЩИЙ РАЗ

(Из книги стихов для детей)

Будущее время,
следующий раз!
Вот — в кино уходят,
оставляют нас.

Вот мы спать ложимся,
вот и свет погас, —
только где-то брезжит
Следующий Раз!

А через неделю
нас берут в кино.

Что же тут такого?
Так и быть должно!

Синенький билетик,
дождик за окном
Следующим Разом
мы не назовем.

Это же — сегодня!
Это же — сейчас!
Ну какой же это
Следующий Раз!

Так и наступает.
Следующий Раз —
в день обыкновенный,
в незаметный час.

Как всегда, проснулись,
моемся, едим,
и, не узнавая,
на него глядим.

И уже торопит,
подгоняет нас

новый, настоящий
Следующий Раз.

Так и забегает
вечно он вперед.
Ждать и волноваться —
слово с нас берет.

Он наступит летом!
Завтра! Через час!
...Расскажу об этом
в следующий раз!

ВАСИЛИЙ СОКОЛОВ

СТАРИКИ

— Отстаешь, старина, отстаешь!
— Видно, оловом налиты ноги!
Шутит весело молодежь,
Обгоняя меня по дороге.
— Будь оленем!
— Будь соколом, дед!

Что поделаешь с остряками?
Я в шестнадцать мальчишеских лет
Сам подтрунивал над стариками.

Над Ефимом,
Что был глуховат,
Над Игнатом с походкой шатучей.
Сам теперь, как Ефим, как Игнат, —
И шагаю и слышу не лучше.

Повстречать бы мне тех стариков,
И с почтеньем к летам их и болям
Шапку скинуть бы за сто шагов,
В пояс им поклониться обоим.

Сколько лет, сколько зим
Ветер времени смёл без возврата?
За поселком схоронен Ефим,
По соседству с могилой Игната...

Мне и горько,
И совестно мне, —
Я недавно узнал в разговоре:
Был солдатом Ефим в Октябре,
Был матросом Игнат на «Авроре».

КОВЕР

Сергею Граховскому

На стене у меня белорусский ковер.
Нет оленей на нем,
Ни дворцов нет, ни гор,
Ни зеленого с лебедем белым пруда.
Только ромбы,
Крученный шнурковый узор,
Да каймы полоса —
Вот и вся красота.

На стене у меня белорусский ковер.
Ромбы — словно весенние очи озер,
Завитки — словно речек сверкающий росчерк,
А кайма?
А кайма — приднепровский простор,
Где поляны, где пожни да рощи.

Дальше сравнивать,
Дальше судить не берусь:
Много выдумки в нем или мало?
Не по деньгам он дорог, —
Сама Беларусь
Сердце в эти узоры воткала.

Белорусский ковер у меня на стене,
Из-под рук витеблянок он вышел,
С ним теперь моя комната кажется мне
И светлей, и просторней, и выше.

Я в свой Ильмень,
В мое Прионежье влюблен.
Им служу, дорожу этой честью
И от имени их посылаю поклон
Журавлиному краю — Полесью.

ИВАН СОЛОВЬЕВ

Герой Советского Союза

ГРАЧИ ПРИЛЕТЕЛИ...

Здесь и зло обнаженной и проще!
Вот земля, а зовется ничьей.
На кудрявой березовой роще
Говорливая стая грачей.

Прилетели домой на рассвете,
Бедолаги. Откуда ж им знать
То, что роща на чьем-то планшете
Не гнездовье, а цель номер пять!

ДОЗОРНЫЕ ТРОПЫ

Мне дозорные тропы по-прежнему дороги очень!
Был я с ними немалое время на «ты».
Пограничье и днем и в глухие, тревожные ночи
Исходил я от Вайда-губы до Читы.

Я служил на заставах далеких-далеких.
И в глазах до сих пор сохранился солдатский прищур.
Мне сродни: пустяковый ручей Виси-Йокки,
Буйный Пяндж, младший брат океана Амур.

Я ходил по земле, что зовут Крышей Мира.
Задыхаясь в атаках, наотмашь рубил басмачей.
Перевалы, ущелья, рискованные кручи Памира
И далекий и близкий кусочек Отчизны моей.

Кто служил на границе, ее никогда не забудет.
До последнего часа о ней буду помнить и я,
Потому что живут на заставах чудесные люди,
Превосходной земли, превосходных отцов сыновья,

Что всегда на посту. Месяцами, годами на страже,
Что опасность и риск, если надо, в расчет не берут.
Богатырское, славное племя Зеленых фуражек,
Берегущее Землю и Счастье, Свободу и Труд!

Я горжусь, что в дозоре когда-то шагал рядом с ними
И считал украшеньем тогда не седой головы
Вот такую ж фуражку с околышем синим
И с тульей зеленее зеленой весенней листвы.

РЯДОВОЙ

Не гонится за славой ради славы,
Бездумно не рискует головой,
Не зря зовут военные уставы
Его великим словом — Рядовой.

Он любит жизнь и ненавидит смерть.
Он добр всегда и лишь в бою неистов.
Его легко найти и разглядеть
В любом строю, в шеренге коммунистов.

Не дрогнет, не согнется под огнем,
Какая бы ни встретилась невзгода.
Душа народа выражена в нем,
Характер и величие народа.

Наш современник, всюду рядом с нами,
И знаменит он вовсе неспроста.
Известно, чьими добрыми руками
Умножена на свете красота!

И ты, как он, будь добрым и суровым,
Когда в поход горнисты затрубят.
И ты, как он, вставай правофланговым,
Чтоб все могли равняться на тебя!

ЖУРАВЛИ

Опустели, поблекли просторы равнинные.
Неумолчно кусты на ветру шелестят.
В небе стая за стаяй — углы журавлиные
Вслед за солнцем на юг, в неизвестность летят.

Потому что из странствий не все возвращаются,
Так печален курлычущий плач журавлей.
Это с родиной птицы, как люди, прощаются,
Улетая, как люди тоскуют о ней!

ВИКТОР СОСНОРА

ПО МОТИВАМ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ, В СУББОТУ, РАННЕЙ РАНЬЮ

С Азовского моря бредут черно-бурые тучи.
Они прибредут,
они разразятся грозой.

И гром застучит,
как под смерчем громоздкие сучья,
и молнии накрест
перечеркнут горизонт.
И дождь не водичкой — пернатыми

стрелами хлынет,

и будет не бой —
будет бойня корежить дубы,
и сабли переломятся
о половецкую глину,
и копыта потупятся
о половецкие лбы.

И лютые ветры,
великие внуки Стрибога,
накрутят спиралями
пыль на копыта волов...

С Азовского моря
ползет половецкая погань,
мотая шарами нечесаных черных

голов.

Горланят быки,
запрокинув двурогие морды,
бесштантные половчата
в скрипучих телегах юлят...

Шары волосатых голов —
от Кальмиуса до моря —
гортанными гиками
загородили поля.

О Русское племя!
Ты уже за Изюмским бугром!

То было в те бои и рати,
когда разладица росла,
когда в черниговской палате
скончался мудрый Ярослав,
когда Олег, призвав Бориса
в болотную Тмутаракань,
по всей Руси с Борисом рыскал,
да так,
что уши затыкал,
заслышав бряк стремян Олега,
неколебимый Мономах,
и за дружинниками бегал,
ломаюсь в кабацкие дома,
и двигал косяки дружин
не щит на щит —

на тело тело...

Так рухнул у ручья Канин
Борис,
прокняживший неделю.
Вода в Кагальнике горька,
но пуще прежнего прогоркла,
как подломился Тугоркан
под саблей зятя Святополка.
Междоусобья и крамолы
век человеческий коротали,
на пашнях злаки перемерли,
не слышно покриков ратаев.
Одни вороны

брюха ради
на падаль
падали повально.
То было в те бои и рати,
но равной рати не бывало.

Что мне шумит,
что мне звенит,
далече-далече,
рано перед зорями?
С рассвета до полночи,
с полночи до рассвета

втыкаются стрелы
в разинутые зрачки
и копья прокалывают
кольчужные сетки
на сивошь, до лопаток.
Кобылы, храпя у реки,
колотят копытом еще
не остывшие ребра,
и ребра потрескивают.
Пробираясь по ребрам вперед.
бойцы-половчане,
чумя от бычьего рева,
сдирают с трупья
золотое добро и тряпье.
Беснуется Всеволод.
Разве зарубленный ляжет.
Забыты Чернигов,
отеческий ласковый стол,
где дымом исходят
котлы поросячьих ляжек,
где Глебовна блещет
грудастою красотой.

На третьем рассвете
ковуи не вынесли боя,
бегут, озираясь,
роняя тупые мечи,
кровь затвердевает,
кровь крошится под ногою
и красными щепками
в спины ковуям стучит.
Напрасно князь Игорь
ковуям грозит: «Берегитесь!»,
на иноходце
бичом вымещая зло.
Ковуи бегут!
А у князя рука перебита,
рука омертвела,
висит на плече тяжело.

И тропинки нет обратно:
стяги пали.
Разлучились два брата
на реке Каяле,
на Макатихе кручинной,
где на месте свалки
ковыряют мертвечину
голодранцы-галки.

Галки прыгают, пугаясь:
там скула,
там ус торчит.

Сватов напоив поганых,
полегли русичи.
Пир докончили со славой
за крайну русскую. . .
Преклонили дубравы
разветвленья хрусткие.
Закачались ковыли
жалостливо по полю,

убирают ковали
наковальни в подполье.

Не ковать им, ковалям,
ни мечей, ни копий.

Им по избам ковылять
с мелочной поковкой.

ЙОЛЕ СТАНИШИЧ

ЧЕ ГЕВАРА

(Отрывки из поэмы)

Когда рассвет всевидящий
встает,
леса далекие,
его укройте кронами!

Когда в жару полдневную
поля томятся жаждою,
земля сухая, в трещинах,
глазам, от зноя страждущим,
открой родник неведомый!

И ты, о ночь косматая,
сомкни ресницы черные,
когда через границы он,
минуя рвы и пропасти,
неузнанный, непойманный,
идет сквозь рой полиции!

А в этот час мечта моя
несется над просторами,
чтоб сердце, песней полное,
ему заслоном стало бы.

Сегодня весть нежданная
звучит во всех транзисторах:
он, проходящий странами,
покрытых тенью мрачною,
он, искры превращающий
в огни восстанья грозные,
меж Анд, в глухом ущелии,
сейчас лежит простреленный.

Приказываю сердцу я
не застывать в отчаянье:
чужбины нет для сокола
и вся планета — родина
поэту революции.

Врач аргентинский, в битве стал он
Сьерра Маэстро комиссаром,
поэтом был, министром Кубы
сын человечества —
Гевара.

Он, оставляя кабинеты,
идет в туманные рассветы.
Минуя рифы, с ветром споря,
плывет на паруснике в море.
Шлет во врагов за пулей пулю,
чтоб красную посеять бурю.
И нет другой ему отрады,
чем партизанские отряды.

— Неважно, где и когда, —
сказал Эрнесто Гевара, —
смерть меня неожиданно встретит...
Пусть это будет в полночь,
или же на рассвете. . .
Только пусть не останавливается борьба,
пусть выпавшее оружие
подхватит молодая рука. . .

Слышу я на дорогах
XX века
многомиллионный голос

этого человека:
«Вива ла револуьсон!».

И все нарастает
над тем, кто мечтает
о гроздьях свободы,
кто жаждет победы, —
сквозь бури и годы,
сквозь горе и беды,
как рокот гитары, —
Гевара, Гевара!

Тебя ищейки ищут,
по всем дорогам рыщут,
по белому по свету
твоей могилы нету.

Над ней не встали сосны,
прямые и молчаливы,
не опустили косы
серебряные ивы.
Лишь звезды строй сомкнули
над нею в карауле.

Тебя, дрожа от страха,
в огонь кладут под ветер.
Убийца твой — Овандо
земле не предал праха,
боясь, что кости эти
способны сдвинуть Анды!

Дни мерно чередуются.
Но под луною не было
двух Байронов, двух Фучиков,
Экзюпери и Горанов.¹
И ты у нас — единственный.

Вершине Анд заоблачной
нет в мире двойника!

Смеясь над врагами,
не пав от удара,
сквозь годы и пламя
шагает Гевара.
Идет он мятежный,
забыв про усталость,
чтоб к радости вешней
земля пробуждалась.
Чтоб крыльями руки
людей становились,
затем, чтобы в муке
сердца не томились.
Идет сквозь преграды
и через границы,
минуя засады
и ярость полиции.
И через могилу
свою он шагает,
несметную силу
в пути собирает.
И вы мне поверьте:
он — тысячеликий.
И нет ему смерти,
и нету гробницы.
Все ярче, все зримей
сиянье во мраке.
Гевара, ты принял
от Байрона факел.
Так пусть озаряют
и песню и время
огни, что пылают
всегда. Надо всеми.

*Перевел с сербско-хорватского
Леонид Хаустов.*

ЛЕВ СТЕКОЛЬНИКОВ

В КУОККАЛЕ

Промерзшее мелкое море,
Затертые льдами челны.
Калитки молчат на запоре,
Как проруби окна черны.

На станции — хрипы да шипы,
Железо гремит тяжело,

Лишь в доме, что встал на отшибе,
Струится живое тепло.

Там жарко стреляют поленья,
Без умолку чайник поет,
Там в низенькой комнатке Ленин
Работает дни напролет.

¹ Иван Горан — выдающийся югославский поэт — герой партизанской войны с немецкими фашистами. Погиб в 1943 году.

Заботы с ним делит помощник,
Товарищ по имени Ян:
Скупой на слова полуночник,
Как девушка бел и румян.

Неяркие лампы да свечи,
Висит керосиновый чад.
От душного жара под вечер
В висках молоточки стучат.

— Пойдемте на воздух, товарищ:
Без отдыха, видно, нельзя... —
Потемки — перил не нашаришь,
Идут, на ступеньках скользя.

— Ни слова сейчас о работе:
Давайте в лесной тишине
Болтать о стихах, об охоте,
О первой любви, о луне.

По узкому лыжному следу
Уходят в хрустящую тишь,
Но что-то тяжел на беседу
Высокий печальный латыш.

Едва разгибает колени,
Шатается, будто бы пьян.
Берет его под руку Ленин:
— Вы чем так расстроены, Ян?

— Владимир Ильич, тут такое...
Уж мне не поможет никто.
— Как знать! Нас ведь все-таки двое.
Мороз! Застегните пальто!..

Извечная грустная повесть:
Он любит, она его — нет.
Как долго молчал он, готовясь
Услышать желанный ответ.

Сегодня дождался. Как сухо,
Как холодно это письмо!
Он смолк и закашлялся глухо —
Не парень, а горе само.

Фонарь семафора в потемках
Зеленой звездой горит.
И мягко, как будто ребенку,
Владимир Ильич говорит...

Что Яну советовал Ленин?
Товарищу чем он помог?
Ни слова из тех наставлений
Для нас, для иных поколений,
Растерянный Ян не сберег.

Но будто стена раскололась,
И Яну открылся простор.
И слышит он Ленина голос:
— Вернемся. Пора и за стол.

Рога поднимает олени
Увешанный снегом бурьян.
Шагает стремительно Ленин,
Сутулясь, торопится Ян.

Сильны еще горя порывы,
Глядит он в морозную тьму,
Не зная, что столько счастливых
Завидовать будут ему.

22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Кто письма писал, кто похрапывал сладко,
Кто книгу листал за тарелкой пшена...
Вдруг слышим, радистка кричит из палатки:
— Ребята!.. Война!..

— Война? — кто-то бросил рассерженно. — Враки!.. —
И тут же поверил и сжал кулаки.
Мы будто оглохли — ни лая собаки,
Ни шума реки.

И люди слепыми от боли глазами
Глядели на дымный далекий закат.
Начальник отряда навтыяжку замер,
Как старый солдат,

Письмо оборвалось на фразе «взглянуть бы!»,
В крапиву упал недочитанный том.

В тот миг разрывались мучительно судьбы
На «до» и «потом»...

В ЛЕСНОМ ПОСЕЛКЕ

Говорили так о лесорубе:
— Работяга парень! С огоньком!.. —
Но с тех пор, как Машу встретил в клубе,
Все пошло у парня кувырком.

У него одни и те же думы:
Что ни вечер — ходит в кинозал,
Всю получку гробит на костюмы,
Петушиный галстук повязал.

Ищет встречи от утра до ночи,
Только все напрасно. Что за стыд!
Маша с ним и говорить не хочет,
Маша недоверчиво глядит.

В Новый год, под звонкую трехрядку,
Показать решил он «мастерство»:
Полчаса откалывал вприсядку...
Удивилась. Только и всего.

Он в барак вернулся туча тучей.
Галстук бросил в печку, а пиджак
Зашвырнул под лавку — так, мол, лучше —
Буду жить, как раньше, коли так...

Ночь не спал, поднялся спозаранку,
Выпил — ох и горькое ж вино!
Ватник натянул — и на делянку,
Обходя заветное окно.

И отвел же душу мастер леса!
Сосны корабельные подряд,
Взвихривая снежные завесы,
Наземь, как подкошены, летят.

Ворот нараспашку, брови сжаты,
Пусть мороз под сорок — ничего!..
Позовите Машеньку, девчата,
Пусть теперь посмотрит на него!

ЩЕНОК

Пять палаток средь степи белесой.
И откуда только взяться мог,
Кем он найден, этот мокроносый,
Золотой улыбчивый щенок?
Вырос на тушонке и на рисе,
На луну повизгивал, дурил,
И, как все, коллектору Ларисе
Сердце безраздельно подарил.
От всего, что в мире есть худого,
Лаской человеческой прикрыт,
Рос и рос наш песик бестолковый
Без нужды, без горя и обид.
Но глядел презрительно-печально
На щенка, вилявшего хвостом,
Наш бывалый бдительный начальник:
— Портите собаку баловством!
Добряки. . . растите пустолайку.
Всем на свете верит, дуралей.
Он еще предаст свою хозяйку.
На цепь посадите. Будет злей. —
Мы несмело спорили. . . а вскоре,
Вместе с пестрым авиаписьмом,
Поселилось у Ларисы горе,
И пришлось ей с горем жить вдвоем.
Но никто ее не слышал плача,
Суши были серые глаза,
Только пес своей душой собачьей
Понял, что нагрянула гроза.
И пока храпели мы, мужчины,
Никаких не чувствуя тревог,
Песик — баловень и дурачина —
Выплакаться девушке помог.

ЛЮДМИЛА СУЗДАЛЬСКАЯ

* * *

К. И. Высоковскому

За тонкой коммунальной стеной
вершится мысли четкая работа —
не спит чужак с седою головой
и беззащитным сердцем Дон-Кихота.
Он многое нам хочет объяснить,
все гуще ночь, тревога и забота,
наутро все уйдут — и не с кем говорить,
а он устал в своих потемках жить,

он должен, должен объяснить нам что-то
известное ему. Но объяснить нельзя —
душа кричит: добра! — Слова

спешат обидеть...

И смотрят вдаль незрячие глаза,
и видят то, что мы не можем видеть.

ВОЛЬТ СУСЛОВ

СТИХИ С ПЕРЕВОДОМ

Спел петух:

— Ку-ка-ре-ку!

(«Побегу поддам щенку!»)

Но сказала утка:

— Кря!

(В переводе значит: «Зря!»)

Согласилась жаба:

— Ква!

(Это значит: «Ты права!»)

А петух:

— Ку-да-тах-тах!

(«Что ж, выходит, я не прав?!»)

— Ага-га, — сказал гусак.

Дятел стукнул:

— Так, так, так...

Пропищала мышка:

— Пи!

(Это значит: «Не глупи!»)

— Мяу-мяу, — муркнул кот.

(«От хозяйки попадет!»)

И заржал тудяга конь:

— Иго-го!

(«Щенка не тронь!»)

И корова тоже:

— Му-у-у!

(«Хуже будет самому!»)

Сник петух:

— Ку-ка... Ку-ка...

(«Все, выходит, за щенка?»)

— Ку-ка-ре-ку... Ре-ку-ку...

(«Не поддам тогда щенку»)

Вот и все.

ИГОРЬ ТАЯНОВСКИЙ

* * *

Я с детства подвига хочу.
Хочу, представьте, славы.
Не знаю, подвиг по плечу ль,
Но мужество — по нраву.

Представьте: красные полки,
Подобные лавине,
Летят на белые штыки,
И я посередине.

Шинелей экспортная шерсть.
Рука на карабине.
Стоят под дулом Двадцать шесть,
И я посередине.

Ну, а пока мой час пробьет,
На лютой холодине
Моя бригада сваи бьет.
И я — посередине.

АНАТОЛИЙ ТИТОВ

* * *

Чуть сутулясь,
взошел на эстраду.
Бушевал взволновавшийся зал.
«Я прочту вам еще
«Гренаду», —
он,
усталый,
тихо сказал.
Напряглись пересохшие губы.
Рано песне играть отбой.
Зазвучали слова, как трубы,
возвещая про близкий бой.
Передыха коням не давая,
эскадроны пошли в галоп.
И запела боль
мировая,
и по телу
то жар,
то озноб.
Стало пулям и саблям тесно.
Искры молниями от подков. . .
Я не слышал, признаюсь честно,
как стихи читает
Светлов.
Но когда ветры дуют не с юга,
когда мысль овладеет пером,

когда хочешь услышать друга,
я всегда вспоминаю о нем.
Мне бы столько лихой отваги,
мне бы волю бойца и стать,
чтобы взмыли стихи,
как флаги,
под которые
хочется встать.

КРАНЫ

У бывших городских застав
гремят строительные краны
и, гордо головы задрав,
вдаль смотрят,
точно капитаны.
От них дома
вдоль улиц-струн
плывут кильватерной колонной,
и каждый строен, легок, юн
и прочен связкою бетонной.
И где поля насквозь пока
ветрами жесткими продуты,
там видят краны
свысока
свои ближайшие маршруты.

АЛЛА ТЕР-АКОПЯН

СЛОВО

Искать слова —
чего же проще?
Ищу слова.
Да вот напасть:
я все работаю на ощупь,
чтоб куром в ошип не попасть,
а слово дышит где-то возле. . .

Так дерево в слепом поту
ветвями шарит-шарит в воздухе
и проклиная слепоту.

А слово ходит где-то близко,
но между нами — мой просчет...

Деревеню:
первый листик
вот-вот на пальце прорастет.

ПЕСНЯ О ПАРИЖСКОМ СКРИПАЧЕ

Эта длинная ночь
все былое и помнит, и комкает.
В эту ночь
ходит дождь, как лунатик, по крыше.
В эту ночь в холостяцкой неприбранной комнате
на армянском моем языке
плачет скрипка в Париже.

А скрипач уже стар —
все измерено грустною мерою,
и ему
одинок в веселом Париже.
А в груди где-то слева таится Армения,
и теперь под смычком старика
на струне она дышит.

Столько бед позади,
и так много проезжено-пройдено,
и за жизнь
почему-то не добыто счастья.
Но должна же в конце, как в начале, быть Родина,
и планета кругла для того,
чтоб уметь возвращаться.

ОЛЬГА ТОЛМАЧЕВА

* * *

Все неразговорчивей
И труднее мне.
Ворочусь я в Зворково,
К Северной Двине.

Там ольхою простенькой
Обернется грусть,
Там меня как родственник
Встретит каждый куст.

Тетя Саня, Санюшка
Встанет у плиты:
— Испекла бы шанежки,
Ай, не будешь ты?

Окают и ахают
Все до одного...
Набегают запахи
Детства моего.

Одолеют думушки,   К вечеру до донышка
Выйду на повесть.   Выпью молоко
Позовут: И засну — ребеночком —
                 голубушка! —   Тихо и легко.
Стану голубеть,

* * *

Радости, радости сердце хотело!
Годы бежали, летели, прошли.
Юность уводит свои корабли. . .
Вот она — ясная, строгая зрелость.
В сердце, раскрытое до предела,
Хлынула боль необъятной земли.

ВЛАДИМИР ТОРОПЫГИН

* * *

Живу в осеннем Комарове. С утра морозная крупа легла на ребра рыжих кровель, и белой сделалась тропа. И тусклым светом заблестели осколки луж вдоль черных гряд. Свою нетлеющую зелень лишь сосны медленно струят. . . О чем я думаю? . . . О праве судьбою чьей-то дорожить,	о добрых чувствах — как о правде, и о недобрых — как о лжи. О ней. О том, как убывает в ней что-то давнее, твое. . . О том, как это убивает, как убиваешь ты ее. . . Ее ошибках — с укоризной. . . Своих ошибках — заплати! . . . О том, что, как уйти от жизни, нельзя в поэзию уйти.
--	---

ЕЩЕ О СОРОК ПЕРВОМ

Сначала — тряска эшелона. . .
И каждый вздох, и каждый взгляд
не по-ребячьи затаенный:
«Куда же мы? . . . Где Ленинград? . . .»
Наутро — дождь на полустанке,
чужом и странном до поры.
И вот сажают нас крестьянки
в телеги местные — одры.
Здесь запах сена и навоза. . .
И слезный бабий говорок:
«Садись, блокадники! . . . Морозов
в именье взяли вас. . . в Борок. . .»
Морозов. . . нас. . . в именье. . . взяли. . . —
слова тревожили слегка,

а между тем одры въезжали
под сень тенистого Борка...

Когда в ночи седой и стылой
был в Петрограде Зимний взят,
ему уже в ту пору было
за шестьдесят. За шестьдесят!
Не то чтобы совсем уж старый,
но веско, как того хотел,
вещали с полок мемуары
о завершение главных дел
его, борца семидесятых,
кто в шлиссельбургских казематах
почти полжизни просидел.
В его томах — иные бури,
и Вера Фигнер, и Халтурин...
Работал — сердце не остыло, —
а жил в имении — оно
за ним народной властью было
пожизненно закреплено.

Итак — год сорок первый... Сжатый
в кольце блокады, как там дом?
И, ленинградские ребята,
в гнезде дворянском мы живем.
Ему, Морозову, по нраву,
хоть он давно и слаб и стар,
разогреть на всю ораву
на десять ведер самовар.
Он стар, но вести ловит цепко,
и знаем мы: все дни подряд
он ездит в Марьинскую церковь
и молится за Ленинград.
Мы морщим лбы... Для нас впервые
так зримо переплетены
два века, и пути России,
и дали дымные войны...

ОЛЬГА

В. Аксенову

Кому — полет, кому — балет,
мальчишке — яхту...
Ну, а она в семнадцать лет —
с оркестром в Ялту.

Ей говорили: — Знаем, ты
не ищешь выгод,
но только путь твоей мечты —
не лучший выход.

Ей говорили: — Не беда,
когда способна...

А не способна, то куда
в канун сезона?..

Их много, кто хитер и лих, —
и песня спета,
ты станешь знаешь кем при них?!

— Пусть даже это!

К чертям советы всех подруг,
и тот, влюбленный!..

И словно дым, клубится звук
над саксофоном.

И Ольга шепчет: — Даже смерть
приму я, только
петь — понимаете вы? — петь!..

— Ах, Ольга!..

ОПЫТ СТИЛИСТИКИ

Казалось выпреним и жалким,
в стихи не шло
само вот это слово: арфа...
Твое крыло...

И в том я был готов признаться,
считать бедой,
но ты вдруг опустила пальцы
в стакан с водой.

Дробились синие мозоли
в стекле его...
(О, неизбежность платы болью
за мастерство!)

Высокопарностью не муча,
в стихи легло:
— О, арфа с голосом певучим —
твое крыло!

* * *

Этот выстрел не смолк в отдалении,
я опять его слышу, опять...
В дальнем горном болгарском селении
попросили меня почитать.

и в мою
постучала квартиру.
Сквозь разбитые стекла
в лицо
мне дохнула
морозною пылью
и стянула
на горле кольцо
в гробовом
исступленном бессильи.
Шли для многих
в бездонный провал
из квартир
ледяные ступени.
Белый город,
он сердце мне рвал
бессловесным своим
песнопеньем.
Это мать
меня слезно звала,
умирая,
молилась о сыне,
но молчала
холодная мгла...
Зимний отблеск,
зловещий и синий.
Так стоял он,
столетий колосс,
опустелый,
с глазницами окон.
Сколько он
поколений пронес,
чтоб над горем,
над горечью слез,
над проклятьем
в нем силы нашлось
зубы стиснуть
в терпении высококом.
Я смотрю на него,
как вчера,
белый город
в морозе,
в обстреле.
Узнаю в нем
и сметку Петра,
и блистательный
почерк Растрелли.
И становится
память свежей.
В сонме арок,
колонн, капителей
безымянно
встают из метелей

НИКОЛАЙ УШАКОВ

* * *

Утром письма и заметки
я писал,
ну а потом
у литературоведки
оказался под судом.

А потом
сказал я гостье:
— Лучше лыжи в декабре.
Обсуждать мои вы бросьте
запятые и тире.
Я им придаю значенье,
но важней,
                                куда важней
чувств и мыслей извлечение
из природы
                                и вещей.
Лучше уж считать снежинки,
незаметные почти...

И пошли мы
есть тартинки,
чай с вареньем
пить пошли.

А потом
один парнишка
так смущался,
так страдал,
что ему для первой книжки
предисловие я дал.

А потом,
прочтя газеты,
я цветы полить успел...

День прошел —
как эстафета
в состязаньи
добрых дел.

ЛЮДМИЛА ФАДЕЕВА

«ВСЕ В ПОРЯДКЕ»

Я сказала мамочке:
«В школе все в порядке.
Я писала палочки
У себя в тетрадке.

А на каждой палочке
Я для красоты
Рисовала листики
И синие цветы!»

СОЛОМОН ФОГЕЛЬСОН

РАЗ! ДВА!

Солдатская песня

Были мы вчера сугубо штатскими,
Провожали девушек домой,
А сегодня с песнями солдатскими
Мимо них идем по мостовой —
                                Не глядим!.. Раз! Два!.. Раз! Два!..

Нам и летом и зимой морозною
Не до голубых и карих глаз, —
Техника военная серьезная
Требует внимания от нас
    День и ночь! .. Раз! Два! .. Раз! Два! ..

Только вы не плачьте, горемычные, —
Слезы портят девичье лицо;
У солдата есть и время личное —
Написать подруге письмецо,
    Или два... Раз! Два! .. Раз! Два! ..

Неужели будет непонятно вам,
От кого конвертик голубой,
Если вместо адреса обратного
Только номер почты полевой
    И печать? .. Раз! Два! .. Раз! Два! ..

Будем переписываться чаще мы,
Это нам разлуку сократит,
Ежели любить по-настоящему —
Время незаметно пролетит —
    Года два... Раз! Два! .. Раз! Два! ..

А зато потом уж — дело ясное:
После службы мы домой придем,
И тогда — как воины запасные —
Мы подруг под ручку поведем
    Прямо в загс! .. Раз! Два! .. Раз! Два! ..

РИЗА ХАЛИД

Я ДОЛЖЕН КОМУ-ТО ПОМОЧЬ

Знаю —
раньше срока постарею,
грустной тенью выйду я в свой путь,
если добрым взглядом не сумею
я в пути помочь кому-нибудь.

Потому что сердцу ретивому
было много нежности дано,
и любовью ко всему живому
полнится, как в юности, оно... .

Мальчика в еловом буераке
встретил я голодного, без сил,

он припал к моей солдатской фляге,
вывести из чащи попросил.

Долго шли мы с ним листвою опалой,
выбрались из чащи вековой. . .
Встрепенулся мальчуган усталый,
налились глазенки синевой.

Брел седой старик по горной круче,
ноги сбил, — дорога нелегка. . .
Я пригнул кизилловые сучья,
чтобы не хлестали старика.

Воробей на веточке дубовой,
ветер свищет, крупно капли бьют. . .
Ты лети ко мне, сероголовый,
я в ладонях дам тебе приют.

Уведу в овраг
ручей удалый,
чтобы сад не залила вода. . .
Я хочу помочь, покуда малой,
а не грозной сделалась беда.

И джигиту, что тропую страшной
лихо скачет среди мрачных гор,
«Оглянись, — воскликнул я, — отважный!
Не гони коня во весь опор!»

Хлопоты нахлынули волною
в беспокойную мою судьбу,
и за все плачу я —
сединою,
и еще —
морщинами на лбу.

Все равно я буду жить
готовым
ринуться по суше и воде
к человеку, чтоб ободрить словом
или взглядом, если он в беде.

. . .Знаю —
раньше срока постарею,
грустной тенью выйду я в свой путь,
если добрым взглядом не сумею
я в пути помочь кому-нибудь.

*Перевел с татарского
Олег Шестинский*

ВАДИМ ХАЛУПОВИЧ

* * *

Под снегом трава и дорога.	Луна как лимонная долька.
Повсюду нетающий снег.	И свет от нее невесом.
И кажется, можно потрогать	И кажется, это надолго —
Слетевшие слово и смех.	Прозрачность в себе и во всем.

* * *

Вдоль Волги, на высоких берегах,
В тени дубрав — притихшие деревни.
У храмов одиноких облик древний,
Стада медлительные на лугах.
Остроконечны дальние леса.
И облака недвижны над лесами.
И глубоки над нами небеса.
И нам легко стоять под небесами
На палубе
И слушать, как река
Вершит свое извечное движенье. . .
И в настороженной фигуре рыбака,
Как в капле, вдруг увидишь отраженье
Мгновения. . .

ЛЕОНИД ХАУСТОВ

КОСТРОМА

1

Кострома в развидневшейся рани
Так светла и просторна на вид.
И в распахнутой шубе Сусанин
Из бетона отлитый стоит.
Вдалеке золотеет Ипатий,
По-над Волгою стены, как снег.
Я сажусь на автобус на пятый
И въезжаю в шестнадцатый век.

2

Все здесь — Русь. Все — от листьев кленовых,
Что пронизаны солнцем насквозь,
До гробницы бояр Годуновых,
Ноздреватой и серой, как кость.
Острове́рхо ушла в поднебесье
Не забывшая встречи с Петром
Деревянная русская песня —
Храм, что рублен одним топором.

3

Я прошел по палатам и кельям,
Подивился на чудо труда,
И невольно подумалось: кем я
Был бы в мире — живи я тогда?
Летописцем-монахом, как Пимен,
Окрыляющим славу летам,
Иль поэтом? Но даже в помине
Званья этого не было там.

4

Я во всем здесь поэзии внемлю —
От хором до часовенки той,
Не она ль эту скромную землю
Одарила такой красотой?
Что б ни строил — всегда на полсвета,
Чтоб б ни пел — полпланеты поет.
Он всегда остается поэтом —
Народ.

ЛЕСНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Вот петух прокричал нам подъем,
Узнаю я по хватке — соседский,
И тогда мы с тобою встаем,
Чтоб пойти за грибами, как в детстве.

Открываешь флакон «Домино»,
Достается из сумочки пудра,
И, по правде сказать, мне смешно
От привычек твоих в это утро.

Я хочу, чтобы хвоей пропах
По щеке твоей льющийся локон,
Чтобы медленный дождь на губах
Обернулся целительным соком.

Лес — он добр, не смотри, что так мглист,
Он тебя околдует собою

И приладит березовый лист
К мочке уха-цыганской серьгою.

Будь собой перед выходом в лес
И помадою губ не уродуй,
Стань сама средь осенних чудес
Лучшим чудом, рожденным природой.

БАЛЛАДА О КУЗНЕЧНОМ РЫНКЕ

(Из стихов о блокаде)

Толчок. Толкучка. Барахолка.
Особый лексикон беды.
В тяжелой наледи на полках
Пусты Кузнечного ряды.

Став самым явным настоящим,
Разрушив все законы цен,
Доисторический, как ящер,
Там натуральный шел обмен.

Там кто-то черствый пряник мятный
За клей столярный отдавал.
Но был всего невероятней
Букинистический развал.

Стоял хозяин. Видно, слабо
Шло у него с обменом книг.
И я не понял — это баба
Или закутанный мужик.

Мой взгляд названием лаская,
Дурманя голову вконец,

Лежала книга поварская —
Шедевр мадам Молоховец.

Изданий пестрая семейка...
Но вдруг я обнаружил в ней
Весьма потрепанного Швейка,
Что был в сторонке всех скромней.

Я размечтался — эту мне бы...
Но тотчас сам себя шугнул.
В кармане стиснув пайку хлеба,
Я от соблазна прочь шагнул.

Но показалось мне — раздался
Веселый голос: — Ну, хорош!
Ведь ты же на войну собрался,
А без меня там пропадешь.

... Скажу, пройдя дорог полтыщи,
Что не был мой порыв нелеп,
Когда в ту зиму, Швейк-дружище,
Я смех твой выменял на хлеб!

АНАТОЛИЙ ХРАМУТИЧЕВ

ПОХВАЛА

Батя мой меня не баловал.
Так любил он говорить:
— Собирай, мать, снова малое
На делянку лес валить. —
Я как равный шел с мужчинами,
Нес за пазухой щенка,

Лес-кудлатыми вершинами
Нам кивал издалека.
На пенек щенка усаживал
(Как бы кто не придавил).
Он по срезу пня похаживал,
Как по сцене, и скулил.

*Який дуб, такий клін;
Який батько, такий син.*

Українська поговорка

И когда пила с лесиною
Заводила спорый спор,
Я за шею лебединую
Брал наточенный топор.
Подрубал стволы звенящие
Ближе к корню (в этом соль),
И мужскую, настоящую
Зарабатывал мозоль.
Дед-лесник, сигаркой длинною
На округу всю дымя,
Поговоркою старинною
Подзадоривал меня.

А потом — цибарка варева,
За блином округлым — блин.
Батя сам меня похваливал:
— Добре, сынку, славный клин. —
Я краснел краснее сосенки
От отцовской похвалы,
Что была, сказать по совести,
Слаще праздничной халвы.
Много дел вперед загадано,
Больше б видеть, больше б знать.
А похвал других не надобно,
Мне бы эту оправдать.

ОЛЕГ ЦАКУНОВ

* * *

Да, человек как солнце вечен,
Добра и света казначей,
Смотри — у пальцев человечьих
Все свойства солнечных лучей.

И там, где рвется дерн упругий
И жирный пласт земли течет,
Над радостным сияньем плуга,
Играя, радуга встает.

И с солнечной мечтой о счастье
В дали давно минувших лет
Умелой кистью древний мастер
Зажег в мадоннах мирный свет.

И, жизнь передавая сыну,
На нас спокойно смотрит мать:
Ну разве есть такая сила,
Чтобы рассвету помешать?

АНАТОЛИЙ ЧЕПУРОВ

НА МАРСОВОМ ПОЛЕ

«Не жертвы — герои лежат...»

Надпись на памятнике

Не жертвы лежат — а герои... —
Впечатано в камень навек.
И пламя не гасят живое
Ни дождь, ни метущийся снег,
Ни ветер, что красные листья
Сейчас по осенним полям
Несет, как отцовские письма
Из огненных лет к сыновьям.

* * *

Мальчиком ушел я на войну..
Ветер белокурую волну,
Торопясь, погладил и повел
На огонь лесов, пожары сел,
На завалы, надолбы, ежи —
Смерти и бессмертья рубежи.

Камень, бронза, яблоневый сад
Вместо многих мальчиков стоят.
Кровь, что пролилась, — деревьев сок
На лесных полянках, у дорог.
Верность и терпение — гранит,
На котором мужество стоит.

Бронзовая прядь на ветерке,
Меч из бронзы в бронзовой руке.
Трудно в этом войне признать
Сверстника-мальчишку. Только мать
Все еще роняет в тишину:
«Мальчиком ушел он на войну. . .»

* * *

О городе своем — о Ленинграде
Мы помнили и рядом и вдали,
И шли по зеленеющей громаде
Исклеванной снарядами земли.

О, молодость в окопчиках и дотах
У рощи, у дороги, у волны —
На яростных полях и на высотах
Отечественной памятной войны!

Ты, прожитая, пламенна и свята. . .
Все дальше, не впадающие в дрожь,
Идут седоволосые ребята —
Военного каленья молодежь.

Идут, воспоминанья не развеяв,
По мирным магистралям и полям.
Хранятся их реликвии в музеях
На зависть подрастающим парням.

Оружие. Обрывок из тетради:
«По всей планете завещаю петь
О городе своем — о Ленинграде. . .»
И крови, как печати, не стереть.

* * *

Разогнавшись, Тройка почтовая От земли Рванулась в облака! . .	А у нас — зима. И как обычно, В белый пух Поля погружены.
---	--

И летит, Мирам передавая Весть о жизни, Правнук ямщика.	На больших путях — Снега большие, Песня ветра На сто верст слышна.
--	---

Звездный путь, Исполненный величья, Полон Абсолютной тишины. . .	И согласно сердце, Что Россия Необыкновенная Страна.
---	---

* * *

Осень. Яблоки налитые.
Георгины во всем цвету.
Листья желтые, золотые,
Словно бабочки на лету.

И такая прозрачность дали,
Что куда бы ни кинул взор —
В этом синем сентябрьском зале
Различаешь любой узор.

Мастер-сказочник все добротю
Переделал, и неспроста
На сквозные свои полотна
Бросил огненные цвета.

Пламенеют мазки густые,
И летят в синеве глубин
Листьев бабочки золотые
На рубиновый свет рябин.

* * *

Я радуюсь лету —
Зеленому празднику сада,
И полю, и лесу,
Где пахнет грибами прохлады.

Малиновым духом
Овраги полны и низины,

И ждут ветерка
Музыкальные листья осины.

Трава, словно роща,
Росы голубиные блески
У розово-розовой,
Встретившей утро березки.

Прекрасна земля
С голосами, с медовым дыханьем,
Со всем многоцветьем
И зрелым своим ликованьем.

Я радуюсь буйству,
Разливу идущего лета,
Как вечно зеленому
Празднику жизни и света.

АЛЕКСАНДР ЧУРКИН

НАШ ЗВЕЗДНЫЙ БРАТ

Тяжело... давит боль как камень.
Вновь нежданно стряслась беда.
Как постигнуть,
Что Юрий Гагарин,
Наш веселый смоленский парень,
С космодрома ушел навсегда?

Полон света, огня молодого,
Улыбался и песни пел,
Он из космоса голубого
Первым в мире
На землю глядел.

Мир весь слышал из поднебесья
Голос нашего земляка.
Он для всех
Словно звездная песня,
Прозвеневшая на века.

Нет, не верится,
Не приемлю,
Уберите газеты прочь.
Словно в час неурочный
На землю,
На сердца опустилась ночь.

Горько нам, сердце жжет утрата,
В горе вся космонавтов семья.
С солнцезащитным
Небесным братом
Расстается Отчизна моя.

Но не хочется этому верить...
Вновь апрель,
Вновь весна зовет.
В каждом маленьком пионере
Новый Юра Гагарин растет.

ЖДУ ТЕБЯ Я, МОЯ БЕССОННИЦА

Словно в юности вновь загрезил я,
Как с явлением этим быть?
Не хотелось бы из поэзии
Мне на пенсию уходить.

И приходит ко мне бессонница,
Видно самая ей пора.
Злая память за мною гонится
И воинствует до утра.

До парнасских вершин добраться
Поздно мне и не по плечу.
Ну а лязгом аллитераций
Пробавляться я не хочу.

Я из сердца песню выплескивал,
Шел навстречу звезде своей

Не по гладким панелям Невского,
А в угарном дыму степей.

Столько видано-перевидано,
Что и в сказке не рассказать.
Не хотелось бы с инвалидами
На завалинке прозябать.

Вот и вся моя гордая исповедь,
Чем болею и радуюсь я.
Много мог бы я рифм навыйскивать,
Да не в этом печаль моя.

Знаю, в бурях душа не склонится
И не сломится голос мой...
Жду тебя я, моя бессонница,
Вместе с песнею и весной.

ВЛАДИМИР ШАЛЫТ

МОНУМЕНТЫ

У ворот Бранденбургских
Тишина... тишина...
Многих юношей русских
Не дождалась весна.
Над деревьями галки,

ЛИРИЧЕСКИЕ СТРОКИ

Людмила Щипахина. *М., Библиотечка избранной лирики, «Молодая гвардия», 1967.*

Сборник Людмилы Щипахиной — это краткий отчет поэтессы за десять лет, прошедших со дня выхода в свет ее первой книги. Сборник привлекает ясностью в чувствах и мыслях, которую отметил в своем предисловии Константин Симонов.

В стихах Щипахиной преобладает четкое развитие мысли, сюжета. Поэтесса принадлежит к тому типу художников, которые не стремятся выгля-

деть в глазах читателя загадочными. Четкость решения в лучших стихах Людмилы Щипахиной не снижает эмоциональности.

Такие стихи, как «Вечером», «Если правда», «О долгах», «На африканском пляже», «Защита», «Оставляйте потомство, люди», передают волнение автора, способного откликаться на различные поэтические времена.

О сочетании логического начала и эмоционального Щипахина очень точно и образно сказала в стихотворении «О женственности»: «Побеждаю, как мужчина, и, как женщина, — сдаюсь».

Программным в сборнике является стихотворение «Привыкнув к грохоту и гулу», где лейтмотивом звучит рефрен: «Моряк, не заходи в лагуну, где очень тихая вода!».

Над Берлином покой,
И стоит в Трептов-парке
Всем известный герой!
И суровость во взгляде,
И заботы печать...
Ждет давно в Ленинграде
Парня этого мать.
Сердцем ждет его добрым,
Но в величье молчит.
Мать на кладбище скорбном
Монументом стоит!
С материнскою силой против тысяч смертей —
Мать над братской могилой ленинградских детей.
Против страха и смерти мать стоит на посту.
Пусть немецкие дети — пусть все дети растут!
Сын сражался под Курском, между танками полз,
Сердце матери русской он к Берлину принес,
Это гневное сердце, что карало мечом,
Детство маленьких немцев подняло над огнем!
...И сменяют закаты
За восходом — восход...
Мать все смотрит на запад,
Сын глядит на восток!

ПРЕДКИ

Горит звезда на небе синем,
В руке узда зажата сильно,
Кричат кусты: тебя мы скинем!
Из ночи скачущий посыльный,
Посыльный конь и век двадцатый.
Здесь нету общего ни доли!
Вот всадник поднял флаг крылатый,

У Щипахиной заметно стремление писать стихи проблемные. Интересно стихотворение «Мы живем, страдая и любя». Хороша в нем афористическая концовка:

Человек делами перегружен,
И ему не выжить одному!
Да и сам себе зачем он нужен,
Если он не нужен никому.

В целом сборник Щипахиной составлен так, что он дает представление о творческом росте поэтессы, о ее поисках и свершениях.

И. Малярова

НЕПОВТОРИМЫЙ МИР ДУШИ

Нора Яворская, Движение. Л., «Советский писатель», 1968.

Новая книга Яворской «Движение» отдалена от первой шестью годами. Это, разумеется, для поэта немалый срок, и все же поражает различие этих двух книг: явственно ощущается возмужалость таланта. Почти всегда в новых стихах Н. Яворской пульсирует живая мысль, о чем бы она ни писала — будь то стихи серьезные или шуточные. Иногда мысль, преломленная через образ, проступает с первых же строк стихотворения: «Моя душа обнажена, как поле после половодья», «Мы к утверждению склонны по природе, мы

Вот он галопом скачет в поле,
Как символ древности былинной.
Осанка всадника сурова,
Он словно скачет из картины,
С цветных полотен Васнецова!
Когда заря придет и светом
Коснется берега речного,
Увижу, что не витязь это,
А просто мальчик из ночного...
Он привязал к шести рубашку,
В нем новь и быль живут друг с другом...
Его прапрадед шел на вспашку,
Широкий меч держал за плугом,
И в сердце искры не потухли,
Пройдя сквозь кровь и испытанья,
Передается сила духа —
Через века и расстоянья!
На кромке берега речного
В большой костер бросая ветки,
Сидят ребята из ночного —
Мои ровесники и предки!

АЛЕКСАНДР ШЕВЕЛЕВ

* * *

Как хорошо, проснувшись рано,
всю радость сельскую понять!
День, поднимаясь из тумана,

к отрицанию склонны по уму». Многие из стихов этого плана («Талант сказал способности», «Зовем мы середину золотой», «Завоеванный город») стройны в композиционном отношении, а в концовке своей поднимаются до афоризма:

Являя непохожесть, помни ты,
что не всегда в ней признак превосходства:
бывает необычность красоты,
бывает исключительность уродства.

Значительную часть книги составляют стихи о любви, среди которых можно найти такие запоминающиеся, как «Я — женщина», «Мальчик в свитере белом», «Приникну я щекой к земному лону». Авторское кредо очень удачно выражено в сти-

хотворении, открывающем сборник: «Не проживу я без противоречий, мой сложный, мой благословенный век». Это — стремление идти в жизни прямым путем, обходя «готовые решения», войти в бурную реку «не там, где брод, а где — попробуй, одолей течение», на собственном опыте постигая истину.

Не все в книге на уровне подобного мастерства. В нее попали и стихи, выпадающие из всего строя сборника. Слабее других — те, которые связаны с поездкой в Среднюю Азию. Но большинство стихов, составляющих книгу, чрезвычайно разнообразно по тематике, объединено в одно целое яркой авторской индивидуальностью.

И. Михайлов

войдет в окно,
разбудит мать.

Она оденется торопко,
косынку белую найдет
и не спеша к колодцу тропкой
с пустыми ведрами пройдет.

Затем наполнит их глубинной
водой,
дымящейся слегка,
и, переждав рассвет былинный,
пойдет уже через века.

* * *

Внезапная зарница вдалеке
по краю леса и по краю неба,
и я держу в испуганной руке
краюху остывающего хлеба.
И той зарницей мать озарена,

склонилась в огороде над грядкою,
от всех забот она отрешена,
о чем-то шепчется с землею.
Меня заметила,
чуть-чуть приподнялась
и на меня по-птичьи посмотрела,
вновь за работу принялась,
как будто за добычей улетела.

* * *

Гляжу на дальнюю дорогу,
как на свою судьбу гляжу.
И слава богу,
слава богу,
что в этом сходство нахожу.
Она отчетлива вначале
и так туманна вдалеке,
где ты стоишь в кругу печали
с ромашкой белою в руке.

ОЛЕГ ШЕСТИНСКИЙ

ГОРОД

1

Напряжение разума,
клокотание страсти
и бывшего пласты —
это город,
и я не могу без него. . .

Городá берегите,
городá, как глаза на лице.

Семена моих мыслей посею на черный асфальт —
это нива моя.

И в кустарниках книг утомленной душой отдохну.

Как он странно вообраз в себя, город:

рынки,
где лопухий кочан, толстозадый арбуз,
черноглазый джигит-виноград и простак-помидор побратались;

и кладбища,
где листьев зеленая глушь
и прохлада печальная камня;

стадионы,
где стонет толпа, как стонала при цезарях Рима
от азарта, угара при победах любимцев своих,

и тишайшие залы,
где струи симфоний ликуют;

и последних соборов
рождественский звон колокольный.

Как он странно вобрал в себя, город:

нежность белых ночей,
где девушки в платьях воздушных;

материнскую ласку
над первенцем, спящим в коляске;

мудрость старых поэтов,
творящих стихи молодые;

и тлетворную зависть
их собрата, что мил и улыбчив при встрече.

Город
взмаха монаршей руки —
и полки маршируют к Стамбулу;
город
взмаха рабочей руки —
и расстрелян последний монарх.

Этот город превратных судеб,
я не знаю, что будет со мною...
Я родился в страстях городских
и страстями воспитан,
и всего понемногу накопилось в душе моей ныне.

Не судите меня,
ибо город судам не подсуден, —
я же сын его,
я горожанин.

Город —
горячий всадник, полный сокрытых сил,
он оседлал природу,
шпоры в бока ей вонзил;

наголо, словно каторжник, выстрижен сквер городской,
в клетках томятся медведи,
хрупают в клетке косо́й;

ягоды только на рынке,
в банке стеклянной грибы...

...Но смотрят очами провидца пыльные окна домов,
выпуклые булыжники, словно мыслителей лбы
(людям так просто прожитья в жизни без ясных умов).

А провода пробегают —
небо в их дерзком венце, —
словно морщины раздумий на беспокойном лице.

Город, мой давний товарищ, доли жестокий оплот,
может, ты душу и старишь —
разум пускаешь в полет,

и потому я меняю,
может быть, с тайной тоской
синее-синее небо на потолок городской.

ВАДИМ ШЕФНЕР

* * *

Ты, детство, — золотое дно,
Тебе моя хвала.
Ты — как витражное окно
Из яркого стекла.

Пусть твой рисунок угловат,
Но разве дело в нем? —
Забывтый разноцветный сад
Почиет за окном.

Там непонятна и светла
Подруга детских дней;

Почти такая, как была, —
Но крылья есть у ней.

У ней варенье на щеке
И ситцевый наряд, —
Но лилии в ее руке
Мерцают и горят.

Стоит она, не зная зла,
С меня не сводит глаз, —
И только радуга стекла
Разъединяет нас.

НА ПЕНСИИ

Парикмахер пехотный
Пристрастился к вину.
Он не очень охотно
Вспоминает войну.

А гордиться он вправе,
И заслужен покой, —
Только боже избави
От работы такой.

Ах, острижено сколько!
Стриг он как заводной,
Не под бокс, не под польку —
Все под ноль да под ноль.

Он работал отлично,
Понимал что к чему —

Но не каждый вторично
Мог явиться к нему.

Ах, пехота, пехота —
Строевой матерьял!..
На холмах, на болотах
Он клиентов терял.

Видно, полька-канадка
Не для этих ребят, —
Под землей в плащ-палатках
Двадцать лет они спят.

...Нынче грустно мне что-то,
Ты налей мне, налей...
Эх, пехота, пехота,
Царица полей!..

ПЕРЕУЛОК ПАМЯТИ

Есть в городе памяти много домов,
Широкие улицы тянутся вдаль,
Высокие статуи на площадях
Стоят — и сквозь сон улыбаются мне.

Есть в городе памяти много мостов,
В нем сорок вокзалов и семь пристаней,
Но кладбищ в нем нет, крематориев нет,
Никто в нем не умер, пока я живу.

Есть в городе памяти маленький дом
В глухом переулке, поросшем травой;
Забито окно, заколочена дверь,
Перила крыльца оплетает вьюнок.

...Когда это дело случится со мной, —
С проспектов стремительно схлынет толпа,
И, за руки взявшись, друзья и враги
Из города памяти молча уйдут.

И сразу же трещины избороздят
Асфальт и высокие стены домов;
Витрины растают, как льдинки весной,
И башни, как свечи, начнут оплывать.

Осядут, в реке растворятся мосты,
Расплавятся статуи на площадях,
С вокзалов уйдут без меня поезда,
От пирсов уйдут без меня корабли.

Я буду шагать сквозь дома и дворцы,
На берег другой перейду без моста
Над стрежнем, над омутом, над быстринной —
Такое уж чудо случилось со мной.

Я в тот переулочек забытый вбегу,
У старого дома замедлю шаги, —
И девушка в платье весеннем сойдет
С улыбкой — ко мне — по ступенькам крыльца.

Не надо ни поезда, ни корабля, —
Мы выйдем в неведомые поля,
Оглянемся — города нет за спиной.

А вдруг это завтра случится со мной?

СМЕХ НА РАЗВАЛИНАХ

День прозрачно беспечален,
Далеко до темноты.
Две подруги меж развалин
Рвут весенние цветы.

Что им прошлое величье,
Черета ушедших дней —
Смех разносится девичий
Среди сумрачных камней.

Кто здесь строил, кто здесь рушил,
Кровь лилась или вино,
Что здесь делал век минувший —
Молодости все равно.

Все равно, какой Аттила
Здесь размахивал мечом,
Временем или тротилом
Камень с камнем разлучен.

* * * * *

Деформируются своды
И гранитные столбы,
Гибнет гвардия природы —
Долговечные дубы.

Завершеньем — разрушеньем,
Выпаденье из игры.
В черный вакуум забвенья
Погружаются миры.

Знаю: все, во что я верю,
Все, чем жизнь моя жива,
Тащит вечности конвейер
На размол, под жернова.

Но вдали — весенним кличем,
Обещанием даров
Раздается смех девичий
На развалинах миров.

ВИКТОР ШИРАЛИ

* * *

Зачем глядеться в зеркала,
когда есть лица,
в которых легче

и верней отобразиться...

Сейчас под землю вынужден уйти,
Но ждет еще минуту торжества!
... Вот выплывает, плавя сумрак,
Солнце!
И горизонт пылает,
Словно знамя.
А мой костер пылает,
Словно сердце.
И утро поднимается над нами,
Как вера в светлый разум человека!

ВЛАДИСЛАВ ШОШИН

* * *

Это ветер гулял в синеве,
Отражаясь в траве-мураве,
Это ветер гулял словно гром,
Осыпаясь в луга серебром?

Или солнце сквозило в леса,
Словно в чашах скользила лиса,
Красной лентой нырнув в озерцо,
Опалив медунице лицо?

День сверкал незабудкой лесной,
В пестрых дятлах расцветшей сосной,
День настоенным был на меду,
О котором я слов не найду...

* * *

Клевер такой,
Клевер такой —
Хочется тихо погладить рукой,
Уфтюга — светлый озерный покой
Да облака над рекой.

Кажется — юность безбрежно светла,
Церковь вдали подняла купола,
Я не хочу ее жечь и калечить,
Пусть остается бела,
Как была.

Здравствуй, задумчивость северных вод,
От городских отрешен я забот,

Только я с Севером слиться не в силах —
Город и душу берет.

Клевер такой,
Клевер такой —
Хочется тихо погладить рукой,
Уфтюга — светлый озерный покой
Да облака над рекой.

* * *

Я приеду к тебе,
Я приеду
По осеннему зову полей,
По холодному зову,
По следу
Покидающих мир журавлей.

Я приеду —
Рассвет мой, настань же,
Ослепи из-за тучи косой!

Но зачем мы не встретились раньше,
На лугах,
Не задетых росой?

День пылал —
Не отыщете краше,
Словно молнии били из глаз,
И весна словно полные чаши
Сто озер поднимала за нас.

БОРИС ЩАРИНСКИЙ

* * *

..И утром,
с первой зорькой, рано
я снова в поисках чудес.
Ищу нехоженые страны
и материк с названием «лес».
У зайца — уши,
хвост — у белки
мне удалось сейчас открыть.
Еще новинка — дождик мелкий
бежит ко мне.
Какая прить!
Ни к поезду и ни к трамваю
не мчусь, о скорости моля.
И каждый раз я открываю
в садах — сады,
в полях — поля.

* * *

Я часто ей твержу:
«Не мучь!»
Сержусь
и вроде без причины.
Как это грозно:
«Я — твой муж!»
Как это веско:
«Я — мужчина!»
Какая власть сказать:
«Пришей!»
«Согрей! Налей!» —
твердить со злобой.
Кричать и жить
легко при ней.
Вот без нее прожить
попробуй! .

ЛЮДМИЛА ЩИПАХИНА

О РАВНОДУШИИ

В каждом маленьком случае,
В каждой горе и счастье
Мир приучен к сочувствию,
Привлечен к соучастию.
Презираю спокойствие!
Выжиданье поры.
Равнодушие — свойство
Выбывать из игры.
Сколько их, отступивших
За покой и уют!
Тяжело они дышат
И легко предают.
Будто спрос на них вырос
За их неустойки.
Равнодушие — как вирус,
Поражает нестойких.
Это кража. И стража.
И подкопы под стены...
Равнодушие даже
Подлее измены!

ТОСКА ПО АРМЕНИИ

...Свистела далекая птица,
Стучали копыта коня.
...Опять мне Армения снится,
Горячим дыханьем маня.

Звенели вечерние звезды,
О чем-то бурлила река.
И трепетно нюхали воздух
Широкие ноздри быка.

И тучи летели крылато,
И солнце спешило в зенит.
И вновь расцветали гранаты
И бился поток о гранит.

И я тягочусь и тоскую,
Разлукою сердце губя.
Наверно, я слишком рискую,
Далекую землю любя?

Но пусть мне не будет покоя!
Пусть будет нескладен мой путь,
Пока не поглажу рукою
Ее каменистую грудь.

* * *

Возвратившись из дальней дороги,
Проводив за собой поезда,
Иногда — подводите итоги,
Исповедовайтесь иногда.

Это надо — чтоб выяснить точно,
Все, что чисто, и все, что порочно,
Все, что твердо, и все, что тревожно,
Все, что право, и все, что ничтожно.

Иногда, пребывая в зените,
Справедливо себя оцените.
Объективно и искренне взвесьте,
Отчего вы остались на месте?

Даже если на сердце ожоги,
Даже если вас гложет беда —
Все равно подводите итоги,
Исповедовайтесь иногда.

Не солгите себе, не польстите,
Только правдой себе отомстите
За потери, победы, года...
Исповедовайтесь иногда!

НОРА ЯВОРСКАЯ

МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ

Украли месяц наш медовый.
А кто украл? Зачем украл?
А может, он такой бедовый,
что сам из наших рук удрал?

Замешкались, не доглядели,
все рассуждали: погодим,
мы занятые, мы — при деле,
мы после этот мед съедим.

И вот он, месяц наш, на небе
янтарным парусом плывет, —
на голубом небесном хлебе
чистейший мед,
чистейший мед!

ТРОПИНКА

Тропинка, в травах пропадая,
пригелась на земной груди.
Вначале бабушка седая
мне повстречалась на пути.

Я отступила — разминуться,
она прошла, замедлив шаг...
Мне до нее — еще тянуться,
ей до меня — уже никак!

Мы оглянулись, как по знаку,
согласно, словно два крыла.
Я — посмотреть, какую стану,
она — взглянуть, какой была.

Потом навстречу мне — девчонка,
бегом, коленки заголив.
За ней струился тонко-тонко
какой-то простенький мотив.

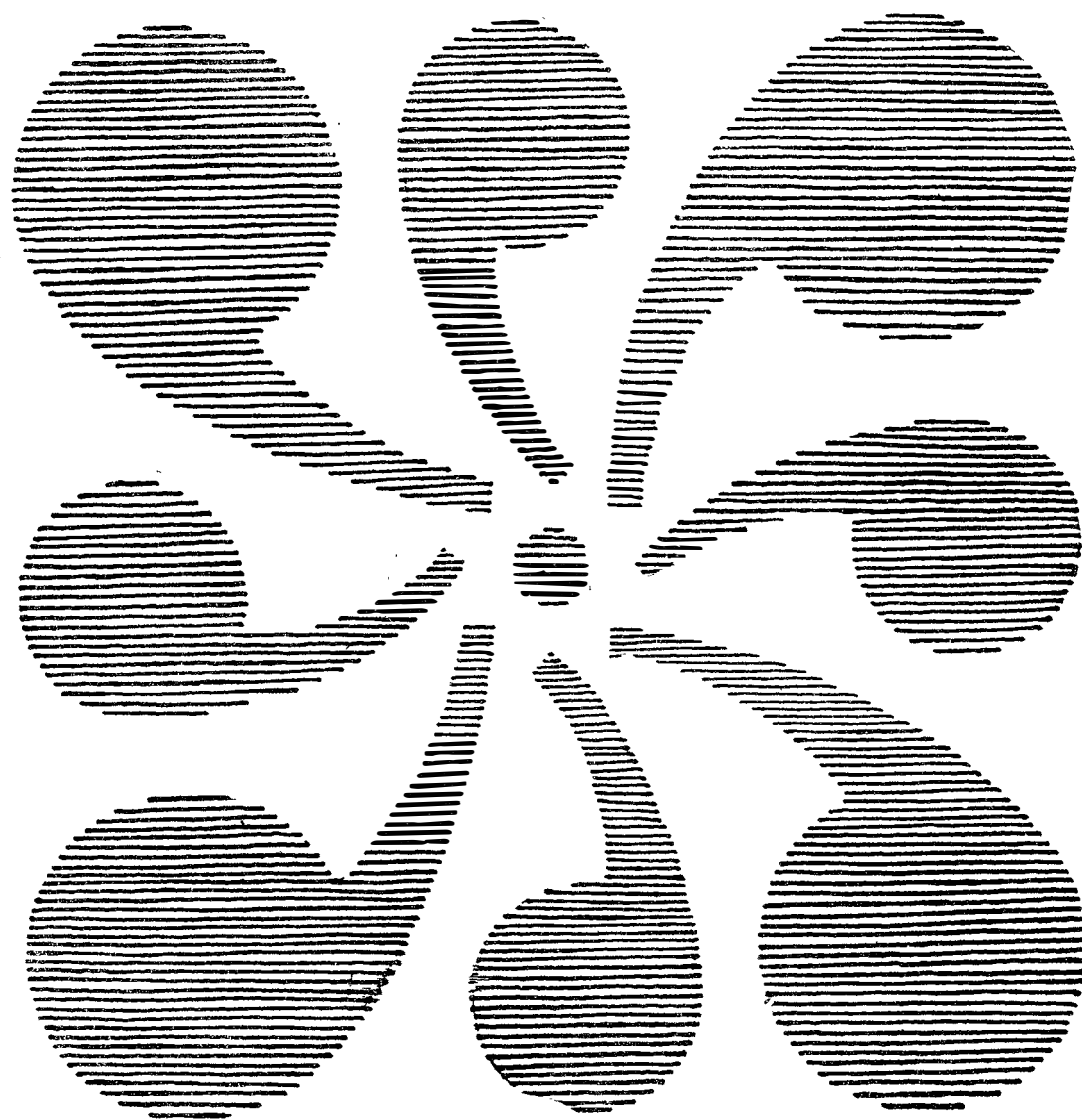
Наружу радость — как на блюде,
печаль пока что — в тайниках...

Ей до меня — еще тянуться,
мне до нее — уже никак.

Она беспечно улыбнулась,
ничуть о жизни не скорбя.
А я еще раз обернулась
на позабытую себя.

разговор о песне

В. ТОРОПЫГИН

Дорогие товарищи!

Нашей сегодняшней встречей мы обязаны редколлегии сборника «День поэзии — 68».

Как вы знаете, ежегодник «День поэзии» публикует на своих страницах новые стихи, воспоминания о поэтах, архивные материалы.

«День поэзии» стремится также быть изданием, организующим литературную жизнь. С этой целью он публикует дискуссионные материалы на актуальные темы поэтического творчества.

Такой актуальной темой сборника 1968 года редколлегия избрала песенную поэзию.

Чем обусловлен этот выбор?

Ну, естественно, прежде всего тем, что песня — жанр необходимый народу. Без нее нет того настроения, с которым люди хотят трудиться, отдыхать, любить, грустить и радоваться...

Во-вторых, потому, что за последнее время советскими композиторами и поэтами, в частности ленинградскими, создано большое число песен, полюбожившихся молодежи. И подумать, почему они полюбились, представляется целесообразным.

Третья причина тревожит. Она заключается в том, что, по мнению многих, в том числе и поэтов, наметился разрыв между музыкальным и словесным звучанием: как правило, музыкальная культура песни выше текстовой. Мне грустно говорить об этом здесь, в стенах Дома писателя имени Маяковского, но ничего не поделаешь — это так!

Наши усилия — если мы любим литературу, поэзию, слово — должны быть направлены на то, чтобы изъять тексты песен из постоянного обихода газетных фельетонистов!

А пока право издеваться над многими текстами песен они имеют полное!

Вот почему я почувствовал глубокое удовлетворение, когда узнал, что Василий Павлович Соловьев-Седой написал музыку на стихи Глеба Горбовского. В выборе композитором поэта я увидел серьезное отношение к поэзии и к нашему совместному делу вообще...

В одной из своих статей Александр Трифонович Твардовский пишет: «...строки по-настоящему поэтической песни заставляют нас иногда проносить их и просто так, когда песня уже спета, вслушиваться в их собственное словесное звучание».

Давайте сообща подумаем, как сделать так, чтобы наши песни были по-настоящему поэтическими!

А. ЧУРКИН

В последние годы непомерно развивается жанр эстрадной песни. Песня стала приобретать характер пошловатой интимности.

Песни рождаются в огромном количестве, но, как сказал Ив Монтан: «Они как бабочки, редкие доживают до утра».

Людям нужна лирическая задушевная песня, но надо, чтобы она за-

трагивала большие чувства человека и шла по всем городам и весям, а не ютилась в подворотнях и на лестничных площадках

Но голоса композиторов старшего поколения не звучат так раздольно, как прежде.

Единственно Василий Соловьев-Седой по-прежнему пишет чудесные солдатские песни, в чем ему хорошо помогают поэты С. Фогельсон и М. Матусовский («Раз-два!», «Солдат всегда солдат!»).

Говорят, что прежняя мелодика устарела. Но именно мелодичность таких песен, как «Подмосковные вечера», «Тревожная молодость», «На безымянной высоте», сделали их достоянием народа. Высоко оценены слушателями многие песни молодых композиторов А. Петрова, А. Колкера, С. Пожлакова.

Но некоторые из молодых композиторов не критически следуют западной песне, и далеко не лучшим ее эстрадным образцам. Никого не могут духовно обогатить изломанные ритмы и визгообразные, я бы не сказал мелодии, а утробные выдохи и вдохи, чуждые русскому слуху.

Все эти «оля-ля», «а-а-а», «пап-пап» повторяются до бесконечности, не неся в себе никакого смысла.

Я познакомился с рядом песен, опубликованных в различных музыкальных изданиях. Многие из этих песен имеют заслуженный успех. Например, песня на стихи Н. Малышева «Отзовись» — музыка С. Пожлакова, песня «Зависть» на стихи К. Рыжова — музыка А. Колкера, шуточная песня на стихи К. Рыжова «Вот не везет» — музыка А. Владимирцева.

К сожалению, не все песни удачные. Не касаясь музыкальной стороны, обращаю внимание только на стихи.

Например, песня «Лесенка» — слова М. Розовского и В. Панкова, музыка Ю. Саульского:

Мы приходим в новый дом,
Озираемся кругом.
Гулко ухают шаги по этажам.
Звук шагает вдоль перил,
Замирает у квартир
И опять летит вдогонку каблукам.
Лесенка, лесенка —
Клавиши-ступеньки,
Лесенка, лесенка —
Солнышко на стенках.
Лесенка, лесенка,
Множит эхо смех.
Лесенка, лесенка
Торопится наверх.

Вряд ли это скороспелое песнетворчество нуждается в особых разъяснениях. Отметим лишь, что лестницу многоэтажного дома нельзя называть «лесенкой», это — неграмотно.

В статье Л. Карпинского, опубликованной в газете «Известия», упоминается о песнях, которые он справедливо называет «зазывальными». Образец этого жанра продемонстрировала Э. Урузбаева в песне «Я ищущу человека», музыка А. Флярковского. Героиня песни «ищет человека синеглазого, среднего роста, и хотя ей «под тридцать», она обещает, что может быть, «я согрею твой ночлег и седые (?) тревоги».

Подобные вирши говорят о том, что их авторы и редакторы весьма нетребовательны и страдают отсутствием поэтического вкуса.

И очень радуется, когда поэт А. Лядов в песне «Гитара» на музыку В. Соловьева-Седого ярко и поэтично подает романтику трудовой жизни нашей молодежи:

*Раскисли проселки, мосты поразмыло,
Семь дней ждет погоды старик вертолет.
А нам — ни черта, с нами всякое было,
Он правильно, парень, поет.*

Из ленинградских поэтов хорошо работают в области песни: С. Фогельсон, Л. Куклин, Н. Глейзаров, С. Давыдов, К. Рыжов, В. Крутецкий и Н. Малышев.

Я жду от композиторов старшего поколения, таких, как Соловьев-Седой, и среднего, таких, как Андрей Петров, и от многих других новых больших песенных удач.

С. ФОГЕЛЬСОН

Песни адресуются молодежи. Старики песен не поют, а если поют, то песни своей молодости. Поэтому авторам, создающим новые песни, важно понять — чем дышит сегодня молодежь, какие песни ей нужны.

Подавляющее большинство советской молодежи работает и учится, строит свои семьи, едет по путевкам комсомола на новостройки, осваивает новые профессии, живет еще нередко в нелегких условиях. Этому подавляющему большинству молодежи, с моей точки зрения, нужны песни, дающие заряд бодрости для жизни и борьбы, песни лирические, раскрывающие силу и чистоту настоящей любви, песни, наполненные гордостью за дела своих отцов, песни, прославляющие Родину, свой родной город, село, песни о дружбе, проверенной в трудных испытаниях.

Здесь я хотел бы особо остановиться на проваганде песни. Мне кажется, что раньше был строже отбор публикуемых песен, да и количество их было меньше. Сейчас сочинение песен стало «массовым движением». Это было бы само по себе отраднее, если бы эти новые песни поднимали новые важные темы. Но беда в том, что эти самостоятельные песни, а точнее сказать «песенки», в подавляющем большинстве не несут ни больших мыслей, ни больших чувств, а музыка в них находится просто на очень низком уровне. Все это больше «разговоры под гитару», чем мелодия, гармония, настоящая музыка. В подтверждение этой мысли я могу сказать, что раньше мы, поэты, с трудом укладывались в три — четыре куплета песни, чтобы выразить нужное нам содержание. Теперь же многие песни состоят всего из двух куплетов, — больше не о чем сказать автору, да и эти два куплета часто на редкость бедны по мысли.

Не случайно, очевидно (об этом очень верно сказал Александр Дмитриевич Чуркин), стало системой включение в песню просто бессловесной звукописи: «Па-ба-ра, па-ба-ра», «тум-таб, тум-таб», «ля-ля-ля», «та-ру-рам, та-ру-рам», или просто свист. Поток подобных песен оказывает плохую услугу делу эстетического воспитания молодежи.

Вообще, что касается «потока», то это слово сейчас довольно точно отражает картину производства песен. Недавно радиостанция «Юность»

не без гордости сообщила, что ею выпущено за год 1000 новых песен, то есть три песни каждый день! А если к этому добавить радиопередачи «С добрым утром», «До-ре-ми-фа-соль», «Добрый вечер», «Опять 25», телепередачи «Горизонт», «Для тех, кто остался дома», «13 стульев», которые также «выбрасывают» на песенный рынок немало продукции, да к этому добавить специальные фестивали и, наконец, эстраду, на которой сейчас сотни «микрофонных» певцов и певиц, каждый со своим квинтетом или квинтетом, ежедневно поют какие-то «свои» песни, то придется невольно признать, что количество это становится угрожающим.

Понятно, что при таком «валовом» производстве большая часть песен — это, так сказать, однодневки, не поднимающие никаких важных, трогательных всех тем и остающиеся в пределах «а у нас во дворе». Причем тут виноваты и поэты и композиторы, но главным образом те, кто занимается пропагандой песни.

Конечно, есть у нас хорошие и просто отличные песни, с интересной музыкой, с большим внутренним содержанием, с настоящей поэтичностью, и, кстати, они и живут долго, и становятся, выражаясь модным термином, «шлягерами». Достаточно вспомнить такие песни, как «Голубые города», «На безымянной высоте», «Город детства» и другие. Но они просто тонут в море бесчисленных «опусов», далеких от подлинного искусства.

К примеру, телестанция «Горизонт» популяризирует песню о смеющихся львах. В песне этой мелодраматическая история о том, как «мы с тобой встречались у Невы, там, где смеялись (?) гривастые львы», — а потом эти же львы видят, что «ты встречаешься не только со мной...» Не правда ли, оригинальная тема? Или в песне главным является какая-нибудь поговорка, а кроме нее ничего нет, к поговорке кое-как пристегнут текст — «Не было печали-чали-чали», «Кто-то теряет, а кто-то находит», «После радостей — неприятности по теории вероятности» и т. д. и т. п. Ужасно и когда композитор на очень напряженные стихи Инны Кашежевой «Атомный век» пишет легковесную танцевальную музыку, превращая одну из важнейших тем современности в этакий пустячок в ритме «шейка»...

В заключение хочу вернуться к тому, с чего начал свое выступление. Песни — адресуются к молодежи, а она при нашем участии, или, если хотите, безучастности, получает ежедневно такую мощную прививку дурного вкуса, что ей скоро будет уже трудно доказать, «что такое хорошо и что такое плохо»

Л. КУКЛИН

Меня каждый раз преследует одна и та же фраза: «Песня всегда отстает». Однако когда находишься в электричке, в любом поезде понимаешь, что песня существует, что песен много и среди них есть по-настоящему хорошие.

По справочникам Союза писателей, в нем состоит около двух тысяч поэтов, профессиональных стихотворцев. Занимаются песней не более тридцати человек. Это говорит о том, что песня — особый жанр поэзии и не всем она дается. Написать хорошую песню — это трудное дело. Но, видимо, не для всех. Наверно, ничего не стоит Михаилу Рябинину сочи-

нить такие вирши: «Идем с дружкой по улице... Поток машин сверкающих, друг друга обгоняющих...» Этот текст легко положили на музыку. Но с такой же легкостью его и забудут.

Я боюсь, что в сфере распространения песен сталкиваются психологически весьма различные вкусы людей, отсюда и проистекает подобное безобразие.

Тютчев сказал, что «нам не дано предугадать, как наше слово отзовется». Это правильно. Я не мог бы дать рецепта, как в том или ином случае поступать. Песня может стать народной только с помощью народа.

Н. ГЛЕЙЗАРОВ

Я понимаю выступления А. Чуркина, С. Фогельсона, Л. Куклина. То, что делается с нашей песней, это очень интересный и серьезный вопрос.

Сейчас у нас шестидесятые годы с их особыми ритмами. Люди молодые особенно чутки к этим ритмам, в которых — победная поступь нашего века, его вкусы и тревоги.

Я недавно был в Новгороде, где принимал участие в создании программы для ансамбля «Садко». Вся деятельность этого новгородского ансамбля была пронизана гордостью за новгородскую землю с ее великими памятниками.

После одного из концертов, где исполнялись чудесные русские песни, участники ансамбля собрались в ресторане. Здесь они стали танцевать твист и другие современные танцы. Я понимаю, что это привнесено модой, но в то же время это и какая-то потребность в новых музыкальных ритмах нашего времени. . .

А. ГОРОДНИЦКИЙ

Когда мы говорим о проблеме современной песни, мы часто ошибочно думаем, что проблема сводится к подлаживанию стихов под современные танцевальные ритмы. Вчера это был «рок-н-ролл», сегодня «твист» и «шейк», завтра — еще что-нибудь. Главное не в этом.

Русская песенная поэзия имеет свои ритмические традиции, и многие песни, поднимающие самые драматические и актуальные вопросы, как правило, достаточно напевны и просты. А ведь двадцатый век — это не только век «рок-н-ролла», мини-юбок и светящегося неона. Это век великих революций, великого противоборства противостоящих друг другу сил. Песни должны быть прежде всего об этом. Ведь в двадцатом веке созданы такие замечательные песни, как «Бьется в тесной печурке огонь» и «Священная война».

Нужно решительно отказаться от песенно-танцевальной банальности, обильно пропагандируемой многочисленными радиопрограммами. Это не имеет ничего общего с поэзией.

Мне приходится много ездить по стране, и я могу сказать, что убого-примитивные песни молодежь в основном не поет. Более того, наблюдается тяга к песням на настоящие стихи. Возьмите, например, прекрасную песню на стихи М. Светлова «Гренада», мелодии на стихи других хороших поэтов.

Что касается «самодеятельной» песни, то и здесь необходим строгий отбор. Недавний массовый конкурс показал, что, к сожалению, сейчас хлынул поток серых, так называемых туристских песен, бездарных и по стихам и по музыке. Главное для хорошей песни — хорошие стихи.

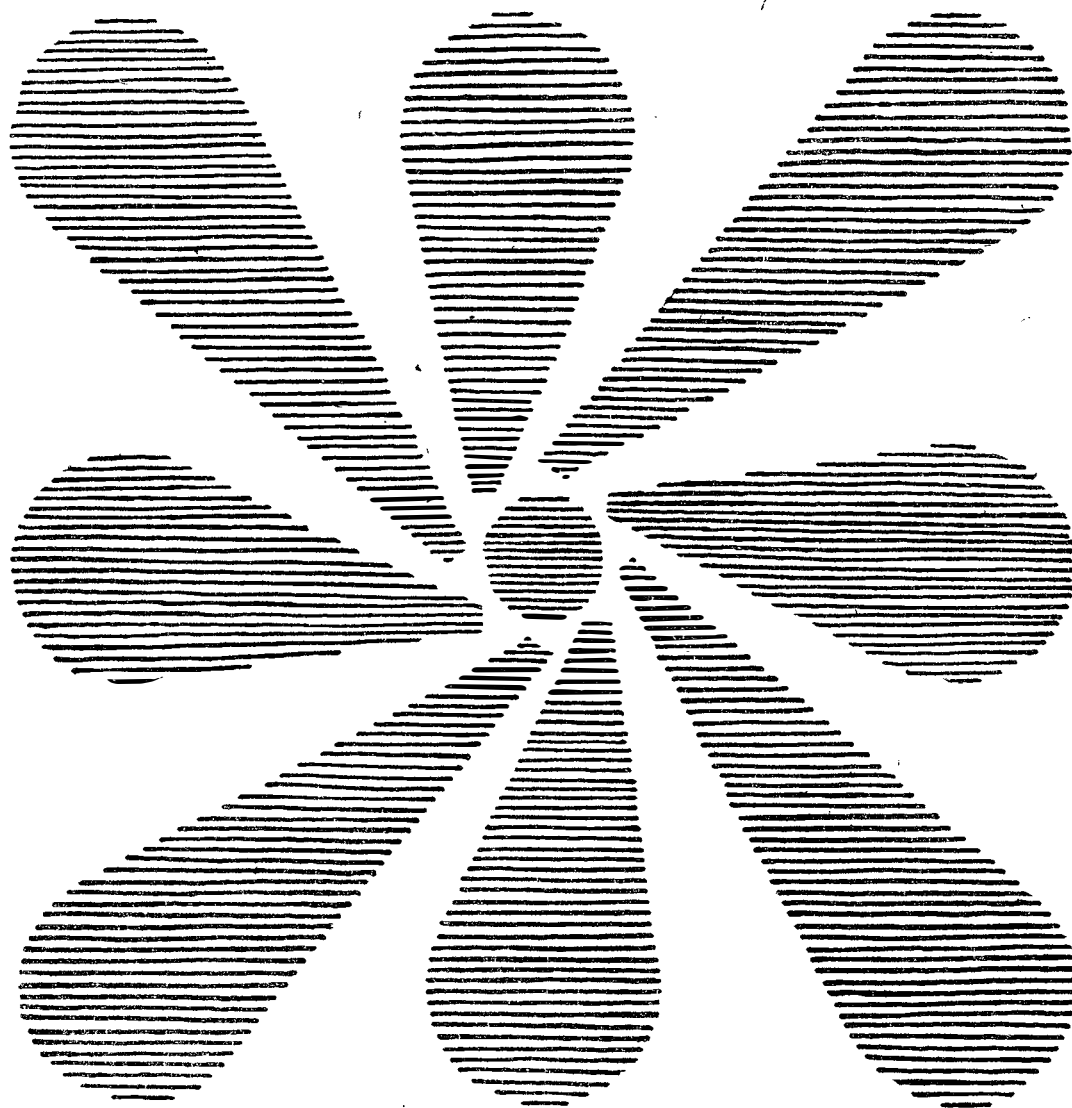
В заключение хочется пожелать А. Колкеру, Я. Френкелю и другим композиторам более требовательно относиться к стихам, которые они выбирают для песен, так как, когда они пишут хорошую музыку на плохие стихи, они уподобляются фармацевтам, обволакивающим касторку в желатиновую капсулу.

Н. МАЛЫШЕВ

Я согласен с тем, что говорил А. Городницкий в отношении профессиональной и непрофессиональной песни. Очевидно, непрофессиональная — это плохая песня. Я тоже присутствовал на конкурсе туристской песни. То, что демонстрировалось там, было неинтересно слушать. Как можно было вынести на большое обсуждение все эти вещи?

Я недавно вернулся из Тикси. Это в двенадцати тысячах километров от Ленинграда. Там нет ни композиторов, ни поэтов. К местным жителям современные песни доходят по радио. Как важно, чтобы песни, которые они слышали, были настоящей поэзией!

наши публикации

АННА АХМАТОВА

ОДИННАДЦАТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

1

Приходи на меня посмотреть.
Приходи. Я живая. Мне больно.
Этих рук никому не согреть,
Эти губы сказали: «Довольно!»

Каждый вечер подносят к окну
Мое кресло. Я вижу дороги.
О, тебя ли, тебя ль упрекну
За последнюю горечь тревоги!

Не боюсь на земле ничего,
В задыханьях тяжелых бледнея.
Только ночи страшны оттого,
Что глаза твои вижу во сне я.

<Октябрь, 1912>

2

Ничего не скажу, ничего не открою.
Буду молча смотреть, наклонившись, в окно.
Как-то раз и меня повели к аналою,
С кем — не знаю. Не помню, — давно...

Из окна моего вижу красные трубы,
А над трубами — легкий клубящийся дым.
Но глаза я закрою. И нежные губы
Прикоснулись к ресницам моим.

То не сон, утешитель тревоги влюбленной,
И не тихий привет ветерка...
Это — ранивший душу взглянул напряженно,
Так ли рана, как прежде, ярка.

<1913>

Я видел поле после града
И зачумленные стада.
Я видел грозди винограда,
Когда настали холода.

Еще я помню, как виденье,
Степной пожар в ночной тиши...
Не страшно мне опустошенье
Твоей замученной души.

Так много нищих. Будь же
нищей —
Открой бесслезные глаза.
Да озарит мое жилище
Их неживая бирюза!

<Май 1913>

4

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

О, спутник мой неосторожный,
Мой друг ревнивый и тревожный,
Ты не пришел за мной сюда.
Сентябрь, печаль и холода,
А возвращенье невозможно
В таинственные города.
Их два, — один другому равен
Суровой красотой своей
И памятью священной славы.
Улыбкой освящен тобой,
Несносен ты и своенравен,
Но почему-то всех милей.
Мне нестерпимо здесь томиться,
По четкам костяным молиться
И точно знать, что на обед
Ко мне придет мой сосед.
Подумай: день идет за днем,
Снег выпал, к вечеру растает,
И за последним журавлем

Моя надежда улетает.
К моей тоске сосед приучен,
И часто сам вздыхает он:
«Простите, грустен я и скучен».
А в самом деле он влюблен.
В саду под шум берез карельских
О днях мечтаю царскосельских,
О долгих спорах, о стихах
И о пленительных губах.
Но чувствую у локтя руку
Ведущего меня домой
И снова слышу, что со мной
Нельзя перенести разлуку;
Какою страшною виной
Я заслужила эту скуку.
Когда камин в гостиной топят
И гость мой стройный не торопит
Свою коляску подавать,
А словно что-то вспоминая,
Глядит на пламя, не мигая,
И я люблю припоминать...
Уже, друзья, мою божницу
Устали видеть вы пустой,
И каждый новую царицу
Подводит к двери золотой.
А ты, конечно, всех проворней,
Твоя избранница покорней
Других; и скоро фимиам
Волной прильнет к ее ногам...
Тогда припомни час единый,
Вечерний удаленный час,
И крик печали лебединой,
И взор моих прощальных глаз.
Мне больше ничего не надо —
Мне это верная отрада.

Осень 1913
Слепнево

5

И жар по вечерам, и утром вялость,
И губ растрескавшихся вкус кровавый.
Так вот она — последняя усталость,
Так вот оно — преддверье царства славы.

Гляжу весь день из круглого окошка:
Белеет потеплевшая ограда,
И лебедю заросла дорожка,
А мне б идти по ней — такая радость.

Чтобы песок хрустел, и лапы елок —
И черные и влажные — шуршали,
Чтоб месяца бесформенный осколок
Опять увидеть в голубом канале.

Декабрь 1913

6

〈 ТАМАРЕ КАРСАВИНОЙ 〉

Как песню, слагаешь ты легкий танец, —
О славе он нам сказал.
На бледных щеках розовеет румянец,
Темней и темней глаза.

И с каждой минутой все больше пленных,
Забывших свое бытие,
И клонится снова в звуках блаженных
Гибкое тело твое.

<Март 1914>

7

Я любимого нигде не встретила:
Столько стран прошла напрасно.
И, вернувшись, я Отцу ответила:
«Да, Отец! — твоя земля прекрасна.

Нежило мне тело море синее,
Звонко, звонко пели птицы томные.
А в родной стране от ласки инея
Поседали сразу косы темные.

Там в глухих скитах монахи молятся
Длинными молитвами, искусными...
Знаю я: когда земля расколется,
Поглядишь ты вниз очами грустными.

Я завет твой, господи, исполнила,
И на зов твой радостно ответила,
На твоей земле я все запомнила
И любимого нигде не встретила».

<Март 1914>

8

БЕЛАЯ НОЧЬ

Небо бело страшной белизною,
А земля — как уголь и гранит.
Под иссохшей этою луною
Ничего уже не заблестит.

Женский голос, хриплый и задорный,
Не поет — кричит, кричит.
Надо мною близко тополь черный
Ни одним листком не шелестит.

Для того ль тебя я целовала,
Для того ли мучилась, любя,
Чтоб теперь спокойно и устало
С отвращеньем вспоминать тебя?

<Июль 1914>

9

Вечерний звон у стен монастыря,
Как некий благовест самой природы...
И бледный лик в померкнувшие воды
Склоняет сизокрылая заря.

Над дальним лугом белые челны
Нездешние сопровождают тени...
Час горьких дум, о, час разуверений
При свете возникающей луны!

<Декабрь 1914>

10

Цветы, холодные от рос
И близкой осени дыханья,
Я рву для пышных, жарких кос,
Еще не знавших увяданья.

В их ночи душно-смоляной,
Повитой сладостною тайной,
Они надышатся весной
Ее красы необычайной.

Но в вихре звуков и огней,
С главы сияющей порхая,
Они падут — и перед ней
Умрут, едва благоухая...

И движим верною тоской,
Их уследит мой взор покорный, —
Благоговеющей рукой
Сберет любовь их прах тлетворный.

<Декабрь 1914>

Вечер тот казни достоин,
С ним я не справлюсь никак.
Будь совершенно спокоен —
Ты ведь мужчина и враг, —

Тот, что молиться мешает,
Муке не хочет помочь,
Тот, что твой сон нарушает,
Тихая, каждую ночь.

Ты ль не корил маловерных,
И обличал, и учил!

Ты ли от всякия скверны
Избавить тебя не молил!

Сам я не знаю, что́ случилось —
К гибели, что ли, иду?
Ведь как ребенок металась
Передо мною в бреду.

Выпил я светлые капли
С глаз ее — слезы стыда:
Верно, от них и ослабли
Руки твои навсегда.

<Июнь 1922>

Ни одно из этих одиннадцати стихотворений не входило ни в один из сборников Анны Ахматовой. Стихотворения извлечены из следующих изданий: «Нива», 1912, № 44; «Литературные приложения» к «Ниве», 1913, т. 2; «Заветы», 1913, № 5; «Скрижаль», Сборник первый, П., 1918; «Тамаре Платоновне Карсавиной — Бродячая собака. 26 марта 1914 года»; «Ежемесячный журнал», 1914, №№ 2, 3, 7 и 12; «Москва», 1922, № 6.

Вл. Орлов

МИХАИЛ БЕРНОВИЧ

Прошел год, как умер ленинградский поэт Михаил Бернович, поэт негромкого голоса, но пронзительной искренности слова.

Михаил Петрович долгое время, до самой смерти, работал секретарем литературной консультации в Ленинградском отделении Союза писателей. Сотни людей приходили к нему за советом, с просьбой о помощи в их литературных начинаниях, и для большинства из них, если только он чувствовал «искру божью», у него находилось слово одобрения, добрый совет литератора.

За 27 лет литературной деятельности М. П. Бернович выпустил одну тоненькую книжку стихов («Зеленый свет», 1960 г.) не потому, что ему нечего было публиковать, а потому, что он чрезвычайно требовательно относился к каждому своему слову. Тому пример — бесчисленное множество черновиков, с которыми пришлось столкнуться при разборе его литературного архива.

Мы предлагаем вниманию читателей три стихотворения, ранее не публиковавшихся. Они войдут в посмертный сборник стихов Михаила Берновича, который готовится к печати.

А. Ожерблом

* * *

На столе белеет страница.
Нет, еще не страница, а лист бумаги.
Что же будет на ней
Через час,
Через несколько дней?
Зверь пройдет,
Пролетит краснокрылая птица,
А быть может, ручьи
С визгом бросятся с поля в овраги...
Я пока что неясные знаки
Черчу на бумаге...

* * *

Жара.
Воскресенье.
Май на исходе.
Лоснятся ленивые баржи-киты.
На берег Свяги
Выходит Володя,
Как звезды
Горят под ногами цветы.
Здесь травы пахучи,
И воздух особый,
Кустарник слегка раздвигая рукой,
Кудрявый, как Пушкин,
Крепыш большелобый
Впервые
Идет незнакомой тропой.

Ему не сидится —
Вся радость в движении,
В прыжках через яму,
В бросаньи камней.
И если
Отбросить земли притяженье,
Как птица
Летел бы Володя над ней.
Казалось,
Идет он тропинкою сказок,
Где сонные совы
И филина смех.
Где путь по болоту мучительно вязок,
Где лебедь
Роняет नेताющий снег.

Как будто
Идет он тропинкою бора,
И вот —
Расступается медленно бор.

Мелькнула вдали борода Черномора,
И снова
Куда-то пропал Черномор.

Но это мечта.
День весенний в разгаре,
Поет реполов над его головой,
Не тот ли,
Что куплен вчера на базаре
И выпущен снова
В простор голубой...

Уже вечереет.
Ни пыли, ни шума,
В саду соловьиная песня сильна.
Над Волгой из туч,
Как из темного трюма,
Выходит,
В воде отражаясь, луна.

А дом далеко,
Он торопится к дому
От лунного луга и тихой воды.
И мчатся за ним
По песку золотому
Еще неизвестные миру следы.

* * *

Я иду с Корниловым Борисом,
Земляки повсюду —
Потому
Солнечной малиной,
Барбарисом
Машут палисадники ему.

Ни тоски, ни боли, ни тревоги...
Песня начинается опять.
Он идет по Керженской дороге,
Я его не вправе удержать.

Он уходит от бывшего лиха,
Навсегда,
На миллионы дней.
И летит навстречу соловьях,
Молодые соловьи за ней!

1950—1965

СЕРГЕЙ ДАГАЕВ

Сергей Михайлович Дагаев родился 25 июля 1910 года в семье учителя русского языка в городе Риге. Первая мировая война заставила семью перебраться в город Рыльск бывшей Курской губернии. Больше Сергей Дагаев не вернулся в Ригу, но воспоминания о море жили в его сердце, и даже любовь к лесу, к охоте, родившаяся в дни юности, не могла заглушить их. Осенью 1929 года он приезжает в Ленинград со страстным мечтанием — связать свою жизнь с морем, стать моряком.

И когда его не зачисляют в университет «за неимением мест», он нанимается юнгой на парусное судно каботажного плавания. Зная с детства английский язык, в 1930—1931 годах учится на курсах гитов и, окончив курсы, работает преподавателем английского языка в Военно-морском училище им. Фрунзе. С тех пор он каждое лето проводит в учебном плавании на кораблях Балтийского и Черного морей. Работая преподавателем в морских учебных заведениях, он усиленно занимается изучением современной советской литературы, пишет стихи, и их охотно печатают в журналах.

Ощущение мира во всей его сложности, умение видеть и чувствовать людей и природу не глазами случайного наблюдателя, а современника, соучастника происходящего переустройства страны и человека живо присутствует в стихах Дагаева.

Николай Тихонов

ЗВЕРИНЫЙ АПРЕЛЬ

Апрель приходит нежданный,
Босой, неустойчивый, юный,
Ступая на почки каштанов
Ночью глубококолуной.

Сквозь желтые зубы хвои
Свистит беззаботный ветер,
И лесом понурим по двое
Проходят звериные дети.

Проходят и прячутся в чаще,
В зеленых сырых корнях,

Глазами своими горящими
Едва взглянув на меня.

Для них я чужой и жуткий,
И я выхожу на поля,
Где лунные промежутки
Ложатся под тополя.

Где вдоль по дороге провод,
Блестящий как женский волос,
Проносит к вокзалам суровый
Высокопротянутый голос.

1935

МИХАИЛ ИРИНИН

Это было тридцать восемь лет тому назад.

В Доме книги, по всей вероятности в 1930 году, я и познакомился с даровитым, к тому времени уже довольно известным писателем Михаилом Ирининым.

Он родился в 1908 году в селе Рождествено Старицкого района Калининской области. Настоящая его фамилия была Журавлев. Ирининым он назывался по имени матери, Ирины Михайловны, которую горячо любил.

Окончил Иринин только сельскую школу. Остальное брал самообразованием. Работая на Балтийском заводе клепальщиком, он жадно учился, читал ночами. Это обыкновение осталось у него и в те годы, когда мы с ним познакомимся и подружился.

Большое влияние на формирование творчества молодого Иринина оказал, как рассказала мне недавно жена М. Иринина Валентина Васильевна Астахова, его первый литературный наставник талантливый педагог Емельян Серафимович Ярмагаев. Их познакомил товарищ Иринина, композитор Иванишин.

Многим из нас, начинавшим печататься в Ленинграде в те годы, в том числе, верно, и Иринину, помогла литературная студия журнала «Резец» и ее руководитель, поэт и теоретик Алексей Петрович Крайский.

Иринин в какие-то несколько лет сумел сделать очень многое.

В 1930 году он сдал в издательство художественной литературы свою, отмеченную своеобразным талантом, книгу стихов «Земля».

Иринин рано ушел из жизни, и творчество его стало забываться. Однако несомненный интерес представляет и проза Иринина, его повести «Поперек поля» и «Летопись Микулина городища», роман «Бунт на коленях», пришедшие к читателю в начале 30-х годов.

Когда-то на своем поэтическом сборнике он написал мне:

*Пока еще не заржавели жилы,
Не стала кровь усталой и прохладной,
Как кипятки на станциях пустынных,
Дарю тебе вот этот скромный вексель,
За дружбу, за любовь, за все, что было,
Коль буду жив, быть может, расплачусь.*

Слово, адресованное мне Михаилом Степановичем Ирининым, в равной, а быть может, и в большей степени я мог бы адресовать от своего имени ему.

Всеволод Азаров

БАГРИЦКИЙ

Весна, которая и жжет и губит,
С кровати поднимает до зари.
Весна меня целует прямо в губы,
Весна в березовый играет бубен,
На тростниковых дудках говорит.

Коль почка лопается, как петарда,
Под утро ж ночь,
Как заговор, тиха,
И поневоле вспомнишь Эдуарда,
Неровный ритм
Тяжелого стиха.
Любил он тмином пахнувший туман,
В свирепый полдень
Видеть море голым,
Метафору, сводящую с ума,
И вдохновенья малярный холод.

Но были песни,
Как припадок астмы,
Как будто рот забит землей,
Когда простой, в полоску, синий галстук
Грозил смертельной стать петлей.
Как кони, ржут постельные пружины,
Пот, как поддельный жемчуг на лице,
И застекленный,
Со стены Дзержинский
С ним разговаривал о ТВС...
Романтика!
И подвиг, и мечты!
Сильней его
Не воспевали люди
И кровь, и хлеб,
И хищные цветы,
И небо цвета голубиной груди.

Последний час,
Как судно, вмерзший в льды.
Озноб и жар
В пустыне смерти голой.
Поэт-романтик умер молодым
В том возрасте, как и товарищ Коган.

ПЕЧЕНЕГИ

Александр Чуркин

Поле вповоль. Кости на привалах,
Медный шелест черствых медуниц,
Это наше небо полыхало
Азиатской росписью зарниц.

Где оно, бывшее перепутье?
Ночь дикарка, колотый стожар...

Неспроста мне в каменном закуте
Часто снятся ножны без ножа.

Скрытая, просторная поляна,
Чужаку здесь разом карачуң.
До утра делили полонянок,
Лошадей, попону и парчу.

Рысьи шапки. Жилистые руки
Любят править придурным конем,
Тяжело изогнутые луки,
Скулы не разрубишь топором.

Спор погашен. Наземь жребий брошен.
Возле груди сваленных попон
Самую откормленную лошадь
Уложил изогнутый топор.

Крепче браги дымная конина,
В жилах бродит лошадиный бег.
Вынутаго сердца половину
Отрывает старый печенег.

Он уходит на свою стоянку,
Он куски глотает на ходу
И несет стыдливой полонянке
Трепетную, теплую еду.

Пили, ели, окровавив губы,
Ночь на убыль, и перед концом

До отказа рассыпает бубен
Пригоршни монгольских бубенцов.

Ладили, вязали, запрягали
На Владимир, Киев и Волынь,
Догоняли, так и не догнали
Теплые ковыльные валы.

Мы ведь тоже по степным куртинам,
Ни себя, ни друга не щадя,
Вешним часом, с радости, с кручины ль
Целовали ноздри лошадям.

И теперь землей пропахший пахарь,
С плугом выезжая за село,
Выпашет истлевшую папаху,
Пулями пробитое седло.

Выпашет и вспомнит, как, бывало,
Под грозовый шелест медуниц
Кони ржали,
Небо полыхало
Азиатской росписью зарниц.

НАТАЛИЯ КРАНДИЕВСКАЯ-ТОЛСТАЯ

Наталья Васильевна Толстая-Крандиевская родилась в 1888 году в Москве.

Мать поэтессы — Анастасия Романовна Крандиевская, известная в свое время писательница, — была первой женщиной, спустившейся в угольные шахты; потрясенная виденным, она написала рассказ «Только час», описывавший страшные условия труда шахтеров в прошлом веке. Переведенный на несколько языков и изданный в ряде стран, этот рассказ сблизил писательницу со многими деятелями рабочего движения. Отец поэтессы — Василий Афанасьевич Крандиевский, литератор, издавал и редактировал «Бюллетени литературы и жизни», дававшие весьма полный обзор и комментарии всей русской литературы и публицистики начала века. Сестра поэтессы — Надежда Крандиевская — была скульптором (ее сын и ученик — один из крупнейших советских скульпторов, безвременно скончавшийся Андрей Файдыш-Крандиевский); брат Всеволод был художником. Семья Крандиевских была одним из очагов литературно-художественной жизни старой Москвы; близкими друзьями семьи были Горький, Бунин, Бальмонт. В начале 900-х годов Крандиевские добровольно разделили политическую ссылку с их ближайшим другом — издателем «крамольной» литературы, помощником Максима Горького — Сергеем Скирмунтом, отправившись с ним в Олонецкую губернию.

Н. В. Толстая-Крандиевская начала печататься как поэтесса очень рано — с двенадцати лет. Человеком, направившим ее на этот путь, был И. А. Бунин. В 1913, 1919 и 1922 годах выходили книги ее стихов (последний сборник — «От лукавого»). С 1914 по

ПИСЬМО

А. П. Остроумовой-Лебедевой

I

При встрече с вами память привела
Тридцатилетней давности дела.
День петербургский, серенький такой,
Струится дождь по стеклам мастерской,

И вы, соседка по мольберту, рядом,
Палитрой заслоняя мне окно,
Откинулись, окидывая взглядом
Мазок, положенный на полотно.

На животе натурщицы в то утро —
Вы помните? — всей гаммой перламутра
Светилась кожа, и такой она
В этюде вашем запечатлена.

II

Вы молоды еще. Но каждый вернисаж
В салонах «Мир искусства» — праздник ваш.
Бакст, Сомов, Бенуа, — мы рядом с ними
В каталогах встречали ваше имя.

И, помнится, не я одна тогда,
Соседством с вами в студии горда,
Не понимала: вы, гравер и мастер,
Зачем вы здесь? И неужели в Баксте
Нуждается ваш изощренный глаз?

Как мы тогда не понимали вас!
Теперь мы знаем: суждено учиться
Художнику всегда. Таким уж он родится.
Таким и был прилежный ваш талант,
Природы вдохновенный лаборант.

III

Бежали годы. В детскосельском парке
Другая встреча с вами. Полдень жаркий.
Благоухает скошенное сено.
Чугунная скамья. Альбомчик неизменный

У вас в руках. Я к вам не подошла.
Кругом такая тишина была,
В какой беседуют с природою творцы,
В какой рождаются искусства образцы.

Свернув с пути, я на «Большой каприз»
Вбежала, помню, поглядела вниз
И видела серебряные ивы,
Которые вы кистью торопливой,

Разливами воздушной акварели
В альбоме в этот день запечатлели.
Да! Вы из тех, кому судьбою дан
С природою пожизненный роман.

Вот почему так не хотелось мне
Мешать свиданью с ней наедине.
Я шла и думала о том, как вы богаты,
Как защищают вас искусства латы

От суеты, от лести, от ударов,
От страсти сокрушительных пожаров,
И, завистью томимая и грустью,
Сама тянулась к творческому устью.

IV

Когда глядишь на эти сочетанья
Сугробов с охрой каменного зданья,
На пепел облаков, пересеченный
Береговой, ростральной колонной,

На кружево оград под кущами дерев,
На камень у воды, где лапу поднял лев, —
В цветной гравюре, взятой наугад,
Ты узнаешь: да, это Ленинград.

Как он угадан в белизне и черни
Гравюры вашей! Нежностью дочерней
Рисунок линий строгих отоплен.
И классика и жизнь. Такой нам дорог он.

V

И здесь, художница, мне суждено вас встретить
В год потрясений, в сорок третий
Суровый год геройства и побед.
Блокады прорванной еще дымится след.

Еще свежи под ледяною пленкой
Фугасных бомб зловещие воронки.
Они — как раны в снежной белизне
На Выборгской зияют стороне.

Сидим и друг на друга смотрим мы.
Ищу следов мучительной зимы,
Я вижу их. Но все ж крепка природа
В закале страшного, сорок второго года!

След на руках. Вот так, до синевы
Они у нас надолго промерзали,
Когда зубец пилы мы в них вонзали,
Когда тащили ведра из Невы.

Смотрю гравюры. Перечень трудов,
За этот год исполненных, читаю.
Я вашу жизнь геройством называю,
Других не подбирая слов.

Вы улыбаетесь: «Геройство? Почему?
Не понимаю. Проще и точнее:
Верна самой себе, искусству своему
И городу. Иначе — не умею.
Иначе — смерть, подорванные корни».

И в комнате становится просторней
От этих слов, и дышится легко.
Художница! Как просто, глубоко
Определили вы и подвиг этой жизни,
И смысл искусства, верного Отчизне.

Три верности! Себе, ему и ей —
Бессмертной Родине, истоку наших дней.
Три верности! Мы их соединим
В одну — великую, и с нею победим!

1943

ИЗ ЦИКЛА «ПАМЯТИ А. Н. ТОЛСТОГО»

(1945—1946)

* * *

Торжественна и тяжела
Плита, придавившая плоско
Могилу твою, а была
Обещана сердцу березка.

К ней, к вечно зеленой вдали,
Шли в ногу мы долго и дружно, —
Ты помнишь? И вот — не дошли.
Но плакать об этом не нужно.

Ведь жизнь мудрена, и труды
Предвижу немалые внукам:
Распутать и наши следы
В хождениях вечных по мукам.

ИЗ ЦИКЛА «КОГДА ВИДЕН БЕРЕГ»

* * *

Не только к юным муза благосклонна,
И к старикам она благоволит,
Об этом нам былое говорит.
Старик Гомер, не ею ль вдохновленный,
Гекзаметры бессмертные слагал?
И в час, когда старинный Веймар спал,
Не ей ли Гете в тишине внимал,
Над рукописью «Фауста» склоненный?

Иные дни, иные времена.
Но ни на миг не прервана она,
Поэзии живая эстафета.
У стариков традиция сильна, —
Рокочут соловьи седого Фета.
И пусть порой, по прихоти поэта,
Чужая, Оссианова луна
В отеческих прудах отражена, —
Романтикам простительно и это!
А Тютчев? А в скудеющей крови
Последнего порыва иступленность,
И вдохновенье чувств, и обреченность
В элегиях о старческой любви? ..

*Хутор Адамово,
август 1954*

МИХАИЛ КУЗМИН

«Поэтов, как Вы, на свете сейчас немного. . .
Как это чудесно, что, когда все мы уйдем,
родятся новые люди, и для них опять за-
звучат ваши «Александрийские песни». . . те
самые, которые омывали и пропитывали и
жгли солью музыкальных волн души многих
из нас. . .»

*А. Блок. Из «Юбилейного приветствия
М. Кузмину».*

Два художника изобразили поэта на полотне: У первого он в костюме строгого покроя, стоит у старинного стула, заложив руки за спину, огромные «византийские» глаза смотрят испытующе и строго, ровно положенные половицы под его ногами уходят куда-то вдаль, в смутно набросанный северный пейзаж, море, Россию. У второго — покрой платья намеренно небрежен и изящен, те же глаза с выпуклыми, тяжелыми веками томно прищурены, редкие пряди волос прихотливо уложены на немного запро-

кинутой голове, поза отдает манерностью. Два портрета, два человека. Первый портрет написан А. Головиным, второй — К. Сомовым. Оба художника как нельзя лучше запечатлели две полярные половинки одной человеческой души.

В литературу Михаил Кузмин пришел поздно, тридцатилетним композитором, учеником Лядова и Римского-Корсакова, пришел от музыки. Его поэтические пробы во многом поддерживались Г. В. Чичериным, гимназическим однокашником, близким другом Кузмина, ставшим позднее народным комиссаром иностранных дел. Первые тринадцать сонетов в «Зеленом сборнике» (1905 г.) отметил А. Блок. Потом В. Брюсов пригласил дебютанта сотрудничать в «Весах», и за пять-шесть лет Кузмин сумел занять одно из приметных литературных мест. Писались стихи, повести, рассказы, комедии, балеты, пасторали, романсы, песенки. Эти писания Кузмина с сомовского портрета давно стали фактом биографии, времени, литературным комментарием к эпохе; большим искусством они никогда не были. Его создавал «другой Кузмин», Кузмин, смотрящий на нас с головинского портрета. Он нам и интересен сегодня.

Привлекает сегодня Кузмин-лирик, лишенный литературных румян, жеманного дендизма, автор лучших любовных стихотворений в «Сетях» (1908 г.) и «Осенних озерах» (1912 г.), Кузмин, написавший «Вожатого» (1916 г.) и «Нездешние вечера» (1921 г.).

«Любовь — всегдашняя моя вера», — писал Кузмин. И в самом деле, любовь у Кузмина — старая и вечно новая стихия чувств, никогда не скудеющая и торжествующая вопреки жизненным превратностям и препонам.

*Нам вестники — стрижи да чайки,
а паруса вдали — не нам;
любовь, какой другой хозяйке,
как не тебе, ключи отдам?*

Любовь у Кузмина выступает как бы чувственной стороной того мира, с которым поэт в неизменном ладу. А это гармоническое равновесие, которое существует между поэтом и миром вокруг него, — еще одно драгоценное качество поэтического мировосприятия Кузмина. Его отличает радостное ощущение неповторимости человеческой жизни в ее минутном преломлении, в ее тесном сцеплении с «миром простых вещей», окружающих человека. Между поэтом и этими простыми вещами — постоянный взаимобмен ценностями: поэт приручает их, обживает, питает от их щедрот ум и сердце, а стих сторицей возвращает миру реальное богатство, уже «олириченное» в самом движении предметных образов.

*Все трепетней, все благодарнее
встречает сердце мир простой,
и лай собак за сыроварню,
и мост, и луг, и водопой.
Я вижу все: и садик с вишнями,
и скатертью накрытый стол. . .*

Этот простой мир, существующий во всем многообразии домашних, обжитых мелочей, так неисчерпаемо богат, что Кузмин торопится подчас охватить его целиком и разом сообщить его прелестные приметы. Тому свидетельство — многие «лирические перечисления» Кузмина, вроде:

*Яблочные сады, шубка, лоза,
пчельник, серые широкие глаза,
оттепель, санки, отцовский дом,
березовые рощи да покосы кругом.*

Б. Пастернак, отдававший должное Кузмину, называл это «приемом мгновенного и мимолетного затрагивания пейзажа и задевания за него в вещах большой лирической скорости». И тут уместно сказать о примечательном свойстве кузминской поэтики: она чурается метафор, предельно конкретна, подчеркнуто прозаична, роднясь некоторыми чертами с поэтикой А. Ахматовой. Опираясь на Пушкина, а из современных Кузмину поэтов на И. Анненского, Кузмин смело вводил в стих разговорные интонации, работая в дерзких дольниках и непривычном для русского уха свободном стихе, освежал и взрывал поэтические штампы подчас рискованными прозаизмами и неологизмами.

На сложных литературных перепутьях эпохи Кузмин не примыкал ни к символистам, ни к акмеистам, всегда оставался самим собой, верным собственной программе — «прекрасной ясности» (кларизму), требованиям четкости в построении, логичности и чистоты языка. Он держался в стороне от литературных групп и направлений, но любовно предварял поэтический дебют А. Ахматовой (вступительная статья к «Вечеру» 1912 г.), В. Хлебников объявил его своим учителем, оберуты (Вагинов, Введенский), Пастернак, Маяковский, Есенин, Багрицкий прислушивались к нему.

А. Блок, как никто другой сумевший понять и оценить поэта, писал о раннем Кузмине: «Кузмин совершенно целен. Мы вольны принять и не принять его, но требовать от него хлеба — все равно, что требовать грации от Горького». Кузмин и вправду был, как правило, глух к общественным задачам своего времени, но это не помешало ему восторженно встретить революцию, свержение самодержавия. Он один из первых написал в 1917 году стихотворение «Русская революция».

*Словно сто лет прошло, а всего неделя!
Какое неделя... двадцать четыре часа!
Сам Сатурн удивился: никогда доселе
не вертелась такой вертушкой его коса...
Вспомните это утро после черного вчера,
это солнце и блестящую медь,
вспомните, что снилось вам в далекие вечера,
но что заставляло ваше сердце гореть!*

*Вести все радостней, как стая голубей...
«Взята Крепость... Адмиралтейство пало!»
Небо все яснее, все голубей...
Как будто Пасха в посту настала...
Смех? Но к чему же постные лица,
мы не только хороним, мы строим новый дом.
Как всем в нем разместиться,
подумаем мы потом.
Помните это начало советских депеш,
головокружительное: «Всем, всем, всем!»
Словно голодному говорят: «Ешь!»,
и он, улыбаясь, отвечает: «Ем!»
По словам прошел крепкий наждак
(Обновители языка, нате-ка!),
и слово «гражданин» звучит так,
словно его впервые выдумала грамматика.
Русская революция — юношеская, целомудренная, благая —
не повторяет, только брата видит в французе,
и проходит по тротуарам простая,
словно ангел в рабочей блузе.*

Известная сдержанность политических высказываний не сказалась на восторженной оценке Кузминым «Двенадцати» Блока, равно как и не помешала активной литературной работе Кузмина в 20—30-е годы. Были написаны замечательные «Параболы» (1923 г.) и «Форель разбивает лед» (1929 г.), десятки статей об искусстве, блистательно переведены «Золотой осел» Апулея, более ста сонетов и несколько пьес Шекспира,

новеллы Мериме для учрежденной Горьким «Всемирной литературы» и для издательства «Academia».

Кузмин похоронен на Литераторских мостках, неподалеку от А. Блока. На мраморной плите надпись: «Михаил Кузмин — 1875—1936 — поэт»

Г. Шамаков

14 ДЕКАБРЯ

В этом жутком граде теней,
снов, несбывшихся стремлений,
ветров, льда,
жизнь текла без изменений,
как всегда.

Вечно юная столица,
словно в сказке, веселится,
блеск балов,
только изредка приснится
Пугачев.

Вдруг зловещий гул набата,
и затрясся от раскатов
град Петра,
и гремела канонада
до утра.

«Реет Занда дух над нами,
лучше смерть, чем быть рабами,
братья, в бой!

Вольности подыдем знамя
огневой!»

В полумгле мертвеют лица,
сердце — пойманная птица.
Сон иль бред?

Ах, с тираном бы сразиться!
Силы нет.

Словно крылья подрубили,
словно были и не были,
душно вновь.

Все, что грезилось, уплыло,
только кровь. . .

Но ужели столь мгновенно
все, что свято и нетленно,
унесла

этой черной ночи пена,
ночи мгла?

Мир ушедшим без возврата,
тем, кто отдал в час расплаты
кровь свою
и на площади Сената
пал в бою.

1927.

АЛЕКСЕЙ ЛЕБЕДЕВ

Столетия лежит в коридоре Высшего военно-морского училища имени Фрунзе картушка компаса, как бы говоря о том, что по направлению всех румбов идут служить на флот Родины лейтенанты. Отсюда же уходил и Алексей Лебедев. А в одном из залов музея училища на видном месте раскрыт сборник его стихов и посетители читают «Путь на моря», одно из самых замечательных стихотворений поэта-мариниста, прекрасно сочетавшего в себе морскую профессию и высокое поэтическое мастерство. И для новых поколений офицеров и курсантов поэт и штурман подводной лодки «Л-2», погибшей на Балтике, Алексей Лебедев — это слава и гордость Флота.

Публикуемые здесь стихи Лебедева не входили ни в одну из его книг. Я получил их у его сестры Ирины Алексеевны, ныне проживающей в г. Иваново.

Мичман Н. С. Якубовский

ДАНЬ РОМАНТИКЕ

Основ романтических вымпел,
Корабль в полуденных морях,
Чей парус под бурями выцвел
На черных тревожных путях.

Идти над глубинами в дали.
Путь выбран по взлету руки —
Не мне ли навстречу вставали
Туманные материки.

Я пеной соленою выжжен,
Душа закалится в огне.

И ветер горячий и рыжий
Лицо оцарапает мне.

И всюду, где плещутся волны,
Где жгуч небосклон золотой,
Плыву я счастливый и вольный
Над звонкой и бурной водой.

Взмываются выше буруны,
Идут на подъем якоря.
Да здравствует юность на шхуне
И вспененный путь на морях!

1938

РОЖДЕНИЕ СТИХА

Расплавленный металл стихотворенья,
Бесформенность пылающая — строчек,
Я открываю напряженно лист,
Кипучей лавой образов и речи
Разбрызгивая искры вдохновенья,
Поток стихов сверкающе стекает
В законченную строгость формы
И, твердостью упругой наливаясь,
Надежной сталью в рифмах застывает.
Я зажимаю теплую отливку
В тиски тугие критики жестокой
И первый шлак и корку слов ненужных
Решительно зубилом обрубаю.
Я ощущаю крепкую весомость
Строки стиха, отлитой ныне мною,

Как инструмент, годящийся к работе,
Как лезвие, отточенное к бою.
И стих готов, возьми его, товарищ!
Работай с ним уверенней и крепче,
В цеху, в труде,
А если будет нужно,
Ты перелей его слова на пули
Или на сталь гремящего снаряда,
Чтобы слова взрывались и с разлета
Осколками пылающими били.

1936

ЗАЛП

В морозной мгле мы выходили в море,
Ломались льдины около бортов.
Все было белым в пасмурном просторе
Не в меру крепких в эту зиму льдов.
В ущелиях базальтовых нагорий
Стояли пушки. Без излишних слов
Враг уточнил прицел по нам. И вскоре
Весь лед звенел, как лопнувший швартов.
Шли корабли, безмолвствуя, доколе
Слова команд, исполненные волей,
До командиров в башни не дошли.
Ревун запел, и содрогнулись реи,
И замолкали в злобе батареи
Во мгле ущелий вражеской земли.

1941

СЕРГЕЙ СПАССКИЙ

Сергей Дмитриевич Спасский ушел из жизни в пору полной творческой зрелости, незадолго до своего шестидесятилетия, оставив значительное литературное наследие — и в стихах, и в прозе. За плечами поэта был уже немалый путь сложных творческих исканий. Он выпустил ряд стихотворных сборников, отразивших многие вкусы и пристрастия 20-х годов, эпохи становления советской литературы. Им написана живая и острая книга воспоминаний о Вл. Маяковском, с которым был близок автор в дни своей молодости. С его именем связано немало рассказов и повестей, отразивших опыт гражданской войны и первых пятилеток. Осталось, наконец, два романа — своеобразная летопись чувств, волнений и надежд, свойственных молодой советской интеллигенции, осваивающей новые исторические пути своего роста.

Скромный, требовательный к себе, глубоко чувствующий и проникновенно мыслящий, Сергей Спасский шел в искусство своим, нелегким путем. В понятие Революции он вкладывал не только широкий социальный смысл, но и идею личного самоуглубления и самоусовершенствования, цель которого — служение людям, Родине, миру. Годы военных испытаний, включая сюда перенесенные им тяготы ленинградской блокады, сообщили стихам этой поры ноту мужества и твердой уверенности в конечной победе, ясно проступающую на общем трагедийном фоне лирических признаний поэта.

... Жизнь, шипы взрастившая на розах,
Хранящая в земных глубинах соль,
Мудрее нас.

В необходимых дозах
Она со счастьем смешивает боль.

Это смешение боли и счастья составляет лирическую доминанту поэзии С. Спасского. Отсюда ее подлинная взволнованность и с первых же строк подкупающая правдивость.

Чистота и ясность поэтического сознания не сразу стали прочным достоянием лирики С. Спасского. Литературная его молодость прошла в кругу позднего русского футуризма, о чем он сам рассказал в своей мемуарной книге. Но этот период был только неизбежным этапом роста, в дальнейшем не оставившим за собою заметного следа. Поэтический вкус и честность мыслей привели поэта к реалистическим позициям искусства, на которых им и создано все самое значительное в творческом пути.

Несмотря на ряд книг в стихах и в прозе, выпущенных в довоенное и послевоенное время, творческое наследие Сергея Спасского далеко не исчерпано. В посмертном сборнике, вышедшем в издательстве «Советский писатель» в 1958 году, среди лирических стихотворений помещены и две поэмы, над которыми автор работал в последние годы: «Путешествие» (поэтические очерки природы и истории Грузии) и замечательная стихотворная повесть-биография «Параша Жемчугова», рассказывающая о трагической судьбе крепостной актрисы XVIII века из театра графа Шереметьева. Основная идея — талантливость русской нации, да и все произведение посвящено теме народности подлинного искусства. Повествование прерывается лирическими отступлениями об искусстве, несущем идею освобождения, о трагедии страстной и свободолюбивой души, рвущейся из оков. Богата, пестра, разнообразна и словесная ткань этой вещи, насыщенная множеством бытовых подробностей, поданных с чувством подлинного историка. Рассказ о временах, ушедших в седое прошлое, развернут на фоне современных нам представлений о творчестве народа.

Лирика последних лет и эта поэма — талантливая страница из истории русского демократического театра — свидетельствуют о том, что примечательное дарование Сергея Спасского преждевременная смерть оборвала в пору наивысшего расцвета.

Даем несколько стихотворений из его неопубликованного литературного наследия.

Всеволод Рождественский

ЧАПЛИН

Массивным шумом вея,
Машины мчат вокруг.
И прыгает конвейер
Сухой рекой из рук.

Меня хватает рокот
За шиворот. В поту
Я должен гайки трогать
Рывками на лету.

Валов многоэтажна,
Громоздка кутерьма.
Я тороплюсь. Мне страшно.
И я схожу с ума.

К бетону липнут шины.
Я окнам шлю поклон.
Вползают крыш вершины,
Как дымы, в небосклон.
Свистки! Смятенье! Свалка.
Несутся зданья вскачь.
Резиновая палка
Порхает, будто мяч.
Вывертываюсь. Где там!
Сумятицей влеком,
Напрасно я с приветом
Киваю котелком.
Для своры безработной
Надежный кров — тюрьма.
Мне в камеру? — Охотно.
Но я схожу с ума.

О Мэри, что такое?
У нас из досок дом.
Как нужно нам в покое
Пожить простым трудом.
Ведь я веселый парень,
Я кроток, словно вздох,
Я в стольких водах варен,
На стольких ветрах сох.

Сравнительно немного
Нам надобно еды,
Клочок цветка земного
Да искорку звезды.
Неужто грабить, Мэри?
Ну посуди сама.
Я ворох стран измерил,
И я схожу с ума.

И снова мотоциклы
За нами гонит власть,
И нас почти настигли,
И нам совсем пропасть.
Земного шара корка
Нас отряхает прочь.
Опять ногами дергать,
Подошвой пыль толочь.
Вновь под мостом, на дне ты,
Вниз, в мусор кувырком.
И по лицу планеты
Я стукну котелком.
И выпрыгну с экрана,
И крикну в темный зал:
— Ты, зритель, слишком рано
Мне гибнуть приказал.
Еще усилие, Мэри,
Дороги даль пряма.
Откроет утро двери.
Не смей сходить с ума.

1936

ИЗ ЦИКЛА «НАД МОРЕМ»

I

Поговорим о море, о его
Существовании неизмеримом,
Подвижном, непрестанно вновь творимом.
Поймем его живое вещество,
Рождающееся перед глазами,
И исчезающее вдалеке,
И славословящее голосами
Волн, расстилающихся на песке.
Оно не близко и не то чтоб в окна
Мерцало световую пеленой,
Но свежих пен курчавились волокна
Там, под горой отлогой и лесной.
... Навесы сосен. Медной чешуею
Отсвечивают ржавые стволы.
Песок — голубоватою золою,
И душен вязкий аромат смолы.

И вереска лиловые пылинки,
И губчатая мякоть мхов легла.
Лощинки, где малина, и долинки,
Где трав клубится трепетная мгла.
Здесь поутру, ступая осторожно,
Идешь среди порхающих теней.
Здесь все неприкровенно, все не ложно,
И, что ни шаг, до самых недр видней.
Ты сбросил оболочки мыслей прежних,
Уйдя от городского бытия,
И по откосу пенится орешник,
В овраге — колокольчики ручья.
И вот он сам, весь будто огоньками
Осыпанный, упруг и неглубок.
Он проскользнет, как рыба, под руками
И спрячется в укромный желобок.
И все небесным ясным океаном
Объято. Мы на дне. И видно нам —
Там облака подобные полянам
Плывут или подобные холмам.
От их возникновенья и полета
Беззвучного — такая лень в груди...
А под ногой зачмокали болота,
По рыхлым кочкам их переходи.
И наконец, среди сплетенных веток
Блеснет навстречу синее окно.
То — к морю ты выходишь напоследок.
Весь горизонт свободен.
Вот оно.

II

Забудь, что жизнь — забот нагроможденье.
День шелковистым теплым ветром полн.
Как благодатно плавное рожденье
Неторопливо восстающих волн!
И если взгляд переведешь направо,
Там синева холмиста и сыра
И пены кое-где мелькнет оправа,
Как тонкая пластинка серебра.
Левее глянешь — словно накаленной
Становится вода. Лучей шатер
Висит над ней, над голубой, зеленой,
А там она как золотой костер.
И отблески слепительные роем
Над ней танцуют, радостно скользя.
И на мгновенье мы глаза закроем.
Тот жаркий блеск перенести нельзя.

III

Немало прожито. Годов остаток
Не столь велик.
Все определено.

Ни перемен внезапных, ни загадок.
Жизнь — зрелое растение, не зерно.
Ветвей распределенье, листьев формы —
Все выявилось, то, что испокон
Судьба вложила; все границы, нормы
Предуказал не случай, но закон.
О том ли мне мечталось на рассвете?
Заглянешь в суть событий. Что ж? О том.
Лишь верилось, что легче жить на свете,
Жизнь представлялась в облике простом,
И более беспечною казалась,
И праздничней чуть-чуть. Издалека
Она души, как музыка, касалась,
Как летний день сияла, велика.
И мальчуган, склоненный над тетрадкой,
Неопытными рифмами стуча,
Воображал: засветит не украдкой
И не под спудом творчества свеча.
Но чрез года мишурные созвездья
Отвергло сердце, путь иной избрав,
И предпочло все тягости безвестья
Во имя правды, большей всяких слав.

1948

ЮРИЙ ТКАЧЕВ

Один из наиболее талантливых поэтов литературного объединения «Нарвская застава» Юрий Ткачев ушел из жизни очень рано — в самом начале своего творческого пути. В 1966 году он успел выпустить первую книгу стихов — «Солнцепок». Публикуем стихотворение Юрия Ткачева из архива поэта.

Игорь Михайлов

***

Я черной ночью укололся
об острый тонкий луч звезды:
хрустальный воздух раскололся,
на веках инеем застыл.
Я пил глотками воздух этот,
заиндевший и густой,
и только звезды — капли света —
звенели снежной чистотой.

А ночь цвела. Пустыня стыла,
но вся из синего огня
за бездной женщина грустила,
звала, тревожила меня.
Тек ледяной поток по жилам.
Взрываясь, вспыхивала кровь...
А мир молчал...
Миры кружила
во мгле летящая любовь.

И. ЛАЗАРЕВСКИЙ

ПРОГУЛКА ПОД ПАРУСАМИ

С Блоком мне приходилось встречаться по моей работе в петербургской газете «Слово» в конце 1900-х годов. Он иногда давал свои стихи, когда литературным отделом этой газеты заведовали Н. А. Котляревский, а затем Л. Я. Гуревич.

У нас установились приятные, но чисто внешние отношения: встречи на литературных собраниях, на выставках, концертах. Два-три хороших, дружественных слова, но не больше.

Как-то в 1908 или 1909 году, по пути в яхт-клуб, где я часто отдавал свой досуг парусному спорту, я зашел в кондитерскую Беррен на улице Гоголя и встретил там Блока. Было много покупателей. В ожидании, пока освободится продавщица, мы разговорились. Не помню, как вышло, что я пригласил Блока поехать со мной в яхт-клуб и, если будет, выражаясь спортивным языком, «погода», пройтись на яхте.

Блок согласился с искренним восторгом. Оказалось, что он никогда не ходил под парусами на яхт-клубской яхте и давно мечтал о такой прогулке.

Вечеревший летний день был на редкость хорош. Мы быстро проехали Петровским островом на Крестовский, к яхт-клубу. Прошли веранду и сели за один из столиков клубного ресторана. Что-то заказали, чтобы подкрепиться перед прогулкой.

Я оставил Блока одного и пошел налаживать прогулку. На наше счастье, ровный ветер дул «на воду», то есть с Невы на залив.

Я выбрал яхту известного тогда Вилли Пфедфера, одного из лучших рулевых. У самого Пфедфера — скромного банковского клерка — своей яхты не было, но ему поручалась яхта владельца шоколадной фабрики «Жорж Борман», и он брал на ней призы за призами. Яхта была прекрасная, знаменитой фанферфлитовской стройки, легкая, стройная и ходкая.

Быстро приготовились. Быстро выполнили все необходимые формальности и под небольшим постоянным креном легли курсом на Кронштадт и дальше к Толбухину маяку.

На яхте нас было четверо: Пфедфер, матрос на кливерах, Блок и я. Я не без умысла выбрал именно Пфедфера: банковский клерк, если и читал что-либо, то разве только отделы биржи и спорта в петербург-

ской немецкой газете. Имя Блока не могло вызвать в нем любопытства.

Блок поместился около мачты. Но как только крен яхты, поставленный умелым Пфедфером на максимальный «захват» ветра, стал значительнее, Блок пересел ближе к корме и на этом месте оставался в продолжение всей прогулки.

Я не преувеличу, если скажу, что как только яхта набрала свою предельную скорость, Блок, словно очарованный, весь отдался ощущению ее хода. Ветер был ровен и мягок. Острый нос резал невысокую волну. Ее всплески широко разбегались за кормой. Паруса чуть потрескивали, сопротивляясь ветру.

На фоне широкого полотнища темно-кремового паруса замечательным силуэтом вырисовывался полный тонкой красоты облик Блока, его одухотворенное лицо, окаймленное ореолом легких золотистых волос, колеблемых порывами ветра.

Я не тревожил его попытками завязать разговор, только осторожно наблюдал за ним.

К тому же на обратном пути у Пфедфера что-то случилось с рукой и мне самому пришлось взяться за румпель. Надо было вести яхту уже против ветра, то есть часто меняя курс, а такое управление, по-морскому «лавировка», требует напряженного внимания.

Отчетливо помню, как встрепенулся Блок при первой же перемене курса, когда распущенные паруса, закрепленные в другом положении, перед тем как набрать силу ветра, «заполоскались» на несколько мгновений.

— Ведь это словно трепет каких-то фантастических крыльев, — воскликнул Блок и прибавил, что в прогулке на яхте все чудесно. Это были, пожалуй, единственные слова Блока, произнесенные им за все время прогулки.

Красота береговых очертаний, в дымке вечера уходящих все глубже вдаль, водная ширь с бликами парусов на лиловой и все темневшей глади залива, сумрачные, суровые линии кронштадтских фортов, ритм набегавших волн и тот характерный звук, который производит волна, ударяясь об обшивку скользящего судна, шелест громадных шелковых парусов, односложная команда рулевого матросу — все это, по-видимому, сильно действовало на Блока.

Помню, что его особенно поразила панорама далекого Петергофа, который в лучах совсем уже спустившегося солнца сверкнул золотом куполов и яркими цветными точками множества дворцовых окон.

Когда мы наконец пришвартовались, Блок горячо поблагодарил Пфедфера и матроса. Мы пошли к яхт-клубной веранде. Она была полна нарядной публики. Из широких открытых окон клубного зала слышались звуки музыки: среди членов яхт-клуба были отличные пианисты. Я пригласил Блока поужинать. Но он отказался и, почти не делаясь со мной впечатлениями, быстро направился к выходу. Взяв у швейцара оставленные им мягкую шляпу и какой-то сверток, Блок крепко пожал мне руку и скорыми шагами направился к пристани финляндских паромщиков.

Признаюсь, я почувствовал себя несколько озадаченным. Уж очень лаконичны были блокские слова и слишком стремителен его уход. Я тоже недолго оставался в яхт-клубе. В швейцарской корректный Пфедфер подошел ко мне справиться, остался ли Блок доволен прогулкой.

Рано утром на следующий день зазвонил телефон. Говорил Блок. Он восторженно благодарил за доставленное удовольствие. Прогулка, по его словам, так взволновала его, что он долго не мог привести в порядок свои нервы. Этой взволнованностью Блок и объяснил свой поспешный уход из клуба: он никак не предполагал, что прогулка на яхте вызовет в нем так много разнообразных ощущений.

Я просил его обращаться ко мне, как только ему захочется ее повторить. Блок ответил, что такие прогулки неповторимы.

Из материалов сборника «Александр Блок в воспоминаниях современников», подготовленного В. Н. Орловым для издательства «Художественная литература». Публикуется впервые.

Автор воспоминаний — Лазаревский Иван Иванович (1850—1948), журналист, художественный критик и искусствовед, художник-полиграфист; редактор газет «Слово» (1908), «Время» (1914—1916), «Вечернее время» (1916) и ряда художественных изданий, автор книги «Среди коллекционеров» (1-е издание — 1914 г.) и редактор журнала «Среди коллекционеров» (1921—1924).

В ЭТОМ ВЫПУСКЕ «ДНЯ ПОЭЗИИ»:

НОВОЕ

- И. Авраменко — стр. 7; Л. Агеев — стр. 10; В. Азаров — стр. 11; А. Аквилев — стр. 13; Г. Алексеев — стр. 14; Н. Альтовская — стр. 15;
Л. Барбас — стр. 15; В. Бетаки — стр. 16; Д. Бобышев — стр. 17; В. Борисов — стр. 17; М. Борисова — стр. 18; Н. Бороздин — стр. 19; С. Ботвинник — стр. 21; Н. Браун — стр. 25;
Р. Вдовина — стр. 29; А. Векслер — стр. 30; Е. Вечтомова — стр. 31; А. Володин — стр. 32; Ю. Воронов — стр. 33;
Т. Галушко — стр. 33; Г. Гампер — стр. 34; Л. Гладкая — стр. 34; Н. Глейзаров — стр. 36; Г. Глозман — стр. 36; Н. Гольдин — стр. 37; М. Головенчиц — стр. 37; Г. Горбовский — стр. 38; А. Городницкий — стр. 39; В. Грошиков — стр. 40; Н. Грудинина — стр. 40;
С. Давыдов — стр. 41; Л. Дианова — стр. 43; И. Демьянов — стр. 43; Л. Друзкин — стр. 44; Э. Дубровина — стр. 45; М. Дудин — стр. 46;
Н. Евстифеев — стр. 47;
В. Зотов — стр. 48;
И. Иванов — стр. 49;
А. Кабанов — стр. 51; П. Каганова — стр. 52; Н. Карпова — стр. 52; Б. Кауров — стр. 53; Б. Кежун — стр. 54; П. Кобраков — стр. 55; М. Комиссарова — стр. 56; Н. Королева — стр. 57; А. Краснов — стр. 58; А. Крестинский — стр. 59; М. Кривицкий — стр. 60; В. Кузнецов — стр. 61; Л. Куклин — стр. 63; Е. Кумпан — стр. 66; П. Кустов — стр. 67; Н. Кутов — стр. 68; А. Кушнер — стр. 69;
Ю. Люба — стр. 71;
С. Макаров — стр. 72; В. Максимов — стр. 74; И. Малярова — стр. 74; Н. Малышев — стр. 79; И. Михайлов — стр. 80; А. Морев — стр. 82; Л. Мочалов — стр. 83;
Б. Некрасов — стр. 84; Г. Некрасов — стр. 86; Н. Новоселов — стр. 87; Р. Назаров — стр. 89;
П. Ойфа — стр. 90; С. Орлов — стр. 94; Н. Островская — стр. 96;
Б. Павлов — стр. 97; Г. Пагирев — стр. 98; Л. Палей — стр. 99; А. Петров — стр. 100; С. Погореловский — стр. 101; Н. Полякова — стр. 102; В. Попов — стр. 105; Л. Попова — стр. 107; А. Прокофьев — стр. 110; В. Прохвятилов — стр. 116;
А. Решетов — стр. 117; В. Рождественский — стр. 119; Е. Рывина — стр. 122; А. Рытов — стр. 122;
М. Сазонов — стр. 123; Е. Серова — стр. 123; И. Сергеева — стр. 124; Г. Семенов — стр. 124; Л. Семенов-Спаский — стр. 125; Ю. Скородумов — стр. 126; Н. Слепакова — стр. 126; В. Соколов — стр. 127; И. Соловьев — стр. 128; В. Соснора — стр. 130;
Йоле Станинич — стр. 132; Л. Стекольников — стр. 133; Л. Суздальская — стр. 136; В. Суслов — стр. 137;
И. Таяновский — стр. 137; А. Титов — стр. 138; А. Тер-Акопян — стр. 138; О. Толмачева — стр. 139; В. Торопыгин — стр. 140; С. Трескунов — стр. 142; Г. Трифонов — стр. 142;
Г. Усова — стр. 144; В. Устинов — стр. 144; Н. Ушаков — стр. 145;
Л. Фадеева — стр. 145; С. Фогельсон — стр. 145;
Риза Халид — стр. 146; В. Халупович — стр. 148; Л. Хаустов — стр. 148; А. Храмутичев — стр. 150;
О. Цакунов — стр. 151;
А. Чепуров — стр. 151; А. Чуркин — стр. 154;
В. Шалыт — стр. 155; А. Шевелев — стр. 157; О. Шестинский — стр. 158; В. Шефнер — стр. 160; В. Ширали — стр. 162; Е. Шлионский — стр. 163; В. Шошин — стр. 164;
Б. Щаринский — стр. 165; Л. Щипахина — стр. 166;
Н. Яворская — стр. 167.

РЕЦЕНЗИИ

- Н. Королева* (Л. АГЕЕВ. МОЙ ЧЕЛОВЕК; А. ГОРОДНИЦКИЙ. АТЛАНТЫ) — стр. 7;
И. Александров (Н. БРАУН. ГИМН ОДЕРЖИМЫМ) — стр. 25;
Д. Левачевский (М. ДУДИН. НА КРАЮ СВЕТА) — стр. 49;
Н. Полякова (Н. КОРОЛЕВА. ОЗЕРНЫЕ ВОКЗАЛЫ) — стр. 51;
Л. Хаустов (В. КУЗНЕЦОВ. ОСТРОВ ВРЕМЕНИ; В. ТОРОПЫГИН. ПОКОЛЕНИЯ) — стр. 61;

- Н. Альтовская* (Н. КУТОВ. ЗНАКОМЫЕ КРАЯ РОССИИ) — стр. 64;
А. Македонов (О НОВЫХ ИЗДАНИЯХ А. ГИТОВИЧА) — стр. 71;
И. Малярова (ПОЭТИЧЕСКАЯ ПАНОРАМА ЛЕНИНГРАДА) — стр. 72;
С. Владимиров (И. МИХАЙЛОВ. КОРОТКИЕ ВОЛНЫ) — стр. 80;
И. Рожанковская (Л. МОЧАЛОВ. ВСЕЛЕННАЯ ЗА ОКНОМ; Р. ВДОВИНА. ЗЕЛЕННЫЕ КУПОЛА) — стр. 85;
В. Кузнецов (Н. НОВОСЕЛОВ. ТЕТРАДЬ ИЗ ПОЛЕВОЙ СУМКИ; В. ШОШИН. БИБЛИОТЕЧКА ИЗБРАННОЙ ЛИРИКИ) — стр. 87;
В. Шефнер (П. ОЙФА. СЛУЖБА ПЕСНИ) — стр. 91.
А. Миңчковский (Л. ПАЛЕЙ. НЕПОГОДА) — стр. 100;
Д. Хренков (Н. ПОЛЯКОВА. Я ЖДУ ТЕБЯ; С. МОЛЕВА. ПОДСНЕЖНИКИ) — стр. 101;
Б. Кежун (А. ПРОКОФЬЕВ. ГРОЗДЬЯ. ПРИСТРАСТИЯ) — стр. 104;
М. Сазонов (А. РЕШЕТОВ. Я ВЕРНУЛСЯ ДОМОЙ; И. АВРАМЕНКО. НАРЫМСКАЯ ПОВЕСТЬ) — стр. 108;
В. Соловьев (В. ХАЛУПОВИЧ. И НЕТ МНЕ ОТПУСКА; Е. КУМΠΑИ. ГОРСТИ) — стр. 111;
А. Эльяшевич (Л. ХАУСТОВ. ГОД ПРИЗЫВА 1941) — стр. 113;
Е. Мин (О. ШЕСТИНСКИЙ. ГОРНИЦА) — стр. 115;
В. Бахтин (В. ШЕФНЕР. СВОДЫ) — стр. 116;
И. Малярова (Л. ЩИПАХИНА. БИБЛИОТЕЧКА ИЗБРАННОЙ ЛИРИКИ) — стр. 155;
И. Михайлов (НОРА ЯВОРСКАЯ. ДВИЖЕНИЕ) — стр. 156.

РАЗГОВОР О ПЕСНЕ

- В. Торопыгин — стр. 171; А. Чуркин — стр. 171; С. Фогельсон — стр. 173; Л. Кукулин — стр. 174; Н. Глейзаров — стр. 175; А. Городницкий — стр. 175; Н. Малышев — стр. 176.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

- А. Ахматова — стр. 179; М. Бернович — стр. 183; С. Дагаев — стр. 185; М. Ирнин — стр. 186; Н. Крандиевская-Толстая — стр. 188; М. Кузмин — стр. 193; А. Лебедев — стр. 197; С. Спасский — стр. 198; Ю. Ткачев — стр. 202; И. Лазаревский — стр. 203.

ДЕНЬ ПОЭЗИИ. 1968

Л. О. изд-ва «Советский писатель»,
1968, 208 стр. Тем. план вып. 1968 г.
№ 153.

ХУДОЖ. РЕДАКТОР
А. Ф. ТРЕТЬЯКОВА

ТЕХН. РЕДАКТОР
М. А. УЛЬЯНОВА

КОРРЕКТОРЫ
Р. М. ДАНЦИГ и Э. И. ПАНОВА

Сдано в набор 20/VIII 1968 г. Подпи-
сано в печать 21/X 1968 г. М 42540.
Бумага 84×108¹/₁₆, № 2. Печ. л. 13
(21,84). Уч.-изд. л. 14,43. Тираж
50 000 экз. Заказ 1288. Цена 1 р. 25 к.
Издательство «Советский писатель»,
Ленинградское отделение. Ленинград,
Невский проспект, 28.
Ленинградская типография № 5 Глав-
полиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров СССР; Крас-
ная ул., 1/3.

Отпечатано с готовых матриц в тип, им. Володарского, Ленинград,
Фонтанка, 57 Зак, 1731

1 р. 25 коп.

 « С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ »